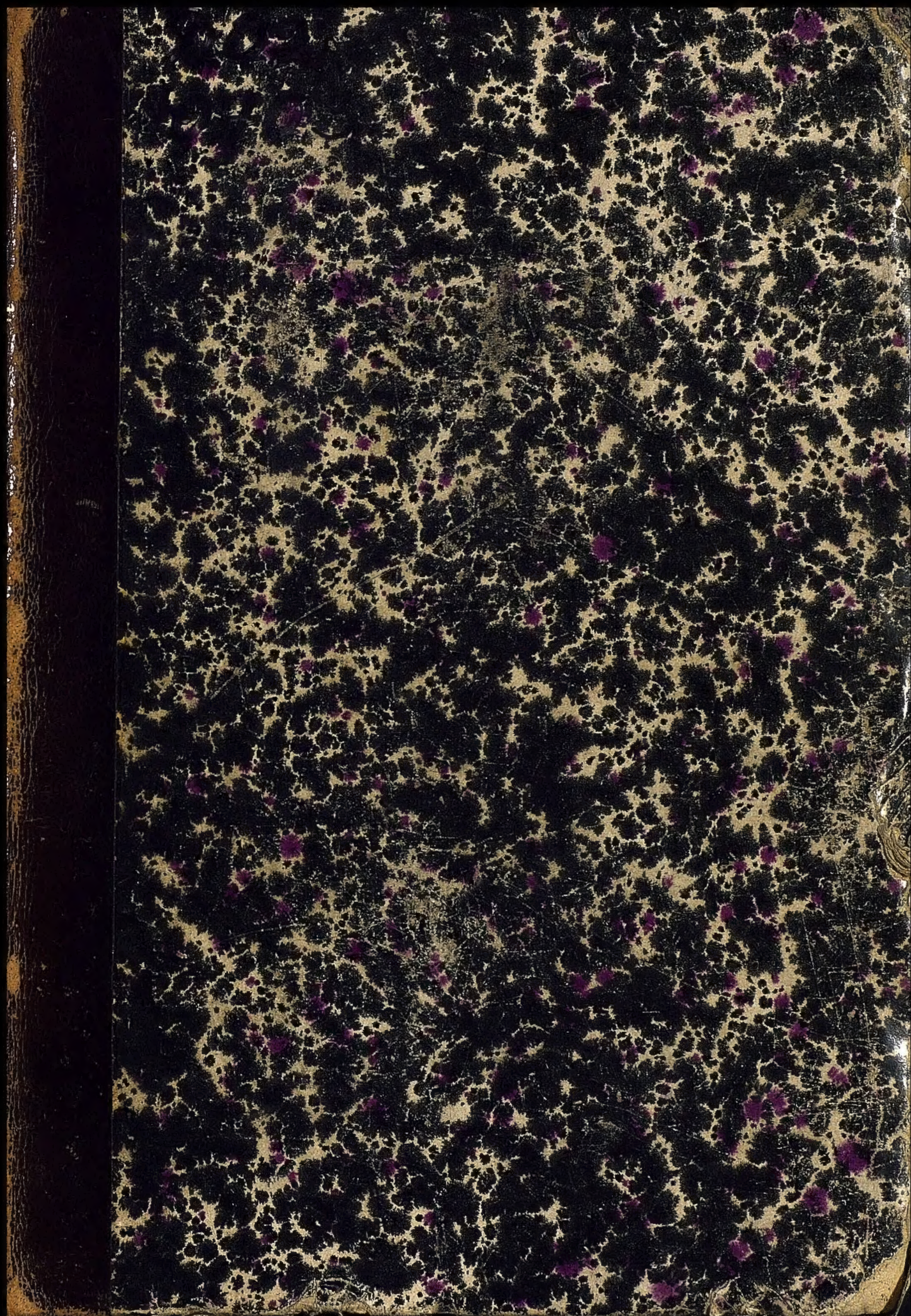

№ 10 Годъ XXII

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

ОКТЯБРЬ

1890

ТОМЪ VI

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1890

Содержаніе октябрьской книги.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1890

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

ТОМЪ VI

КНИГА ВТОРАЯ

(Октябрь)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1890

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И СУДЕБНОЕ УСТРОЙСТВО ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ОТЪ КОНСТИТУЦІИ 1815 ГОДА ДО РЕФОРМЫ 1864 ГОДА.

I.

Возстановленіе Польши, входившее въ число задачъ Наполеоновской политики, исполнено было имъ учрежденіемъ въ 1807 г. герцогства Варшавскаго, присоединеннаго къ Саксонскому королевству и составленнаго первоначально изъ старо-польскихъ земель, отрѣзанныхъ отъ Пруссіи по Тильзитскому трактату 1807 г., а затѣмъ, по Вѣнскому трактату 19 октября 1809 г., присоединена западная часть Галиціи, отошедшая отъ Австріи.

Наполеонъ, въ бытность свою въ Варшавѣ, продиктовалъ декретъ, обнародованный 22 іюля 1807 года. По этому статуту край весь раздѣленъ на департаменты, департаменты на уѣзды, уѣзды на общины или муниципалитеты; въ общинѣ поставленъ во главѣ мэръ или президентъ, по назначенію отъ правительства, вмѣстѣ съ приставленнымъ къ нему муниципальнымъ совѣтомъ. Учреждены были префекторальные и муниципальные совѣты, изъ коихъ послѣдніе остались на бумагѣ и не были заведены; мэры явились простыми полицейскими чиновниками, соотвѣтствующими полицейскимъ коммиссарамъ или нашимъ становымъ приставамъ, и переименованы, по старой памяти, въ войтовъ.

Статьею IV того же статута провозглашены были отмѣна рабства и равенство всѣхъ обывателей передъ закономъ. Декретомъ короля саксонскаго 1-го мая 1808 г. введенъ былъ въ Польшу гражданскій кодексъ Наполеона, составлявшій, до послѣдняго времени, излюбленное ея гражданское уложеніе.

Что же касается до судоустройства, то конституціонная хартія, пожалованная герцогству Варшавскому 22 іюля 1807 г., установила его въ слѣдующемъ порядкѣ: въ каждомъ уѣздѣ одинъ мировой судья, въ каждомъ департаментѣ (которыхъ было 6) одинъ гражданскій трибуналъ, на каждые два департамента одинъ судъ уголовный, наконецъ, для всего герцогства Варшавскаго одинъ аппелляціонный судъ и одинъ кассаціонный судъ, обязанности котораго возложены на государственный совѣтъ. Число этихъ судовъ вскорѣ оказалось недостаточнымъ и потому королевскимъ декретомъ отъ 4 іюля 1808 года, утвердившимъ министерскую инструкцію 17 мая того года, на уѣздныхъ подсудковъ, входящихъ въ составъ мировыхъ судовъ, возложено производство слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ и разбирательство дѣлъ полицейскихъ; вслѣдствіе чего составъ мировыхъ судовъ, состоявшихъ до того времени изъ двухъ отдѣленій—примирительнаго и спорнаго, усиленъ третьимъ отдѣленіемъ—полицейскимъ. Наконецъ, по вѣдомству каждаго изъ трехъ уголовныхъ судовъ, имѣвшихъ пребываніе въ городахъ Варшавѣ, Познани и Торунѣ, учреждены въ лицѣ подсудковъ суды уголовно-исправительные, занимавшіеся отчасти рѣшеніемъ отнесенныхъ къ ихъ вѣдомству уголовныхъ дѣлъ, отчасти производствомъ и приготовленіемъ ихъ на рѣшеніе уголовнаго суда. По присоединеніи части Галиціи, раздѣленной на 4 департамента, королевскимъ декретомъ отъ 26 іюля 1810 г. предписаны были для нихъ новыя правила уголовнаго судоустройства, такъ что до конституціи 1815 года въ герцогствѣ варшавскомъ существовала двойная система уголовнаго судоустройства.

Кромѣ того, во время существованія варшавскаго герцогства учреждена была юридическая школа въ Варшавѣ (18 марта 1808 года) и введены служебные экзамены (11 іюля 1809 года).

По декрету короля саксонскаго отъ 23 февраля 1809 г., за исключеніемъ городовъ Варшавы, Позена, Торуна и Калиша, получившихъ муниципальное устройство, въ остальное герцогство введено раздѣленіе на городскія и сельскія гмины. Органами мѣстнаго административнаго управленія были бургомистръ въ городѣ и войтъ въ селеніи, подчиненные помощнику уѣзднаго префекта. Бургомистровъ назначалъ король; сельскихъ же войтовъ—временно префектъ, изъ среды сельскихъ грамотныхъ обывателей, по предварительному соглашенію съ помощникомъ префекта. Войты утверждались окончательно министромъ внутреннихъ дѣлъ. Войтъ могъ быть одинъ на нѣсколько гминъ; въ помощь себѣ онъ допускалъ съ дозволенія и утвержденія помощника префекта лицъ, называвшихся солтысами, считавшихся кандидатами

къ заступленію мѣста войта. Солтысы должны были находиться въ каждой гминѣ и за нихъ отвѣтствовалъ войтъ. При бургомистрѣ, сообразно мѣстной потребности, состояло извѣстное число лавниковъ (ратмановъ), которыхъ назначалъ временно префектъ изъ среды мѣстныхъ грамотныхъ обывателей, по предварительному соглашенію съ своимъ помощникомъ, и утверждалъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

Гмина не составляла никакой общины, но была только извѣстная частица края, состоящая въ вѣдѣніи войта, какъ мѣстнаго, самаго низшаго въ іерархіи властей начальства. Войтъ въ гминѣ своей наблюдалъ за порядкомъ и общественною безопасностью и исполнялъ предписанія высшаго начальства. Каждый житель гмины безразлично входилъ въ составъ ея народонаселенія и подлежалъ контролю войта. Такимъ образомъ польская гмина не имѣла ничего общаго съ нашими волостными и сельскими общинами; она болѣе соотвѣтствуетъ русскимъ станамъ въ гораздо меньшемъ объемѣ и пространствѣ, а обязанности войтовъ—обязанностямъ становыхъ приставовъ.

Настоящимъ устройствомъ гмины, патримоніальныя права помѣщиковъ въ отношеніи къ крестьянамъ ограничивались въ административномъ отношеніи. При этомъ интересно, что какъ эти, такъ и другія мѣры, клонившіяся къ ограниченію дворянскихъ привилегій и огражденію другихъ сословій въ Польшѣ, вносились правительствами, чуждыми странѣ.

Кромѣ того въ городахъ и уѣздахъ учреждено было нѣчто похожее на наши городскія думы и уѣздныя собранія въ видѣ городскихъ и сельскихъ совѣтовъ. Городскіе и сельскіе совѣты составлялись префектомъ изъ числа избранныхъ городомъ или селеніемъ кандидатовъ, по предварительномъ совѣщаніи его съ приглашенными для сего городскими или сельскими хозяевами. Въ гминахъ, имѣющихъ болѣе 2,500 жителей, полагалось 10, менѣе 2,500—5, а въ имѣющихъ менѣе 100 жителей—3 городскіе совѣтника или столько же сельскихъ. Городскіе совѣтники избирались, по мѣрѣ возможности, изъ грамотныхъ мѣстныхъ обывателей. Совѣты занимались составленіемъ раскладокъ и расходныхъ смѣтъ мѣстныхъ сборовъ, повѣркою отчетовъ бургомистра, представленіемъ соображеній о распредѣленіи между гминами уѣздныхъ податей и общественныхъ повинностей и совѣщаніемъ о нуждахъ гмины, съ правомъ представлять свои заключенія объ улучшеніи мѣстной администраціи. Совѣты эти имѣли въ году три очередныя засѣданія и кромѣ того созывались префектомъ.

Соціальный и политическій строй Польши были вовсе не таковы, чтобы начала свободы и равенства, выработанныя французскою ре-

волюціею, принесли тамъ ожидаемые плоды. Во главѣ этого строя оставалось дворянство, шляхта, опиравшаяся на аристократію (магнатовъ) и стремившаяся занять исключительное, привилегированное положеніе, съ полнымъ порабощеніемъ низшихъ классовъ. Безземельное освобожденіе крестьянъ повело только къ отобранію отъ нихъ всей земли, состоявшей въ ихъ пользованіи, на которую крестьяне въ Польшѣ распространяли тѣ же владѣльческія притязанія, какія они проявляли и въ Россіи, гдѣ крестьянинъ, во время крѣпостнаго права, руководился всегда такою юридическою аксіомою: «мы ваши, а земля наша».

Въ такъ называемомъ Тарчинскомъ проектѣ 1767 г., написанномъ отъ имени крестьянъ и найденномъ кн. Любомірскимъ въ Парижѣ, въ библіотекѣ Чарторыйскихъ, высказывается опредѣленно со стороны крестьянъ желаніе получить въ полную собственность кметовъ участки, и вмѣстѣ съ тѣмъ право пользованія лѣсомъ и пастбищемъ (сервитутами) за опредѣленное и постоянное денежное вознагражденіе. Проектъ этотъ, по предположенію Корзона и Мякотина, составленъ крестьянами, вышедшими изъ своего сословія въ дворовые и нахватавшимися образованія.

Въ томъ же 1807 году, когда уничтожено было рабство, декретомъ 21 декабря король саксонскій, герцогъ варшавскій развилъ эту мѣру, предоставивъ крестьянамъ право свободнаго выхода изъ имѣній; при чемъ дано было право удержать за собою занятую ими землю, но только *на одинъ годъ*, подъ условіемъ отбыванія прежнихъ повинностей; затѣмъ дальнѣйшее опредѣленіе хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ земли предоставлено было обоюднымъ между ними соглашеніямъ, безъ всякаго стѣсненія землевладѣльцевъ въ распоряженіи землею, и съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы контракты, заключаемые крестьянами на вѣчные времена или на срокъ, свидѣтельствовались судебнымъ порядкомъ, для удостовѣренія въ ихъ добровольности. Такъ называемый усадебный инвентарь крестьянъ (т. е. земледѣльческія орудія, рабочій скотъ и зерно на посѣвъ) былъ признанъ собственностью землевладѣльца. Положеніе 1807 г. не выговорило въ пользу крестьянъ даже занимаемыхъ имъ домовъ. Съ тѣхъ поръ въ польской юридической практикѣ установилось правило, что всѣ усадебныя строенія принадлежатъ помѣщику, развѣ бы крестьяне доказали, что онѣ выстроены ими на собственный счетъ или выкуплены; съ другой стороны, помѣщикъ считался обязаннымъ поддерживать эти строенія своимъ матеріаломъ (сервитутъ). Декретъ 1807 г. знаменуетъ въ исторіи польскихъ крестьянъ полный разрывъ съ прошедшимъ.

Все то, чего законъ еще не признавалъ, но что, такъ сказать, само собою просилось въ законъ и держалось силою обычая, а именно: понятіе о правѣ крестьянъ на землю и на движимость, безъ которой пользованіе землею не мыслимо, были вычеркнуты изъ исторіи однимъ почеркомъ пера, а въ замѣнъ утраченнаго крестьяне получили преимущества номинальныя, которыми, на дѣлѣ, они не могли воспользоваться. Даже переходная мѣра, придуманная для огражденія крестьянъ на одинъ годъ, не достигла своей цѣли; ибо 1 мая 1808 г. введенъ былъ въ Польшу Наполеономъ гражданскій кодексъ, вслѣдствіе чего всѣ прежнія постановленія, сколько нибудь опредѣлявшія отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, утратили силу и были замѣнены статьями кодекса *о наймѣ по условію* (contrat de louage), не допускавшими ни безсрочнаго найма земли, ни платы за землю работою. Такимъ образомъ поколебались разомъ всѣ юридическія и хозяйственныя основы сельскаго быта. Законъ рѣшительно разошелся съ практикою, но никто въ то время не помышлялъ о ихъ соглашеніи.

Результаты, по свидѣтельству самихъ польскихъ публицистовъ, были крайне неблагопріятны для крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ими овладѣла страсть къ кочеванію съ мѣста на мѣсто; а помѣщики, на которыхъ лежала обязанность платить подати съ опустѣлыхъ усадьбъ, стали присоединять эти усадьбы окончательно къ фольварочнымъ своимъ землямъ (господскимъ усадьбамъ). Въ тогдашнемъ положеніи крестьянъ, даже обстоятельства, повидимому, благопріятные для преуспѣянія края, обращались крестьянамъ въ пагубу. Такъ, высокія цѣны на хлѣбъ, существовавшія въ промежутокъ времени отъ 1815 до 1821 года, и значительныя выгоды отъ этого, проистекавшія для помѣщиковъ, побудили послѣднихъ увеличить свои запашки и прибѣгнуть къ наемнымъ работникамъ. Оказалось болѣе выгоднымъ держать безземельныхъ батраковъ или мелкихъ хозяевъ (халупниковъ, огородниковъ, коморниковъ и т. п.), чѣмъ зажиточныхъ крестьянъ пахарей; и мало по малу удаленіе сихъ послѣднихъ съ ихъ усадьбъ вошло въ обычай, какъ выгодная операція. Такъ положено было начало многочисленному въ Польшѣ классу крестьянъ мелкихъ разрядовъ. Они занимаютъ избы безъ всякихъ надворныхъ строекъ, иногда двѣ семьи помѣщаются въ хатѣ, едва достаточной для одной; не вездѣ имъ отводятся огороды, еще рѣже мелкіе участки пахатной земли. Пробиваясь наймомъ на полевыя работы, огородники, коморники и т. п. отбывали за свою осѣдлость довольно тяжелыя повинности.

При этомъ, по мѣрѣ развитія помѣщичьяго хозяйства и распро-

страненія понятій о раціональномъ полеводствѣ, уяснялось сознаніе вреда, происходившаго отъ общаго и черезполоснаго владѣнія, начинались первые опыты такъ называемаго *устройства имѣній*, т. е. разверстанія и обмѣна угодій, разумѣется, съ исключительною цѣлью соблюденія выгодъ одной стороны; и такъ какъ прежнее обычное право, нѣкогда сколько нибудь ограждавшее крестьянъ, уже не имѣло силы, то лучшія земли въ огромномъ количествѣ отошли отъ крестьянъ безвозвратно. Таковы были ближайшія послѣдствія мѣръ, внесенныхъ въ польскую жизнь изъ наслѣдія французской революціи.

Вѣнскій трактатъ 1815 г. положилъ конецъ существованію Варшавскаго герцогства, отдѣливши Познань къ Пруссіи, Галицію къ Австріи, а большую его часть къ Россіи. Городъ Краковъ съ небольшимъ своимъ округомъ составилъ независимую республику.

Протоколъ вѣнскаго конгресса обезпечилъ за поляками представительство и народныя учрежденія въ томъ видѣ политическаго существованія, какой признаетъ полезнымъ и приличнымъ даровать имъ каждое изъ правительствъ, къ которому они отходятъ: Австрія и Пруссія нашли «полезнымъ и приличнымъ» присоединить польскія провинціи на общемъ основаніи, не сохраняя за ними никакихъ «народныхъ учрежденій». Императоръ Александръ даровалъ полякамъ конституцію. Извѣстно, что возстановленіе свободной и независимой Польши было одною изъ мечтательныхъ задачъ Императора Александра, который готовъ былъ даже уступить Литву и Польскую Украйну (Волынь и Подолію). Въ письмѣ къ Чарторыйскому отъ 13 января 1813 г. Императоръ Александръ писалъ: «не забудьте, что Литва, Подолія и Волынь считаются до сихъ поръ русскими провинціями и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію видѣть ихъ подъ владычествомъ чужеземнаго государя. Но подъ какимъ названіемъ онѣ къ Россіи присоединены,—это затрудненіе, которое гораздо легче побѣдить» [1]. Это затрудненіе, по мнѣнію поляковъ, легко разрѣшалось присоединеніемъ оказанныхъ провинцiей къ Польшѣ, династически соединенной съ Россіею. «Ваше Величество припомните, что въ то время, когда участь этой страны была рѣшена, писалъ Императору Чарторыйскій, поляки, увлеченные чувствомъ благодарности, выразили единодушное желаніе Вамъ принадлежать, и что,—помимо чувствъ непреодолимыхъ, они привлечены были великодушнымъ обѣщаніемъ соединить всѣ польскія провинціи подъ вашею славною державою и подъ народнымъ правительствомъ. Ваше Величество сами

[1]) Alexandre et le Prince Czartorysku, 208 - 209.

не признали бы возстановленіе Польши достойнымъ Вашихъ усилій иначе, какъ въ увеличенномъ размѣрѣ» [2]). Но противъ возстановленія Польши ратовали Европейскія державы и протестовало общественное мнѣніе къ Россіи. Главное препятствіе шло, конечно, со стороны державъ, имѣвшихъ притязаніе на польское наслѣдство—Австріи и Пруссіи. Послѣдняя еще съ 1813 г. заявила свое несогласіе на возстановленіе Польши. Въ новый годъ 1813, прусскій король, чрезъ посредство генерала Раумера, предупредилъ Императора Александра, что Пруссія не потерпитъ независимой Польши и что рано или поздно одно изъ этихъ государствъ должно было сдѣлаться жертвою другаго. Прусскій уполномоченный, генералъ Кнезебекъ, явился въ лагерь подъ Калишемъ и предложилъ Императору Прусскій союзъ, подъ условіемъ возвращенія Пруссіи польскихъ провинцій, присоединенныхъ къ ней до 1806 г. и «необходимыхъ для государственнаго значенія Пруссіи». Это предложеніе Императоръ Александръ отклонилъ. Конвенція, заключенная въ Рейхенбахѣ между Россіею, Австріею и Пруссіею 27 іюня 1813 г. порѣшила уничтоженіе Варшавскаго герцогства и раздѣлъ его между договорившимись сторонами,—что подтвержено было трактатомъ, заключеннымъ въ Теплицѣ 19 сентября. На Вѣнскомъ конгрессѣ уполномоченные Австріи и Пруссіи, кн. Меттернихъ и канцлеръ Гарденбергъ нашли самое имя Польши, для части, отходящей къ Россіи, противнымъ существующимъ трактатомъ (въ Теплицѣ и Рейхенбахѣ) и источникомъ всякой смуты на будущее время. 3 января 1816 г. кн. Меттернихъ представилъ конгрессу контръ-проектъ, гдѣ предлагалъ «присоединить герцогство Варшавское къ Россійской Имперіи на правахъ полной собственности и подданства». Баронъ Штейнъ 20 октября 1815 г. вооружался противъ дарованія Польшѣ конституціи на томъ основаніи, что ни одного изъ элементовъ составляющихъ характеръ свободы,—чистоты нравовъ, уваженія къ человѣку, спокойнаго обсужденія, просвѣщенія,—ничего этого нѣтъ у поляковъ. Русскіе уполномоченные графы Нессельроде и Поццо ди Борго были также противъ польской конституціи, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, и заслужили нерасположеніе Императора, замѣнившаго ихъ во всѣхъ переговорахъ о Польшѣ болѣе податливыми представителями, графами Разумовскимъ и Капо д'Истріа. Общественное мнѣніе въ Россіи нашло свой отголосокъ въ Карамзинѣ и его извѣстной «Запискѣ о Польшѣ» (1819 году). Даже либеральная Англія, въ лицѣ уполномоченнаго своего на конгрессѣ, лорда Кастльри, не взялась

---

2) Ibid, 323.

отстаивать польское дѣло. Только чрезъ три дня послѣ того, какъ, по Протоколу 9 января 1816 г., по настоянію Россіи, за отходящею къ ней частью Польши удержано было это названіе и административная автономія, лордъ Кастльри адресовалъ къ тремъ дворамъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ, ноту съ выраженіемъ платоническаго удовольствія со стороны Англіи, если Польша будетъ возстановлена въ смыслѣ независимаго государства. Нота оканчивалась желаніемъ,— въ смыслѣ гарантіи спокойствія на сѣверѣ и равно внѣ Европы,— чтобы участвующіе въ раздѣлѣ государства взаимно обязались видѣть въ жителяхъ отходящихъ къ нимъ областей—поляковъ, каковы бы, впрочемъ, ни были учрежденія, которыя они признаютъ за нужное тамъ ввести. Такимъ образомъ, дарованіе Польшѣ конституціи было безусловно дѣломъ личной инициативы Императора Александра, которое онъ выигралъ только вслѣдствіе серьезной и настойчивой борьбы. Къ сожалѣнію, историческая предусмотрительность была въ этомъ случаѣ не на сторонѣ Императора. Поляки совершенно несправедливо вину возстанія 1830 года сваливали на нарушеніе конституціи. По сознанію даже самихъ поляковъ, опасенія, высказанныя противниками, были не безъ основанія. Одинъ изъ самыхъ горячихъ польскихъ патріотовъ, Морисъ Можацкій, прозванный «Польскимъ Робеспьеромъ» въ революцію 1830 г., въ своей исторіи этой революціи говоритъ: «спрашиваю себя,—если бы русскіе выполняли конституцію самымъ добросовѣстнымъ образомъ, не привело ли бы полное развитіе этой конституціи еще скорѣе къ возстанію? Революція вошла само собою въ возстановленіе Королевства Польскаго и русскіе государи не въ силахъ были помѣшать ея проявленію—все равно соблюдали ли бы они строго конституцію или нарушали ее; поэтому я не приписываю возстанія ошибкамъ правительства».

Сущность дарованной Польшѣ конституціи $^{15}/_{27}$ ноября 1815 г. заключалась въ слѣдующемъ. Польскою арміею, на правахъ главнокомандующаго (генералиссимуса) командовалъ Великій Князь Константинъ Павловичъ, но онъ не вмѣшивался въ дѣла гражданскаго управленія краемъ. Въ послѣднемъ отношеніи верховную власть царя представляли намѣстникъ и подъ его предсѣдательствомъ государственный совѣтъ (Rada stanu). Совѣтъ составляется изъ 5 министровъ, 10 государственныхъ совѣтниковъ, 9 секретарей (Referendarzy) и лицъ, назначенныхъ царемъ. Государственный совѣтъ подраздѣлялся на совѣтъ управленіа и на общее собраніе. Совѣтъ управленія состоитъ изъ намѣстника, 5 министровъ и лицъ назначенныхъ царемъ; общее собраніе—подъ предсѣдательствомъ намѣстника изъ всѣхъ его членовъ. Къ вѣдомству

общаго собранія относятся: 1) разсмотрѣніе и составленіе проектовъ новыхъ законовъ и уставовъ, касающихся до управленія страною; 2) постановленіе о преданіи суду всѣхъ административныхъ чиновниковъ, назначенныхъ царемъ; 3) разрѣшеніе пререканій между правительственными и судебными учрежденіями; 4) разсмотрѣніе годичныхъ отчетовъ по каждому министерству; 5) право дѣлать замѣчанія о всякомъ нарушеніи конституціи или усмотрѣнномъ недостаткѣ, которыя оно вноситъ въ формѣ общаго доклада на Высочайшее усмотрѣніе. Исполнительная власть подраздѣляется на слѣдующія отрасли управленія: 1) коммиссія вѣроисповѣданій и народнаго образованія; 2) коммиссія полиціи, избираемая изъ членовъ верховнаго требунала; 3) коммиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи; 4) коммиссія военная; 5) коммиссія финансовая. Организація этихъ коммиссій была коллегіальная, съ совершеннымъ устраненіемъ бюрократическаго (единоличнаго) начала. Во главѣ каждой коммиссіи стоялъ министръ, назначаемый царемъ; а въ коммиссіяхъ внутреннихъ дѣлъ, военной и финансовой, при министрѣ стояли государственные совѣтники, въ смыслѣ главныхъ директоровъ, завѣдующихъ отдѣльными отраслями управленія, входящими въ область коммиссіи, въ числѣ девяти засѣдающихъ въ совѣтѣ подъ этимъ именемъ, а десятый государственный совѣтникъ назывался государственнымъ секретаремъ и завѣдывалъ канцеляріей совѣта. Текущія дѣла въ коммиссіяхъ отправлялись общимъ совѣтомъ, гдѣ предсѣдательствовалъ министръ, который вотировалъ наравнѣ съ подчиненными ему членами министерства. Секретарей совѣта (Referendarzy) полагается десять, и одинъ изъ нихъ исправлялъ должность главнаго секретаря общаго собранія государственнаго совѣта (Выс. утв. пост. сов. 5 марта 1816, оп. зак. I, 349—354).

Въ административномъ отношеніи Царство Польское раздѣлено было на 8 воеводствъ, 39 обводовъ, 77 повѣтовъ и 51 округовъ (гминъ) градскихъ и сельскихъ, изъ нихъ значеніе единицъ высшаго или центральнаго мѣстнаго управленія представляли воеводства, а низшаго или чисто мѣстнаго—городскіе и сельскіе округа. Обводъ былъ среднею административною инстанціею, въ смыслѣ нашего уѣзда; а повѣты имѣли значеніе судебныхъ и дворянскихъ избирательныхъ округовъ.

Двумя постановленіями Совѣта отъ 27 Sierpnie 1816 г. французское устройство съ префектами и подпрефектами было отмѣнено, вмѣсто него введено новое областное устройство въ царствѣ. По мѣстному управленію высшимъ административнымъ учрежденіемъ была воеводская коммиссія, посредствующимъ звеномъ чиновники въ об-

водѣ, а низшую инстанцію составляло городское и сельское управленіе. Воеводская коммиссія состояла изъ презеса, пяти коммиссаровъ, засѣдавшихъ въ коммиссіи, уполномоченныхъ коммиссаровъ, завѣдывавшихъ обводами, сообразно ихъ числу, генеральнаго секретаря, судебнаго ассессора и нѣскольких ассессоровъ, въ качествѣ секретарей. На коммиссію возложены были заботы о внутреннемъ порядкѣ и общественной безопасности, цѣлости имуществъ общественнаго и частнаго, надзоръ за школами, фундушами духовными и воспитательными зданіями, фабриками, торговыми и общественными заведеніями,— государственными имуществами и лѣсами, больницами, тюрьмами и исправительными заведеніями; ей же поручено было наблюденіе за печатью и за почтою, составленіе статистическихъ свѣдѣній и таксъ на предметы первой потребности, сборъ и взысканіе всякихъ податей и повинностей, завѣдываніе таможнею, гербовымъ сборомъ и всякими пошлинами, обязанности строительнаго устава, акты брачные и метрическія книги, выдача паспортовъ и засвидѣтельствованіе актовъ, всѣ распоряженія по мѣстному содержанію войскъ, рекрутскимъ наборамъ и призыву милиціи. Сообразно тому, коммиссія дѣлилась на 5 отдѣловъ: 1) духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; 2) административный; 3) военный; 4) финансовый, и 5) полицейскій. Презесъ имѣлъ самостоятельную и начальственную власть въ коммиссіи, или административной инстанціи; подъ его наблюденіемъ и по его порученію завѣдывали отдѣлами коммиссары, — но въ важныхъ случаяхъ рѣшалъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ презеса. Судебный ассессоръ имѣлъ то же значеніе, какъ у насъ товарищъ прокурора въ засѣданіяхъ мировыхъ судей, т. е. давалъ свое заключеніе по дѣламъ, по предложенію презеса. Кандидатовъ на должность презеса, членовъ отдѣловъ административнаго и полицейскаго и коммиссаровъ уполномоченныхъ представляетъ намѣстнику правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи, а кандидатовъ изъ членовъ другихъ отдѣловъ,—одно изъ другихъ правительственныхъ коммиссій по принадлежности, судебный ассессоръ назначается правительственной коммиссіей юстиціи, съ утвержденія намѣстника. Члены коммиссіи воеводской могутъ быть избираемы только изъ списковъ, составленныхъ мѣстнымъ совѣтомъ. Уполномоченный коммиссаръ, назначенный коммиссіею, есть единственный административный и полицейскій чиновникъ въ обводѣ, кругъ дѣйствія котораго вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ предметамъ вѣдомства, возложеннымъ на коммиссію. Коммиссаръ самостоятельно не дѣйствуетъ, но исполняетъ во всемъ предписанія и распоряженія коммиссіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть надзи-

рающее лицо за дѣйствіями городскихъ и сельскихъ начальствъ и о всѣхъ съ ихъ стороны неправильныхъ дѣйствіяхъ и злоупотребленіяхъ, если не можетъ исправить ихъ самъ, доноситъ воеводской коммиссіи, привлекающей ихъ къ законной отвѣтственности.

Собственно мѣстное управленіе получило слѣдующую организацію.

Муниципальное устройство Варшавы установлено было постановленіемъ совѣта, утвержденнымъ намѣстникомъ 10 марта 1816 г. (Дн. Зак. 1, 158—168). Управленіе Варшавы, непосредственно подчиненное правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, составляли президентъ, четверо радныхъ (совѣтниковъ), съ рѣшающимъ голосомъ, и четверо лавниковъ (гласныхъ) съ голосомъ совѣщательнымъ. Президентъ и радные назначались царемъ по представленію правительственной коммиссіи, а лавники утверждались коммиссіею по представленію городскаго президента. Управленіе подраздѣлялось на на 4 отдѣла: 1) отдѣлъ полиціи; 2) отдѣлъ внутренней администраціи, полицейско-судебный; 3) отдѣлъ финансовый и мѣстныхъ кассъ, и 4) отдѣлъ военный. Во главѣ отдѣловъ стояли радные, по назначенію президента, который, въ помощь имъ, по мѣрѣ потребности, присоединялъ лавниковъ. Президентъ во всѣ отдѣлы и подчиненныя мѣста назначалъ должностныхъ лицъ и чиновниковъ,— для мѣстной полицейской службы сформирована была стража конная и пѣшая, находившаяся въ распоряженіи президента.

Остальные города получили устройство постановленіемъ совѣта отъ 30 мая 1818 г. Въ воеводскихъ городахъ и тамъ, гдѣ признаетъ это цѣлесообразнымъ правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи, городское управленіе состояло изъ президента и радныхъ (совѣтниковъ); въ остальныхъ мѣстахъ изъ бурмистра и лавниковъ (гласныхъ). Совѣтники и гласные вездѣ назначались, по представленію воеводскихъ коммиссій, правительственною коммиссіею внутреннихъ дѣлъ и полиціи, изъ мѣстныхъ поземельныхъ владѣльцевъ. Число этихъ совѣтниковъ и гласныхъ опредѣляется смотря по потребности, но не свыше четырехъ. Президентъ, бурмистръ и кассиры,— изъ числа тѣхъ же членовъ, получали жалованье, совѣтники же и гласные только тамъ, гдѣ на это хватало мѣстныхъ средствъ. Наименьшее назначеніе на содержаніе городскаго управленія установлено было въ 600 злотыхъ; въ городахъ, гдѣ населеніе не въ состояніи было ассигновать этого minimum, назначался войтъ отъ правительства. Въ дѣлахъ административныхъ и полицейскихъ, гдѣ требовалось простое исполненіе, рѣшалъ лично президентъ или бурмистръ; въ дѣлахъ о пользахъ и нуждахъ города и по раскладкѣ обществен-

ныхъ повинностей онъ долженъ былъ совѣщаться съ совѣтниками или гласными. Послѣдніе, въ случаѣ нарушенія со стороны президента или бурмистра закона или въ случаѣ дѣйствій во вредъ городу и его интересамъ, доносили въ столичныхъ городахъ воеводской коммиссіи, а въ остальныхъ обводовому коммиссару, при чемъ высшія инстанціи имѣли право пріостановить или измѣнить рѣшеніе. Президентъ и бурмистръ за преступленія по должности подлежали, по представленію воеводскихъ коммиссій, отвѣтственности предъ правительственною коммиссіей внутреннихъ дѣлъ, которая могла предавать ихъ суду и устранять отъ должности.

Устройство сельскихъ поселеній опредѣлено было другимъ постановленіемъ совѣта отъ 30 мая 1868 г. За единицу для сельской гмины принято было отдѣльное помѣщичье владѣніе, лишь бы оно составляло не менѣе 10 дымовъ, хотя бы эти 10 дымовъ составляли только часть отдѣльнаго селенія. Части, составлявшія менѣе 10 дымовъ, присоединялись или къ другому по близости лежащему отдѣльному имѣнію того же владѣльца или къ вѣдомству сосѣдней гмины. Помѣщики въ своихъ имѣніяхъ являлись войтами по праву; но, — если сами не хотѣли исправлять этой должности, то могли или отъ себя указать отвѣтственнаго войта или выбрать заступающее лицо, полагая ему отъ себя вознагражденіе,— обыкновенно очень скудное. Дозволялось нѣсколькимъ помѣщикамъ соединяться въ одну гмину и избирать общаго для нихъ войта, по условію, засвидѣтельствованному правительственной коммиссіей внутреннихъ дѣлъ и полиціи. Коммиссія вообще утверждала войтовъ по гминамъ и имѣла право устранить лицо, указанное или избранное помѣщикомъ для исправленія этой должности. Къ обязанностямъ войта, или отвѣтственнаго полицейскаго чиновника, относилось обнародованіе указовъ и распоряженій правительства, исполненіе предписаній и порученій начальства, раскладка между обывателями податей и повинностей общественныхъ, охраненіе порядка и благочинія въ гминѣ, безопасность лицъ и ихъ имущество, охраненіе, какъ цѣлой гмины, такъ и отдѣльныхъ лицъ отъ всякаго вреда, проистекающаго отъ правонарушеній и проступковъ, содержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ и переправъ, поимка бродягъ и дезертировъ, представленіе рекрутовъ, содержаніе въ порядкѣ гминной обывательской книги и статистическихъ свѣдѣній, наблюденіе, чтобы въ гмину не были принимаемы лица безъ надлежащихъ документовъ, высылая самовольно пришедшихъ въ прежнія мѣста жительства, доставленіе уполномоченному коммиссару срочныхъ вѣдомостей и свѣдѣній, по требованію правительственной коммиссіи.

Конституція, гдѣ въ ст. 29 было выражено, что на мѣста предсѣдателей судовъ первой инстанціи, предсѣдателей воеводскихъ коммиссій, апеляціонныхъ судовъ, членовъ воеводскихъ совѣтовъ, сенаторовъ, пословъ отъ дворянства и депутатовъ отъ городскихъ и сельскихъ округовъ въ палату представителей могутъ быть назначаемы только поземельные владѣльцы,—носила уже и безъ того дворянскій характеръ. Мы видимъ, что дальнѣйшее ея развитіе — устройство гминъ и ихъ управленіе,—возвратило помѣщикамъ патримоніальную власть надъ крестьянами, отнятую у нихъ, какъ мы видѣли, декретомъ Саксонскаго короля 1807 года. Вслѣдствіе новаго устройства, гмины измельчали до такой степени, что въ 1853 г. въ Царствѣ Польскомъ, заключавшемъ 450.435 сельскихъ домовъ, распредѣленныхъ слишкомъ на 5,000 гминъ, число мелкихъ гминъ, имѣвшихъ отъ 20—50 домовъ, возрасло до 2,621.

Народное представительство выразилось въ сеймѣ, состоявшемъ изъ сената и палаты представителей. Сеймъ имѣлъ право: 1) обсуждать и вотировать всѣ внесенные въ него проекты законовъ, гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ, а также измѣненія въ самой конституціи; 2) обсуждать всякія измѣненія въ податяхъ, повинностяхъ и государственныхъ налогахъ, болѣе правильное ихъ распредѣленіе, составленіе бюджета, правильность денежнаго обращенія, призывъ рекрутовъ и всѣ вопросы, вносимые царемъ; 3) выслушивать и обсуждать общій отчетъ о положеніи страны, составленный государственнымъ совѣтомъ, а также обсуждать предложенія, внесенныя царемъ на основаніи общаго доклада, представленнаго царю общимъ собраніемъ государственнаго совѣта о замѣченныхъ нарушеніяхъ конституціи и усмотрѣнныхъ въ ней недостаткахъ; 4) наконецъ, сеймъ принимаетъ сообщенія, запросы, представленія или возраженія своихъ членовъ, клонящіеся ко благу или выгодѣ избирателей, и передаетъ ихъ въ государственный совѣтъ, для внесенія на Высочайшее усмотрѣніе. Отъ царя зависитъ внесеніе проектовъ законовъ въ ту или другую палату, за исключеніемъ финансовыхъ, разсматриваемыхъ обязательно палатою депутатовъ. Сеймъ собирается каждые два года въ Варшавѣ на тридцать дней; для обсужденія проектовъ закона каждая палата избирала три коммиссіи, а именно финансовъ, законодательства гражданскаго и уголовнаго, законодательства органическаго и административнаго. Сенатъ составлялся изъ членовъ царствующаго дома, епископовъ, воеводъ, кастеляновъ; сенаторы пожизненно назначаются царемъ изъ лицъ имѣющихъ 35 лѣтъ отъ роду и платящихъ ежегодно подати въ размѣрѣ

2,000 пол. флориновъ (злотыхъ); число ихъ не должно превышать половину числа членовъ въ палатѣ депутатовъ. На обязанность сената возложено было постановленіе о преданіи суду высшихъ чиновъ, по предложенію царя и намѣстника или по обвиненію ихъ палатою представителей; а также окончательное постановленіе о правильности выборовъ на мѣстныхъ избирательныхъ съѣздахъ. Палата представителей составлялась изъ 77 пословъ, избираемыхъ на дворянскихъ собраніяхъ (сеймикахъ) въ каждомъ повѣтѣ и 51 депутата, избираемыхъ отъ каждаго штатнаго округа, городскаго и сельскаго. Члены палаты представителей избирались на 6 лѣтъ и возобновлялись по третямъ, чрезъ каждые два года; послами на дворянскихъ собраніяхъ могли избираться лица, достигшія 30 лѣтъ и платившія ежегодно 100 флориновъ въ казну Царства Польскаго.

Мѣстное представительство или самоуправленіе организовано было слѣдующимъ образомъ. Дворянство каждаго повѣта на своихъ собраніяхъ (сеймикахъ) избирало пословъ въ палату, двухъ членовъ въ воеводскій совѣтъ и составляло списокъ кандидатовъ для замѣщенія административныхъ должностей. Дворянскія собранія созывались царемъ, назначавшимъ предсѣдателя (маршалка), продолжительность и предметы совѣщанія. Въ каждомъ гминномъ округѣ, городскомъ или сельскомъ, было гминное собраніе, избиравшее депутата на сеймъ, члена въ воеводскій совѣтъ и составлявшее списокъ кандидатовъ на административныя должности. Въ гминныхъ собраніяхъ участвовали: 1) всякій владѣлецъ недвижимой собственности, платящій съ нея какую либо подать и не принадлежащій къ дворянскому сословію; 2) всякій фабрикантъ и владѣлецъ ремесленнаго заведенія; купецъ, имѣющій складъ или лавку, представляющіе капиталъ въ 10,000 злотыхъ; 3) всѣ настоятели церквей (plebani) и викаріи; 4) профессора, учителя и вообще лица, занимающіеся воспитаніемъ юношества въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 5) всѣ художники, отличившіеся талантами, познаніями или услугами, оказанными торговлѣ или искусству. Списокъ фабрикантовъ, торгующихъ и лицъ, отличившихся талантами или услугами, составлялся правительственною коммиссіею внутреннихъ дѣлъ; а списокъ духовныхъ лицъ коммиссіею вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія. Въ каждомъ воеводствѣ состоялъ воеводскій совѣтъ изъ совѣтниковъ, избранныхъ дворянскими и гминными собраніями; къ вѣдомству его относилось: 1) избраніе судей для двухъ первыхъ инстанцій, при чемъ въ члены мироваго суда воеводскій совѣтъ назначалъ девять кандидатовъ и изъ нихъ трехъ назначалъ намѣстникъ, по представленію правительственной

коммиссіи юстиціи (ук. 16/28 апрѣля 1825 г.); каждый мировой судъ состоялъ изъ трехъ судей, изъ коихъ одинъ выбывалъ каждые два года по жеребью (декр. короля Саксонскаго 22 февраля 1811 г.); 2) пополненіе и исправленіе списка кандидатовъ на административныя должности; 3) вообще попеченіе о пользахъ воеводства.

Мѣстныя судебныя учрежденія начинались съ мировыхъ судей, которымъ придано значеніе примирительной инстанціи, мимо которой не могло проходить ни одно дѣло, кромѣ изъятыхъ по закону. Въ качествѣ судовъ первой инстанціи каждая община (гмина) и городъ имѣли трибуналъ гражданскій и полицейскій, которому подлежали дѣла не свыше 500 злотыхъ. Для дѣлъ свыше 500 злотыхъ въ каждомъ воеводствѣ учреждалось нѣсколько судовъ земскихъ (sądy ziemskie) и съѣздовыхъ (zjazdowe); кромѣ того—нѣсколько судовъ коммерческихъ. Для уголовныхъ дѣлъ и дѣлъ по проступкамъ въ каждомъ уѣздѣ учреждалось нѣсколько гродскихъ судовъ (sądy grodzkie). Для апелляціи гражданской и уголовной въ царствѣ учреждались по крайней мѣрѣ два апелляціонныхъ суда.

Но эта система судоустройства осталась только въ проектѣ, а на самомъ дѣлѣ продолжали дѣйствовать судебныя мѣста, организованныя еще въ герцогствѣ Варшавскомъ. Гражданскіе суды, сохранившіеся отъ того времени и дѣйствовавшіе на основаніи кодекса Наполеона, еще въ то время получили хорошее устройство, съ устнымъ и гласнымъ судопроизводствомъ и хорошимъ составомъ адвокатовъ. Гродскіе суды вовсе не были открыты, а осталась старая двойственная система уголовныхъ судовъ, дѣйствовавшая въ сѣверной части царства по прусской процедурѣ 1805 г., а въ южной по австрійской 1803 г. Обѣ процедуры устанавливали порядокъ суда келейный, инквизиціонный, съ теоріей законныхъ доказательствъ, похожій на русскій дореформенный, но превосходившій его сохранившимися остатками пытки—тѣлесное наказаніе во время слѣдствія за запирательство или ложь (Спасовичъ, Велепольскій, 60—61). Мировой судъ съ подсудками также удержалъ прежнее тройное значеніе, примирительное, спорное и полицейское, куда входила и обязанность производства слѣдствій. Коммерческій судъ остался только въ Варшавѣ. Кромѣ Варшавы учреждался Trybunał naywyższy, для всѣхъ дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, составленный изъ сенаторовъ, присутствующихъ по очереди, и судей, назначаемыхъ пожизненно царемъ. Дѣла по преступленіямъ политическимъ и совершаемымъ высшими чинами, предавались суду сенатомъ и вѣдались сеймовымъ судомъ (sąd seymowy), состоявшимъ изъ всѣхъ членовъ сената. Судьи вообще при-

знавались независимыми и несмѣняемыми, иначе какъ по суду. Личная безопасность ограждена была слѣдующими параграфами конституціи: никто не можетъ быть задержанъ иначе, какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, и съ соблюденіемъ установленныхъ формъ (§ 19); задержанному лицу должно быть немедленно предъявлено письменное постановленіе о причинахъ его ареста (§ 20); всякое задержанное лицо не позже трехъ дней должно быть отослано къ подлежащему суду для постановленія о немъ рѣшенія; оправданный, по первоначальному изслѣдованію, немедленно освобождается (§ 21); никто не подвергается наказанію, иначе какъ на основаніи закона и приговора подлежащей судебной инстанціи (§ 23); членъ палаты представителей во все продолженіе засѣданій не можетъ быть ни арестованъ, ни преданъ уголовному суду, безъ согласія палаты, къ которой онъ принадлежитъ (§ 89).

Конституція эта, подписанная государемъ, скрѣплена была членами временнаго правительства—Ланскимъ, кн. Адамомъ Чарторыйскимъ, Новосильцевымъ, Ѳ. Вавржецкимъ (впослѣдствіи министромъ юстиціи) и кн. Друцкимъ - Любецкимъ (впослѣдствіи министромъ финансовъ), а также главнымъ секретаремъ Шанявскимъ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ конституція, составленная по образцу французской и для своего времени одна изъ самыхъ либеральныхъ, достаточно обезпечивала свободу самоуправленія и вполнѣ ограждала личную безопасность гражданина,—по крайней мѣрѣ для дворянскаго сословія, сохранившаго въ ней свое преобладаніе. Вліяніе конституціи сейчасъ же отразилось на матеріальномъ благосостояніи страны. Этого не оспариваютъ и сами поляки. Мерославскій такъ описываетъ состояніе Польши при императорѣ Александрѣ: «Менѣе, чѣмъ въ 10 лѣтъ, дороги, которыя можно было сравнить съ римскими путями, прорѣзали страну во всѣхъ направленіяхъ, проложенныя чрезъ лѣса, болота и пески, съ незапамятныхъ временъ противившіеся всѣмъ усиліямъ человѣческаго труда. Столица, съ населеніемъ въ 80,000 душъ, цвѣла роскошью и изяществомъ. Архитектура, скульптура, талантъ,—все оспаривало привилегію служить на украшеніе старинной Варшавѣ; театры, дворцы, казармы, памятники, бульвары, площади и улицы возникали какъ бы волшебствомъ изъ хаоса, куда во времена республики повергло ихъ странное смѣшеніе блеска и нищеты! Провинціи населялись и покрывались городами и мануфактурами. Министръ бережливый и дѣятельный наполнялъ государственную казну и укрѣплялъ международный кредитъ. Доходы царства возвысились до 90 милліоновъ польскихъ злотыхъ, банкъ имѣлъ ка-

питалъ въ 150 милліоновъ, а казначейство запасъ въ 30 милліоновъ. Населеніе необычайно увеличилось въ 8 воеводствахъ царства, гдѣ считалось до 4.000,000 душъ. Армія въ 35,000 храбрыхъ солдатъ охраняла матеріальное процвѣтаніе страны. Торговля, къ которой питалъ старинное отвращеніе народъ безпокойный, воинственный и земледѣльческій, начинала обогащать отдѣльныхъ лицъ и массы населенія и т. д.» [3]). По случаю недостатка въ фондахъ, русское казначейство, несмотря на все свое истощеніе, отпустило 8,000,000 злот. на нужды Царства Польскаго; вся польская армія получила вооруженіе и артиллерію изъ русскихъ арсеналовъ.

Въ царствованіе императора Николая до 1830 года совѣтъ управленія, на основаніи конституціи, издалъ органическіе статуты для палаты высшаго суда и для сеймоваго суда [4]).

Послѣ подавленія возстанія 1830 г. Императоръ Николай, манифестомъ, даннымъ 20 октября 1831 г., въ Москвѣ, объявилъ, за исключеніемъ лицъ, признанныхъ виновными особымъ уголовнымъ судомъ, общую амнистію, при чемъ полное и совершенное прощеніе даровалось тѣмъ подданнымъ Царства Польскаго, кои возвратились къ долгу повиновенія. Никто изъ нихъ не будетъ ни нынѣ, ни впредь подвергаемъ суду или преслѣдуемъ за поступки, или изъявленныя ими политическія мнѣнія, во все время бывшихъ въ Царствѣ Польскомъ смятеній (Дн. Зак. XIII, 276 и 277). Манифестомъ 23 февраля 1832 года Императоръ Николай возстановилъ административное устройство прежняго польскаго королевства въ смыслѣ обнародованнаго въ то время *органическаго статута.*

Н. Колюпановъ.

---

3) Al. Moller, Situation de la Pologne, au 1 janvier 1865, 127—128.

4) Палата высшаго суда указ. 6/18 Lipza 1826 г. (Дн. З. т. 11, 380); 13 Lutego 1827 (Тамъ же, 412); Сеймовый судъ 6/18 Kwietnia 1827 г. (Тамъ же, 456).

УЧЕНІЕ О ПРЕДѢЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ БЛАГЪ, КАКЪ ПРИЧИНѢ ИХЪ ЦѢННОСТИ.

За послѣднее время многіе изслѣдователи народнаго хозяйства стали недовѣрчиво относиться къ разработкѣ экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ абстрактный и теоретическій характеръ. По ихъ мнѣнію, усилія экономистовъ должны быть направлены теперь на изученіе и обобщеніе фактовъ дѣйствительной жизни въ ихъ историческомъ развитіи; для разработки экономической теоріи придетъ время тогда, когда будетъ собранъ достаточно обширный эмпирическій матеріалъ. Особенное распространеніе это воззрѣніе получило въ Германіи. Германскіе экономисты, принадлежащіе къ исторической школѣ, истратили громадное количество труда на построеніе исторіи хозяйственнаго быта своей страны. Благодаря имъ, выяснилась въ достаточной степени организація хозяйства въ средніе вѣка, развитіе цеховъ, земельной собственности, крѣпостныхъ отношеній крестьянина къ феодалу и т. д. Всѣ эти работы познакомили насъ со многими весьма интересными фактами и было бы совершенно напрасно отрицать ихъ значеніе. Но для пониманія законовъ экономическихъ явленій историческія изслѣдованія дали очень мало. Законы развитія хозяйственнаго быта до сихъ поръ не могутъ считаться установленными. Если экономическая наука имѣетъ въ настоящее время законы, то всѣ эти законы относятся къ области экономической статики, а не динамики явленій. Теорія экономической статики была разработана англійской экономической школой, къ которой нѣкоторые современные нѣмецкіе экономисты, напримѣръ, Шмоллеръ и Брентано, относятся съ большимъ пренебреженіемъ. Эта теоретическая разработка при помощи того же абстрактнаго дедуктивнаго метода, который употребляла англійская классическая школа, продолжается и въ настоящее

время. Движеніе экономической теоріи не прекратилось, хотя многіе изслѣдователи обратили свои усилія въ другую сторону. Въ настоящей статьѣ мы хотимъ познакомить читателей съ новѣйшими успѣхами теоріи экономической науки—именно съ оригинальной теоріей цѣнности, развиваемой въ послѣднее время одновременно нѣсколькими экономистами.

Происхожденіе этой теоріи нельзя пріурочить къ какому либо одному лицу. По словамъ Визера [1]), слѣдующіе писатели независимо другъ отъ друга пришли къ сходному объясненію явленій цѣнности предѣльной полезностью экономическихъ благъ: Gossen (Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs 1854), Jevons (Theory of Political Economy 1871), K. Menger (Grundsätze der Volkswirthschaftslehre 1871), L. Walras (Elements d'économie politique pure 1874). Въ наиболѣе ясной формѣ эта теорія является у К. Менгера, извѣстнаго противника методологическихъ воззрѣній нѣмецкой исторической школы въ области экономической науки. Основныя воззрѣнія К. Менгера были развиты дальше Визеромъ, Бемъ-Баверкомъ и Э. Саксомъ, находившимися подъ непосредственнымъ вліяніемъ работъ Менгера.

Визеръ въ первомъ своемъ сочиненіи о цѣнности («Ueber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirthschaftlichen Werthes» 1884) останавливается преимущественно надъ анализомъ субъективной цѣнности; онъ изслѣдуетъ психическіе процессы, которые составляютъ то, что мы называемъ оцѣнкой хозяйственнаго блага. Вся его работа въ такой степени носитъ психологическій характеръ, что можетъ возникнуть сомнѣніе, не относится ли изслѣдованіе Визера постольку же къ области психологіи, какъ и къ политической экономіи. Второе сочиненіе Визера Der natürliche Werth 1889 составляетъ дополненіе къ предыдущему. Подъ естественной цѣнностью Визеръ разумѣетъ ту цѣнность, которою хозяйственныя блага должны обладать въ коммунистическомъ государствѣ при предположеніи полнаго отсутствія всѣхъ факторовъ, чуждыхъ производству и колеблющихъ цѣну товаровъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ—каковы обманы и ошибки со стороны покупателей и продавцевъ, неравномѣрное распредѣленіе богатствъ и вытекающее отсюда различіе покупательной силы у лицъ, предъявляющихъ запросъ на разнаго рода товары и т. д. Если мы изслѣдуемъ законы цѣнности въ идеальномъ государствѣ, гдѣ нѣтъ обмана, насилія и несправедливости, то мы узнаемъ, въ какой мѣрѣ цѣнность есть естественное явленіе, присущее всякому хозяйственному строю. Естественная цѣнность не находитъ пол-

наго выраженія въ дѣйствительной рыночной цѣнѣ товаровъ, но чѣмъ болѣе послѣдняя приближается къ естественной цѣнности, тѣмъ въ бо́льшей мѣрѣ осуществляется хозяйственный принципъ—извлеченіе наибольшей пользы изъ существующихъ производительныхъ средствъ.

Статья Бемъ-Баверка (Grundzüge der Theorie des wirthschaftlichen Güterwerthes. Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik, herausg. von Conrad. 1886) даетъ намъ наиболѣе послѣдовательное и логичное развитіе теоріи предѣльной полезности. Въ этой статьѣ Бемъ-Баверкъ подробно устанавливаетъ законы объективной цѣнности, рыночной цѣны товаровъ. Въ болѣе позднемъ своемъ сочиненіи («Kapital und Kapitalzins» II Band—«Positive Theorie des Kapitals» 1889) Бемъ-Баверкъ опять возвращается къ теоріи цѣнности, и дѣлаетъ къ ней нѣкоторыя дополненія примѣнительно къ главной своей задачѣ—объясненію явленія процента и прибыли на капиталъ. Тѣмъ не менѣе упомянутая статья Бемъ-Баверка представляетъ болѣе полное изложеніе взглядовъ автора на законы, регулирующіе цѣнность и цѣну хозяйственныхъ благъ. Этой статьей мы и будемъ преимущественно пользоваться при предстоящемъ изложеніи теоріи предѣльной полезности.

Э. Саксъ (Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft 1887) примѣнилъ теорію Менгера къ совершенно новой области—къ области государственнаго хозяйства. На основаніи принципа обратной зависимости цѣнности хозяйственныхъ благъ отъ размѣровъ владѣнія этими благами, Саксъ даетъ раціональное объясненіе теоріи прогрессивнаго обложенія имущихъ классовъ. Вся теорія налоговъ излагается Саксомъ съ точки зрѣнія цѣнности затратъ и доходовъ государства. Государство постольку должно при помощи налоговъ увеличивать свои имущественныя средства, поскольку затраты государства доставляютъ народному хозяйству бо́льшую цѣнность, чѣмъ та цѣнность, которой послѣднее лишилось вслѣдствіе изъятія извѣстныхъ благъ изъ частнаго употребленія. Но мы не будемъ останавливаться надъ теоріями Сакса, такъ какъ онѣ имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ предмету нашей статьи.

I.

Слѣдуя Нейманну, Бемъ-Баверкъ различаетъ два рода цѣнности—субъективную цѣнность—«значеніе, которое имѣетъ какое-либо благо по отношенію къ благополучію субъекта» [2]) и объективную—«способность блага къ произведенію какого-либо объективнаго дѣйствія» [3]). Въ послѣднемъ смыслѣ существуетъ такъ же много родовъ цѣнности,

какъ много можетъ быть дѣйствій, производимыхъ благами. Такъ, можно говорить о цѣнности пищи соотвѣтственно степени ея питательности, о цѣнности дровъ—соотвѣтственно количеству тепла, которое они даютъ при сгараніи и т. д. Въ этихъ случаяхъ понятіе цѣнности можетъ быть чуждо всякаго отношенія къ благополучію субъекта; даже самое слово «цѣнность» съ успѣхомъ можетъ быть замѣнено словомъ «сила». Можно говорить о питательной силѣ или способности пищи, о силѣ нагрѣванія дровъ и т. д.

Для политико-эконома важенъ преимущественно одинъ видъ объективной цѣнности—это покупательная сила благъ, возможность получить вмѣсто даннаго блага извѣстное количество другихъ хозяйственныхъ благъ.

«Блага тогда пріобрѣтаютъ субъективную цѣнность, когда ихъ количество, которое мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи, настолько незначительно, что его или совсѣмъ не хватаетъ для полнаго удовлетворенія нашихъ потребностей, или хватаетъ настолько скудно, что безъ обладанія даннымъ благомъ наша потребность осталась бы неудовлетворенной» [4]). Если же запасъ благъ значительно превышаетъ наши потребности въ нихъ, то мы ихъ не цѣнимъ. Количественное отношеніе является рѣшающимъ моментомъ въ вопросѣ о томъ, цѣнимъ ли мы блага, или нѣтъ.

Полезность благъ далеко не одно и то же, что ихъ цѣнность. Полезность каждой единицы блага не зависитъ отъ величины всего запаса подобныхъ благъ. Все то, что обладаетъ свойствомъ удовлетворять нашимъ потребностямъ, можетъ быть названо въ экономическомъ смыслѣ полезнымъ. Но мы цѣнимъ только тѣ полезныя вещи, количество которыхъ мы считаемъ ограниченнымъ въ такой степени, что не можемъ разсчитывать на полное удовлетвореніе нашихъ потребностей. Въ этомъ случаѣ всякое дальнѣйшее уменьшеніе запаса благъ вызываетъ сокращеніе нашего потребленія. Если путешественникъ въ пустынѣ располагаетъ ограниченнымъ количествомъ воды, то всякая разлитая или опрокинутая по небрежности кружка воды заставитъ его претерпѣвать нѣкоторыя лишенія, иногда очень чувствительныя. Это побуждаетъ путешественника цѣнить воду, стараться не растрачивать ея даромъ. Но пусть путешественникъ достигнетъ большой рѣки, гдѣ воды вдоволь; немедленно отношенія его къ водѣ измѣнятся. Прежде онъ тщательно сберегалъ всякій глотокъ воды, теперь же онъ нисколько не заботится о сбереженіи воды и съ спокойною совѣстью прольетъ цѣлыя вёдра. Очевидно, вода потеряла для него цѣнность. Что же послужило причиной такого рѣзкаго из-

мѣненія цѣнности воды? Прежде цѣнность воды была значительна вслѣдствіе того, что отъ сохраненія лишней кружки воды зависѣло увеличеніе удовольствій или уменьшеніе страданій путешественника. Всякая кружка воды не только могла удовлетворить потребность путешественника въ питьѣ, но и дѣйствительно её удовлетворяла. Но когда путешественникъ достигъ берега рѣки, то хотя по прежнему любая кружка воды, зачерпнутая изъ рѣки, можетъ утолить жажду, тѣмъ не менѣе большая часть рѣчной воды не удовлетворяетъ никакимъ потребностямъ путешественника, ибо всей рѣки выпить онъ не можетъ; поэтому вода лишилась всякой цѣнности для нашего путешественника.

Послѣ сказаннаго, намъ станетъ понятно, почему такъ называемыя свободныя блага, напримѣръ, воздухъ или вода, не имѣютъ никакой цѣнности. По большей части, намъ приходится имѣть дѣло съ такими небольшими долями общаго запаса этихъ благъ, отъ сохраненія или уничтоженія которыхъ нисколько не зависитъ наше благополучіе. Такъ, одно ведро воды, если вообще вода имѣется въ изобиліи, не будетъ обладать цѣнностью; но вся вода или такое большое количество ея, за вычетомъ котораго остатокъ будетъ не вполнѣ удовлетворять нашимъ потребностямъ въ водѣ, имѣетъ цѣнность. Руководствуясь этимъ, мельникъ позволяетъ желающимъ брать воду изъ рѣки, которая двигаетъ его мельничное колесо, и не видитъ въ этомъ для себя убытка, но рѣшительно воспротивился бы попыткѣ отвести всю воду рѣки или значительную ея часть въ другое мѣсто.

Цѣнность зависитъ отъ силы и важности потребностей, удовлетвореніе которыхъ обусловливается обладаніемъ даннымъ благомъ. Слѣдовательно, величина цѣнности измѣняется вмѣстѣ съ величиной соотвѣтствующей потребности. Но тутъ передъ нами возникаетъ затрудненіе, которое многихъ экономистовъ заставило отказаться отъ попытки искать причину цѣнности въ полезности вещей. Это тотъ обыкновенный экономическій фактъ, что предметы, удовлетворяющіе самымъ важнымъ жизненнымъ потребностямъ, какъ хлѣбъ, желѣзо, имѣютъ меньшую цѣнность, нежели вещи, служащія для пустаго тщеславнаго удовольствія, какъ драгоцѣнные камни, золото, поскольку оно употребляется для украшеній. Затрудненіе зависѣло отъ того, говоритъ Бемъ-Баверкъ, что не различали родовыхъ потребностей отъ конкретныхъ потребностей, которыя удовлетворяются даннымъ благомъ. Если мы станемъ сравнивать потребность въ питаніи съ потребностью въ украшеніяхъ, то безъ сомнѣнія первый родъ по-

требностей мы должны признать болѣе важнымъ; но совсѣмъ другой результатъ получится, если мы обратимъ вниманіе на отдѣльную конкретную потребность, удовлетворенію которой служитъ данное благо. Дѣло въ томъ, что если хлѣбъ необходимъ для поддержанія нашей жизни, то этого отнюдь нельзя сказать про всякую долю хлѣбнаго запаса, которымъ мы располагаемъ. Если я лишусь фунта хлѣба, то я не умру съ голода, а испытаю самое небольшое лишеніе. Большинство нашихъ потребностей можетъ быть удовлетворяемо въ различной степени; чѣмъ больше мы имѣемъ въ своемъ обладаніи предметовъ извѣстнаго рода, тѣмъ больше удовлетворяется наша потребность. Если мы обозначимъ цифрами конкретныя потребности, принадлежащія къ одному родовому типу, то мы получимъ рядъ убывающихъ цифръ, изъ которыхъ высшая цифра означаетъ максимальную величину, которой способна достигнуть данная родовая потребность, а самая меньшая цифра показываетъ низшій предѣлъ, при которомъ мы еще чувствуемъ удовлетвореніе потребности. Ниже этого предѣла, удовлетвореніе потребности совершенно прекращается.

К. Менгеръ составилъ слѣдующую схему, уясняющую значеніе родовыхъ и конкретныхъ потребностей [5]):

I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	X.
10	.	.	.	.	.	.	.	.	.
9	9	.	.	.	.	.	.	.	.
8	8	8	.	.	.	.	.	.	.
7	7	7	7	.	.	.	.	.	.
6	6	6	6	6	.	.	.	.	.
5	5	5	5	5	5	.	.	.	.
4	4	4	4	4	4	4	.	.	.
3	3	3	3	3	3	3	3	.	.
2	2	2	2	2	2	2	2	2	.
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Въ этой схемѣ римскія цифры означаютъ различныя родовыя потребности и ихъ относительную важность: цифра I означаетъ наиболѣе важную потребность, напримѣръ, потребность въ питаніи, цифра V потребность средней важности, напримѣръ, потребность въ возбуждающихъ напиткахъ, цифра X наименѣе важную потребность. Арабскими цифрами, напротивъ, означаются конкретныя потребности, на которыя распадаются родовыя, при чемъ 10 означаетъ наиболѣе важную конкретную потребность, цифра 9 менѣе важную и т. д. Эта схема показываетъ, что чѣмъ важнѣе родовая потребность, тѣмъ

большей силы достигаетъ и наиболѣе значительная конкретная потребность, входящая въ этотъ родовой типъ, но что на ряду съ этой сильнѣйшей конкретной потребностью существуютъ и другія менѣе сильныя.

Визеръ называетъ [6]) закономъ Госсена (Госсенъ раньше другихъ развилъ теорію предѣльной полезности) выраженный въ этой схемѣ законъ, что удовольствіе, испытываемое нами при удовлетвореніи потребности, становится тѣмъ меньше, чѣмъ въ большей степени потребность удовлетворена. Переходя извѣстные предѣлы, потребленіе можетъ доставлять вмѣсто удовольствія непріятное чувство.

Приведенная скала насыщенія потребностей, которую изобразилъ въ схематической формѣ К. Менгеръ, очень отдаленно и неполно изображаетъ дѣйствительность. На самомъ дѣлѣ, каждая потребность имѣетъ свою особую скалу насыщенія [7]). Такъ, если пользоваться схемой Менгера, то однѣ родовыя потребности образовали бы правильные ряды, въ которыхъ каждый послѣдующій членъ на единицу меньше предъидущаго, въ другихъ родовыхъ потребностяхъ наблюдались бы пропуски и скачки,— напримѣръ, получили бы подобный рядъ: 10, 8, 6, 5, 4, 2, 0, или 6, 3, 2, 1, 0. Предѣлъ насыщенія потребности, за которымъ потребность совсѣмъ прекращается, очень различенъ. Напримѣръ, потребность въ украшеніяхъ можетъ быть удовлетворяема въ самой различной степени, и предѣлъ насыщенія этой потребности будетъ очень низокъ. Но потребность имѣть опредѣленную книгу насыщается очень скоро — вторая такая же книга часто совершенно не нужна. Перваго рода потребность можно выразить цифрами 5, 4, 3, 2, 1, 0, вторую потребность—цифрами—3, 0. Въ первомъ случаѣ предѣломъ насыщенія будетъ единица, во второмъ—3.

Хлѣбъ поддерживаетъ нашу жизнь и удовлетворяетъ этимъ самой высшей конкретной потребности, которую мы можемъ испытывать; но тотъ же хлѣбъ, если количество его значительно, употребляется для удовлетворенія менѣе важныхъ потребностей. Если я ежедневно съѣдаю три фунта хлѣба, то лишній фунтъ, самое большее, увеличитъ запасъ моихъ силъ. Еще большаго количества хлѣба я не буду въ состояніи потребить самъ, а найду ему какое нибудь другое употребленіе; напримѣръ, употреблю его на прокормленіе животныхъ, которыя будутъ мнѣ полезны въ моемъ хозяйствѣ. Наконецъ, если бы хлѣбъ имѣлся въ изобиліи и продать его было бы нельзя, то я быть можетъ совсѣмъ бы не зналъ, куда его употребить, и хлѣбъ пропадалъ бы даромъ. Мы видимъ, что отъ обладанія даннымъ количествомъ

хлѣба можетъ зависѣть удовлетвореніе потребностей, весьма различныхъ по своей силѣ и интенсивности. Дѣйствительная польза, приносимая каждой единицей моего хлѣбнаго запаса, далеко не одинакова. Но цѣнность каждой единицы хлѣба безъ сомнѣнія будетъ одна и та же. Какъ же высоко буду я цѣнить хлѣбъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, представимъ себѣ, что я лишился оцѣниваемаго количества хлѣба. Какая потребность останется неудовлетворенной? Очевидно, наименѣе важная потребность изъ всѣхъ, удовлетворявшихся мною прежде; если у меня не хватитъ хлѣба, то я перестану кормить животныхъ, но не стану голодать и откармливать свой скотъ. Итакъ, отъ обладанія даннымъ предметомъ зависитъ наименѣе важная потребность изъ всѣхъ, которыя могутъ быть удовлетворены при помощи имѣющагося у насъ запаса этихъ предметомъ.

Поэтому «величина цѣнности блага измѣряется важностью конкретной потребности, которая наименѣе важна изъ всѣхъ потребностей, могущихъ быть удовлетворенными при помощи того запаса благъ, которымъ мы располагаемъ» [8]. Джевонсъ и Визеръ называютъ наименьшую пользу, приносимую благомъ, его предѣльной полезностью (Final degree of utility, Grenznutzen) [9]; слѣдуя терминологіи этихъ ученыхъ, предыдущую формулу цѣнности можно выразить такъ— цѣнность блага опредѣляется величиной его предѣльной полезности.

Итакъ, мы нашли рѣшеніе вопроса о причинахъ различія цѣнности благъ—онѣ лежатъ въ различіи предѣльной полезности послѣднихъ. Хотя потребность въ блестящихъ и красивыхъ камняхъ гораздо меньше потребности въ пищѣ, но такъ какъ драгоцѣнныхъ камней немного, а запасы пищи громадны, то предѣльная полезность вѣсовой единицы драгоцѣнныхъ камней гораздо выше предѣльной полезности пшеницы того же вѣса. Колебанія рыночной цѣны товаровъ, обусловливаемыя колебаніями спроса и предложенія, доказываютъ зависимость цѣнности благъ отъ ихъ количества.

До сихъ поръ мы разсматривали цѣнность съ точки зрѣнія изолированнаго потребителя; существованіе обмѣна вводитъ нѣкоторыя усложненія въ наше сужденіе о цѣнности предмета. Именно, мы замѣтили, что цѣнность даннаго предмета измѣряется не его собственной полезностью, а наименьшей полезностью, доставляемой какимъ либо изъ предметовъ этого рода, имѣющихся въ запасѣ у оцѣнивающаго индивида. Это основано на томъ, что въ случаѣ потери перваго предмета возможна замѣна его другимъ подобнымъ экземпляромъ, взятымъ изъ запаса. Но, при развитіи обмѣна между членами общества, почти каждую вещь, имѣющую хозяйственное значеніе, можно вы-

мѣнять на всякую другую цѣнную вещь, придерживаясь, разумѣется, мѣновыхъ отношеній, установившихся на рынкѣ. Если мы лишимся полезнаго предмета, то мы можемъ пріобрѣсть другой подобный экземпляръ, сдѣлавши соотвѣтствующую затрату. Поэтому, цѣнность утерянной нами вещи будетъ равна предѣльной полезности вещи совсѣмъ другаго рода, которую мы продали, чтобы вознаградить свою потерю. Если я имѣю теплое пальто, которое необходимо мнѣ зимой, чтобъ не простудиться, и если оно у меня только одно, то цѣнность этого пальто не будетъ равняться приносимой имъ пользѣ, ибо я могу въ случаѣ потери пальто пріобрѣсть другое такое же, пожертвовавши для этого извѣстнымъ количествомъ денегъ. Цѣнность пальто будетъ равна для меня цѣнности денегъ, которыя я за него заплатилъ. Цѣнность же самыхъ денегъ, въ свою очередь, различна, смотря по степени снабженія ими; та же самая сумма денегъ оцѣнивается далеко неодинаково богачемъ и бѣднымъ человѣкомъ. Нѣсколько десятковъ рублей, заплаченныхъ за пальто, вызовутъ у богатаго человѣка самое незначительное сокращеніе его потребленія, побудятъ его отказаться отъ какого либо мимолетнаго удовольствія. Цѣнность пальто для богача будетъ равняться этому удовольствію, котораго онъ лишился вслѣдствіе необходимости купить новое пальто. Но бѣдный человѣкъ для покупки пальто долженъ отказывать себѣ во всемъ необходимомъ, и та же денежная сумма пріобрѣтаетъ въ его глазахъ несравненно большую цѣнность. Во всякомъ случаѣ, предметы оцѣниваются по предѣльной полезности, если не по своей собственной, то по предѣльной полезности замѣняющихъ ихъ благъ.

Отъ чего же зависитъ сама предѣльная полезность? Мы говорили выше, что потребности наши могутъ быть удовлетворяемы въ различной степени. Чѣмъ больше мы имѣемъ въ запасѣ извѣстнаго рода благъ, тѣмъ больше можетъ быть удовлетворена наша потребность въ нихъ, а, слѣдовательно, предѣльная полезность отдѣльнаго блага будетъ тѣмъ меньше. Отсюда мы видимъ, что предѣльная полезность благъ зависитъ отъ отношеній между потребностью и количествомъ благъ, служащихъ для ея удовлетворенія. Другими словами, «чѣмъ больше и интенсивнѣе потребность и чѣмъ менѣе имѣется въ нашемъ распоряженіи хозяйственныхъ благъ для ея удовлетворенія, тѣмъ выше предѣльная полезность» [10]), а слѣдовательно, и цѣнность благъ. Степень полезности и рѣдкости благъ, вотъ что обусловливаетъ ихъ цѣнность. Если мы примемъ во вниманіе усложненіе, производимое мѣновыми отношеніями, то слѣдующіе факторы будутъ оказывать вліяніе на цѣнность: во первыхъ, отношеніе между потребностью и имѣ-

ющимся для ея удовлетворенія количествомъ оцѣниваемыхъ благъ во всемъ обществѣ, члены котораго связаны между собой мѣновыми сношеніями. Во вторыхъ, отношеніе между потребностью оцѣнивающаго индивида и запасомъ имѣющихся у него благъ, каковыми онъ долженъ пожертвовать для пріобрѣтенія оцѣниваемаго блага [11]). Во взятомъ нами раньше примѣрѣ цѣнность пальто для его пріобрѣтателя зависѣла: во первыхъ, отъ отношенія между спросомъ на пальто и предложеніемъ ихъ на рынкѣ, что устанавливаетъ рыночную цѣну пальто, и, во вторыхъ, отъ отношенія между потребностью въ деньгахъ пріобрѣтателя пальто, и количествомъ денегъ, которыми онъ располагаетъ. Послѣднее устанавливаетъ цѣнность денегъ, платимыхъ за пальто.

Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ нѣтъ прямой зависимости между обладаніемъ даннымъ благомъ и степенью удовлетворенія нашихъ потребностей. Именно, это бываетъ тогда, когда мы имѣемъ возможность, въ случаѣ потери этого блага, воспроизвести новое взамѣнъ потеряннаго цѣной увеличеннаго труда или какого либо добавочнаго неудобства. Если я потеряю букетъ цвѣтовъ, который собралъ въ свободное отъ занятій время, то мнѣ стоитъ только опять потратить трудъ на собираніе цвѣтовъ и букетъ будетъ готовъ вновь. Поэтому, этотъ букетъ будетъ оцѣниваться не по своей предѣльной полезности, а по тѣмъ усиліямъ, которыхъ стоитъ его собираніе. Но случаи подобной оцѣнки могутъ имѣть только исключительный характеръ въ современномъ народномъ хозяйствѣ, ибо въ немъ рабочія силы настолько напряжены, что невозможно увеличить ихъ приложеніе, если бы это понадобилось. Рабочій, разбившій посуду, не можетъ, если бы и хотѣлъ, вознаградить свою потерю усиленной работой на фабрикѣ,—напримѣръ, работать вмѣсто одиннадцати двѣнадцать часовъ. Ему приходится обходиться безъ посуды, или же купить посуду, но претерпѣть поэтому какой либо ущербъ въ удовлетвореніи другихъ своихъ потребностей. Въ настоящее время, потеря хозяйственнаго блага отзывается на потребленіи и только какъ исключеніе можетъ не вызывать никакого сокращенія потребленія вслѣдствіе усилившейся производительной дѣятельности человѣка. Впрочемъ, даже въ указанныхъ исключительныхъ случаяхъ, принципомъ, устанавливающимъ цѣнность, остается по прежнему наименьшая полезность. Что побуждаетъ человѣка усиливать свой трудъ? То, что онъ цѣнитъ свой трудъ меньше, чѣмъ то благо, которое получится вслѣдствіе его труда. Слѣдовательно, оцѣнивая это благо по труду, онъ оцѣниваетъ его по принципу наименьшей полезности.

Если мы обратимъ вниманіе на отношеніе хозяйственныхъ благъ къ нашимъ потребностямъ, то мы увидимъ, что одни блага удовлетворяютъ наши потребности непосредственно, другія посредственно. Менгеръ называетъ блага перваго рода благами перваго порядка; служащія для ихъ производства относятся ко второму порядку и т. д. Хлѣбъ будетъ благомъ перваго порядка, плугъ и земля втораго, орудія которыми произведенъ плугъ, третьяго порядка.

Отъ чего же зависитъ цѣнность благъ высшихъ порядковъ? Отъ цѣнности производимыхъ ими благъ перваго порядка, служащихъ для непосредственнаго удовлетворенія нашихъ потребностей. Факты подтверждаютъ это положеніе, ибо сумма благъ высшихъ порядковъ, потребныхъ для производства даннаго блага, есть то, что обыкновенно называютъ издержками производства; а въ экономической наукѣ прочно установленъ фактъ соотвѣтствія издержекъ производства съ цѣнностью продукта. Правда, экономисты видятъ обыкновенно причину цѣнности въ издержкахъ производства; въ дѣйствительности же существуетъ обратная зависимость—цѣнность производительныхъ благъ устанавливается по цѣнности окончательнаго продукта.

Хозяйственныя блага имѣютъ для насъ значеніе лишь постольку, поскольку они увеличиваютъ наше благополучіе. А такъ какъ непосредственно потребляются только блага перваго порядка, то только они имѣютъ непосредственную цѣнность.

Чтобы узнать, какую цѣнность имѣетъ какое либо благо, мы должны предположить, что мы лишились этого блага, изслѣдовать, насколько мы пострадаемъ отъ такого лишенія. Поэтому, предположимъ, что мы лишились группы благъ втораго порядка, которыя производили продуктъ А перваго порядка. Въ такомъ случаѣ продуктъ А перестанетъ производиться, и наша потеря будетъ какъ разъ равна цѣнности А. Цѣнность предметовъ потребленія имѣетъ основной характеръ, ибо обладаніе ими даетъ намъ возможность увеличивать свои удовольствія, дѣлаетъ насъ болѣе счастливыми; цѣнность же благъ высшихъ порядковъ имѣетъ характеръ производный, ибо производство имѣетъ цѣлью созданіе предметовъ потребленія. Только потому мы цѣнимъ производительныя блага, что съ ихъ помощью мы надѣемся получить блага перваго порядка. Не издержки производства устанавливаютъ цѣну продукта, а цѣнность продукта придаетъ цѣнность издержкамъ производства. Впрочемъ, вліяніе цѣнности продукта на цѣнность благъ высшихъ порядковъ можетъ принимать иногда очень сложный и запутанный характеръ.

По большей части одни и тѣ же производительныя блага могутъ

быть употреблены для производства очень многихъ и совершенно различныхъ благъ перваго порядка. Принципъ хозяйственности требуетъ, чтобы мы стремились достигать наибольшей суммы удовольствія при наименьшей затратѣ съ нашей стороны труда и капитала. Если мы можемъ произвести различнаго рода предметы потребленія при помощи затраты однихъ и тѣхъ же благъ высшихъ порядковъ, то мы будемъ производить продукты каждаго рода въ такомъ количествѣ, чтобы предѣльная полезность ихъ была, приблизительно, одинакова. При соблюденіи этого условія, мы извлечемъ возможно большую пользу изъ производительныхъ благъ, ибо всѣ наши потребности будутъ удовлетворены пропорціонально ихъ интенсивности. Но предѣлъ насыщенія различныхъ потребностей, какъ мы замѣтили выше, неодинаковъ. Возьмемъ конкретный примѣръ. Полезность одной печки въ комнатѣ можетъ быть велика—обозначимъ эту полезность цифрой 200, но вторая печка можетъ оказаться совсѣмъ излишней. Я, естественно, остановлюсь на одной печкѣ съ предѣльной полезностью въ 200, въ то время, какъ другія мои потребности могутъ быть удовлетворены въ большей степени; предѣльная полезность благъ, удовлетворяющихъ послѣднимъ потребностямъ, можетъ выразиться цифрами 100 или 120.

Допустимъ, что одна и та же группа благъ втораго порядка производитъ три блага 1 порядка A, B и C съ предѣльной полезностью въ 100, 120 и 200. Какъ велика будетъ цѣнность разсматриваемой нами группы производительныхъ благъ? Если только хозяйственныя условія позволяютъ намъ производить блага различныхъ предѣльныхъ полезностей, то цѣнность производительныхъ благъ установится по цѣнности благъ, обладающихъ наименьшей предѣльной полезностью изъ всѣхъ произведенныхъ благъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, прибѣгнемъ къ обычному пріему опредѣленія цѣнности — предположимъ, что мы лишились оцѣниваемой группы производительныхъ благъ, это побудитъ насъ уменьшить производство тѣхъ продуктовъ, которые обладаютъ наименьшей предѣльной полезностью — слѣдовательно, послѣдняя установитъ цѣнность производительныхъ благъ. Въ нашемъ примѣрѣ блага высшаго порядка будутъ имѣть цѣнность 100.

Какую же цѣнность будутъ имѣть въ такомъ случаѣ продукты B и C? Если мы можемъ произвести ихъ съ издержками во 100, то въ случаѣ потери блага C, мы, разумѣется, не откажемся отъ полезности, оцѣниваемой въ 200, а предпочтемъ затратить 100 и произвести вновь потерянное благо. Итакъ, цѣнность C будетъ равняться 100.

Мы видимъ на этомъ примѣрѣ значеніе издержекъ производства; онѣ вліяютъ во многихъ случаяхъ на цѣнность продуктовъ, но свою собственную цѣнность заимствуютъ отъ цѣнности тѣхъ продуктовъ, произведенныхъ ими, которые имѣютъ наименьшую предѣльную полезность. Издержки производства не конечная, но промежуточная, вторичная причина цѣнности. Если благо высшаго порядка употребляется для производства только одного рода благъ перваго порядка, то оно отъ нихъ и заимствуетъ цѣнность; такъ, золотыя розсыпи заимствуютъ свою цѣнность отъ добываемаго въ нихъ золота, виноградникъ—отъ цѣнности добываемаго вина.

До сихъ поръ мы говорили о субъективной цѣнности. Теперь намъ остается изслѣдовать объективную цѣнность, покупательную силу благъ.

Такъ какъ эгоизмъ является руководящимъ мотивомъ въ хозяйственной дѣятельности человѣка, то мы будемъ принимать, что контрагенты обмѣна стремятся къ достиженію наибольшей выгоды отъ обмѣна.

При такомъ предположеніи, обмѣнъ возможенъ только тогда, когда каждый изъ контрагентовъ цѣнитъ свой товаръ ниже товара, который онъ пріобрѣтаетъ. Другими словами, въ основаніи обмѣна лежитъ неодинаковость субъективной оцѣнки товара со стороны различныхъ членовъ общества.

Предположимъ, что мы имѣемъ нѣсколькихъ покупателей и продавцевъ, различнымъ образомъ оцѣнивающихъ продаваемый товаръ. Соперничество существуетъ какъ между продавцами, такъ и между покупателями. Пусть предметомъ продажи будетъ лошадь. Расположимъ покупателей и продавцевъ на двѣ группы:

ЖЕЛАЮЩІЕ КУПИТЬ.

A_1	оцѣниваетъ лошадь	въ 300	флориновъ.
A_2	» »	» 280	»
A_3	» »	» 260	»
A_4	» »	» 240	»
A_5	» » . . .	» 220	»
A_6	» »	» 210	»
A_7	» »	» 200	»
A_8	» »	» 180	»
A_9	» »	» 170	»
A_{10}	» »	» 150	»

ЖЕЛАЮЩІЕ ПРОДАТЬ.

B_1	оцѣниваетъ	лошадь	въ	100	флориновъ.
B_2	»	»	»	110	»
B_3	»	»	»	150	»
B_4	»	»	»	170	»
B_5	»	»	»	200	»
B_6	»	»	»	215	»
B_7	»	»	»	250	»
B_8	»	»	»	260	» [12]).

При этомъ мы должны допустить, чтобы не усложнить дѣло, что всѣ лошади одинаковаго качества, и что, какъ покупатели, такъ и продавцы хорошо освѣдомлены относительно общаго положенія рынка.

Мы видимъ, что одна и та же лошадь оцѣнивается очень различно и цѣна ея колеблется въ предѣлахъ отъ 300 до 100 флориновъ. Какая же цѣна установится на рынкѣ?

A_1 оцѣниваетъ лошадь въ 300 флориновъ. Безъ сомнѣнія, онъ легко купилъ бы на рынкѣ лошадь за такую цѣну, и каждый изъ 8 продавцевъ поспѣшилъ бы предложить ему свои услуги. Но покупатель А предпочитаетъ купить лошадь какъ можно дешевле, а потому соперничество продавцевъ заставитъ его сбавить цѣну лошади. Точно также продавецъ B_1 легко могъ бы продать свою лошадь за 100 флориновъ; по этой цѣнѣ всѣ десять покупателей А охотно купили бы его лошадь. Но такъ какъ выгода В побуждаетъ его продать лошадь какъ можно дороже, то соперничество покупателей заставитъ его повысить цѣну.

Если бы цѣна лошади установилась въ 230 флориновъ, то въ такомъ случаѣ купить лошадей могли бы только 4 покупателя (A_1, A_2, A_3, A_4), а продать ихъ согласились бы 6 продавцевъ (B_1, B_2, B_3, B_4, B_5, B_6). A_5 потому не могъ бы купить лошади, что она была бы для него слишкомъ дорога; B_7 потому не могъ бы продать лошади, что ея продажная цѣна кажется ему слишкомъ низкой.

Итакъ, при цѣнѣ лошади въ 230 флориновъ, предложенія продавцевъ превосходятъ требованія покупателей.

Цѣна должна упасть еще ниже.

Если цѣна лошади упадетъ до 220 флориновъ, то по этой цѣнѣ готовы купить лошадей 5 человѣкъ ($A_1 \ldots A_5$), а продать 6 ($B_1 \ldots B_6$).

Если же цѣна упадетъ до 210, то число покупателей будетъ равняться 6 ($A_1 \ldots A_6$), а число продавцевъ 5 ($B_1 \ldots B_5$)

Слѣдовательно, цѣна лошади должна установиться между 220 и 210.

Но предѣлы, между которыми эта цѣна окончательно установится, должны быть еще болѣе съужены.

Если цѣна лошади будетъ колебаться между 220 и 215, то перевѣсъ будетъ всегда на сторонѣ продавцевъ, ибо по цѣнѣ, превышающей 215, согласятся продать 6 продавцевъ, а купить по такой цѣнѣ могутъ только 5 покупателей. Поэтому цѣна лошади установится между 210 и 215 флоринами. Всего будетъ продано 5 лошадей. 3 продавца совсѣмъ не продадутъ своихъ лошадей.

Мы видимъ, что продали своихъ лошадей тѣ продавцы, которые ихъ цѣнили наименѣе низко, а купили тѣ покупатели, которые оцѣнивали лошадей наиболѣе высоко.

Рыночная цѣна лошади не можетъ превысить оцѣнки ея со стороны A_5 или B_6, ибо въ противномъ случаѣ A_5 долженъ былъ бы отказаться отъ покупки, а B_6 получилъ бы возможность продать лошадь. Явился бы избытокъ продавцевъ надъ покупателями и равновѣсіе нарушилось бы. Точно также цѣна лошади не можетъ упасть ниже оцѣнки A_6 и B_5, ибо тогда явилась бы возможность для A_6 купить лошадь, а для B_5 сдѣлалась бы невозможной продажа, и число покупателей превысило бы число продавцевъ. Такимъ образомъ, при существованіи соперничества между продавцами и покупателями, цѣна товара колеблется въ очень узкихъ предѣлахъ.

Верхній предѣлъ составляетъ оцѣнка товара со стороны покупателя, меньше остальныхъ получившаго выгоды отъ покупки, и таковая же оцѣнка со стороны продавца, не продавшаго свой товаръ, но цѣнившаго его ближе всего къ дѣйствительной товарной цѣнѣ, установившейся на рынкѣ. Нижнимъ предѣломъ будетъ оцѣнка товара со стороны продавца, которому продажа доставила менѣе выгоды, чѣмъ всѣмъ прочимъ, и таковая же оцѣнка со стороны того покупателя, который, хотя не могъ товара купить, но ближе всѣхъ остальныхъ некупившихъ приближался по своей оцѣнкѣ къ рыночной цѣнѣ товара. Если мы назовемъ эти двѣ пары покупателей и продавцевъ, устанавливающихъ цѣну, предѣльными парами, то мы получимъ слѣдующую формулу рыночной цѣны: высота рыночной цѣны опредѣляется высотой субъективной оцѣнки двухъ предѣльныхъ паръ.

Можетъ показаться страннымъ, что не всѣ контрагенты обмѣна, а только нѣкоторые изъ нихъ непосредственно вліяютъ на цѣну; но это станетъ для насъ понятнымъ, если мы сообразимъ, что рыночная цѣна должна дать возможность получить выгоду отъ обмѣна всѣмъ совершившимъ обмѣнъ. А такъ какъ предѣльныя пары поку-

пателей и продавцевъ меньше всего получатъ отъ обмѣна выгоды, то онѣ и устанавливаютъ цѣну. Всѣ же остальные покупатели и продавцы, которые не участвовали въ обмѣнѣ, вслѣдствіе того, что оцѣнки первыхъ оказались выше, а оцѣнки вторыхъ ниже рыночныхъ цѣнъ, не оказывали на цѣну никакого вліянія. Высота оцѣнки всѣхъ покупателей и продавцевъ, извлекшихъ изъ обмѣна болѣе выгоды, чѣмъ предѣльныя пары, также не вліяетъ на рыночную цѣну. Если бы A_1 цѣнилъ лошадь не въ 300, а въ 1,000 или 2,000 флориновъ,—рыночная цѣна лошади не потерпѣла бы никакого измѣненія. Но число такихъ участниковъ обмѣна оказываетъ вліяніе на цѣны, ибо отъ него зависитъ, какіе покупатели и продавцы составятъ предѣльныя пары.

Если бы во взятомъ нами примѣрѣ покупателей, цѣнившихъ лошадь выше предѣльныхъ паръ, было бы не 4, а 6, то въ такомъ случаѣ цѣна лошади повысилась бы и колебалась бы между 240 и 220 флоринами.

Рыночная цѣна товара зависитъ отъ субъективной оцѣнки товара покупателями и продавцами. Но вѣдь сама субъективная цѣнность, какъ замѣчено выше, подпадаетъ вліянію рыночной цѣны. Нѣтъ ли здѣсь магическаго круга?—Нѣтъ,—это противорѣчіе только кажущееся. Объясняется оно слѣдующимъ образомъ. Цѣна, установившаяся на рынкѣ, вліяетъ на наше сужденіе о цѣнности блага только тогда, когда мы находимся внѣ рынка. Но разъ мы выходимъ на рынокъ съ намѣреніемъ купить или продать, мы имѣемъ въ виду свою собственную субъективную оцѣнку, отъ высоты которой зависитъ высота рыночныхъ цѣнъ. На цѣну вліяетъ совокупность покупателей и продавцевъ, вступающихъ въ обмѣнъ; результатомъ взаимодѣйствія ихъ субъективныхъ оцѣнокъ является рыночная цѣна. Разъ установившись, эта цѣна начинаетъ въ свою очередь вліять на нашу субъективную оцѣнку благъ. Мы видимъ тутъ взаимодѣйствіе субъективнаго и объективнаго фактора, изъ которыхъ каждый вліяетъ въ свое время, при чемъ основной и первичный характеръ имѣетъ факторъ субъективный.

Мы сказали, что цѣну на рынкѣ устанавливаютъ предѣльныя пары. Намъ нужно пойти еще дальше и изслѣдовать, отъ какихъ факторовъ зависитъ высота того уровня, на которомъ образуются предѣльныя пары. Если количество спрашиваемаго товара велико и среди покупателей много оцѣнивающихъ высоко продаваемый товаръ, то безъ сомнѣнія, предѣльныя пары образуются на высокомъ уровнѣ; точно также, если продавцевъ, или точнѣе, если продаваемаго то-

вара мало, а сами продавцы оцѣниваютъ этотъ товаръ высоко, то рыночная цѣна товара будетъ высока. Слѣдовательно, слѣдующіе 4 фактора устанавливаютъ высоту оцѣнки предѣльныхъ паръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—высоту рыночной цѣны:

1) Количество товара спрашиваемаго на рынкѣ;
2) Высота денежной оцѣнки товара со стороны покупателей;
3) Величина предложенія товара;
4) Высота денежной оцѣнки товара со стороны продавцевъ.

Но факторы подъ рубрикой 2 и 4 сами являются сложными, ибо денежная оцѣнка товара зависитъ, во первыхъ, отъ цѣнности, придаваемой товару, и, во вторыхъ, отъ цѣнности, придаваемой нами деньгамъ. Если мы введемъ эту поправку, то мы получимъ, что рыночная цѣна образуется подъ вліяніемъ слѣдующихъ факторовъ:

1) Количества товара, спрашиваемаго на рынкѣ;
2) Субъективной оцѣнки товара со стороны желающихъ купить;
3) Субъективной цѣнности денегъ для нихъ же;
4) Величины предложенія товара;
5) Субъективной оцѣнки товара со стороны желающихъ продать;
6) Субъективной цѣнности денегъ для нихъ же.

Величина предложенія товара зависитъ частью отъ чисто естественныхъ причинъ, частью отъ соціальныхъ, но въ особенности значительное вліяніе на предложеніе товара оказываютъ издержки производства: «чѣмъ выше издержки производства какихъ либо продуктовъ, тѣмъ относительно меньшее число послѣднихъ производится для удовлетворенія потребности» [13]).

«Мѣновая цѣнность точно также, какъ и субъективная, зависитъ отъ отношенія между потребностью и количествомъ предлагаемыхъ для ея удовлетворенія благъ, съ той разницей, что въ первомъ случаѣ вліяетъ таковое отношеніе въ отдѣльномъ индивидуальномъ хозяйствѣ, а во второмъ случаѣ въ хозяйствѣ всего общества» [14]).

Но какъ согласовать съ этимъ положеніемъ тотъ фактъ, что цѣна благъ, количество которыхъ можетъ быть увеличено по произволу, соотвѣтствуетъ издержкамъ производства? Это же затрудненіе представилось намъ при изслѣдованіи субъективной цѣнности; рѣшается оно въ обоихъ случаяхъ одинаковымъ образомъ.

Возьмемъ для примѣра желѣзное производство; цѣна всѣхъ его продуктовъ: гвоздей, плуговъ, молотковъ, котловъ, листоваго желѣза, машинъ—устанавливается отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, которыя существуютъ для каждаго спеціальнаго рода продуктовъ. Положимъ, что отношеніе спроса и предложенія, а вслѣдствіе этого

и цѣна неодинакова для различныхъ продуктовъ желѣзнаго производства; послѣдствіемъ этого будетъ то, что желѣзо, благо высшаго порядка, будетъ оцѣниваться неодинаково различными производителями, ибо цѣнность благъ высшихъ порядковъ зависитъ отъ цѣнности низшихъ. Но на рынкѣ не можетъ быть различныхъ цѣнъ для одного и того же товара; и для желѣза установится одна опредѣленная цѣна, соотвѣтствующая цѣнности наиболѣе дешевыхъ продуктовъ желѣзнаго производства, ибо если бы цѣна желѣза поднялась выше, то всѣ, производящіе такіе продукты, были бы принуждены прекратить производство. Всѣ тѣ производители, продукты которыхъ предлагаются въ такомъ небольшомъ количествѣ, что не вполнѣ удовлетворяютъ спросу, и цѣнятся поэтому высоко, получатъ премію сравнительно со своими менѣе счастливыми товарищами. Такая премія вызоветъ приливъ капиталовъ къ болѣе выгоднымъ отраслямъ производства, вызоветъ увеличеніе предложенія соотвѣтствующихъ продуктовъ, и наконецъ, паденіе цѣны послѣднихъ до уровня издержекъ производства.

Мы видимъ, что если существуетъ согласіе издержекъ производства съ цѣнностью продукта, «то это согласіе устанавливается въ въ общемъ такимъ образомъ, что цѣнность производительныхъ благъ опредѣляется цѣнностью наиболѣе дешеваго, производимаго ими продукта» [15]).

Этимъ мы заканчиваемъ изложеніе новѣйшей теоріи цѣнности. Мы сочли лучшимъ совершенно обойти нѣкоторые вопросы, имѣющіе довольно важное значеніе для этой теоріи, для того, чтобы не усложнить нашего изложенія и сдѣлать его, по возможности, краткимъ.

II.

Теорія предѣльной полезности по всей своей конструкціи примыкаетъ къ тѣмъ теоріямъ цѣнности, которыя выводятъ цѣнность экономическихъ благъ изъ полезности послѣднихъ. Основаніе теоріямъ этого типа было положено Ж. Б. Сэемъ и Шторхомъ. Тотъ же основной принципъ, хотя и въ измѣненной формѣ, мы находимъ въ ученіи о цѣнности Бруно Гильдебранда и Книса. Но, несмотря на то, что многіе экономисты пытались объяснить явленія цѣнности полезностью хозяйственныхъ благъ, до послѣдняго времени эти попытки были неудачны. Общеизвѣстный фактъ, что блага, наиболѣе необходимыя для человѣческой жизни, не имѣютъ никакой цѣнности или имѣютъ цѣнность менѣе значительную, чѣмъ предметы роскоши

и украшенія, составлялъ, какъ мы замѣтили выше, камень преткновенія для всѣхъ, кто видѣлъ въ цѣнности мѣру полезности блага, а не мѣру сопротивленія природы, преодолѣваемаго нами при производствѣ.

Прудонъ положилъ въ основаніе всей своей системы противорѣчіе между мѣновой цѣнностью и полезностью хозяйственныхъ благъ; чѣмъ хозяйственное благо полезнѣе, тѣмъ менѣе оно цѣнно. Увеличеніе количества товаровъ извѣстнаго рода понижаетъ ихъ мѣновую стоимость, хотя полезность всей совокупности товаровъ увеличивается. Бруно Гильдебрандъ, критикуя Прудона, пытался, но совершенно неудачно, устранить означенное противорѣчіе. Гильдебрандъ утверждаетъ, что каждый родъ хозяйственныхъ благъ имѣетъ въ совокупности опредѣленную цѣнность, зависящую отъ величины и силы тѣхъ общественныхъ потребностей, которымъ эти блага удовлетворяютъ. Если эту общую цѣнность раздѣлить на число единицъ хозяйственныхъ благъ этого рода, то мы получимъ цѣнность каждой единицы хозяйственнаго блага [16]).

Увеличеніе или уменьшеніе количества потребляемыхъ товаровъ измѣняетъ полезность послѣднихъ. Чѣмъ больше это количество, тѣмъ полезность товарной единицы меньше; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе предложенія понижаетъ и цѣнность товаровъ. Слѣдовательно, заключаетъ Бруно Гильдебрандъ, наблюдается гармонія, а никакъ не противорѣчіе между полезностью и цѣнностью хозяйственныхъ благъ.

Таково ученіе о цѣнности Бруно Гильдебранда. По нашему мнѣнію, оно заключаетъ въ себѣ слѣдующія ошибки: совершенно несправедливо, будто увеличеніе запаса товаровъ даннаго рода уменьшаетъ полезность каждой единицы товара. Падаетъ только предѣльная полезность, а высшія степени полезности, доставляемой этими товарами, нисколько не понижаются. Далѣе, Бруно Гильдебрандъ предполагаетъ, что каждая общественная потребность удовлетворяется цѣликомъ; а это не вѣрно—почти всегда удовлетворяется только доля общественной потребности, притомъ, чѣмъ меньше доля, тѣмъ выше стоимость удовлетворенія потребности. Если бы теорія Бруно Гильдебранда была справедлива, то цѣнность товара всегда понижалась бы строго пропорціонально увеличенію его количества. Въ дѣйствительности мы наблюдаемъ другое: при увеличеніи предложенія предметовъ роскоши, цѣнность ихъ падаетъ, обыкновенно, въ болѣе слабой степени, такъ что цѣнность всей совокупности ихъ возрастаетъ; предметы, удовлетворяющіе необходимымъ потребностямъ (напримѣръ, хлѣбъ), напротивъ, падаютъ въ цѣнѣ сильнѣе, чѣмъ увеличивается

ихъ количество, и цѣнность всего запаса такихъ предметовъ, вслѣдствіе увеличенія ихъ количества, понижается Другими словами, Прудонъ былъ до извѣстной степени правъ — во многихъ случаяхъ увеличеніе полезности (ибо большее количество хлѣба полезнѣе меньшаго) сопровождается уменьшеніемъ цѣнности.

Теорія цѣнности Книса во всѣхъ существенныхъ чертахъ сходна съ теоріей Гильдебранда и точно также не можетъ разрѣшить этого затрудненія. Мы не касаемся другихъ попытокъ установить согласіе между полезностью и цѣнностью экономическихъ благъ, такъ какъ эти попытки также мало удачны, какъ и приведенныя нами. Единственно теорія предѣльной полезности естественно и въ полномъ согласіи съ фактами объясняетъ намъ зависимость, существующую между цѣнностью вещей и ихъ способностью въ различной мѣрѣ удовлетворять нашимъ потребностямъ. Вліяніе спроса и предложенія товаровъ на ихъ цѣны есть логическое слѣдствіе основныхъ посылокъ этой теоріи. Факты неодинаковаго вліянія колебаній предложенія на цѣнность разнаго рода товаровъ, объясняется теоріей предѣльной полезности очень просто: скалы насыщенія общественныхъ потребностей различны. Весь механизмъ установленія цѣны товаровъ на рынкѣ развитъ Бемъ-Баверкомъ съ такой ясностью и полнотой, что въ этомъ отношеніи онъ далеко оставляетъ за собой всѣхъ своихъ предшественниковъ. Изъ послѣднихъ болѣе другихъ занимался изслѣдованіемъ механизма спроса и предложенія Германнъ.

Германнъ даетъ [17]) слѣдующее перечисленіе факторовъ, устанавливающихъ высоту рыночной цѣны: со стороны покупателей на рыночную цѣну товара вліяетъ потребительная цѣнность послѣдняго, размѣры покупательныхъ средствъ у лицъ, предъявляющихъ запросъ на этотъ товаръ, и стоимость покупки товара на самомъ дешевомъ доступномъ рынкѣ; со стороны продавцевъ — издержки производства товара, продаваемая цѣна товара на самомъ дорогомъ доступномъ рынкѣ и мѣновая цѣнность денегъ. Если мы сравнимъ анализъ рыночной цѣны Германна и Бемъ-Баверка, то мы легко убѣдимся, что Германнъ въ одну группу помѣстилъ совершенно различные элементы. Издержки производства оказываютъ дѣйствіе на цѣны не на рынкѣ въ моментъ продажи и покупки, а за предѣлами рынка, регулируя количество товаровъ, доставляемыхъ на продажу. Мѣновая цѣнность денегъ вліяетъ не только на оцѣнку продавца, но и на оцѣнку покупателя.

Оцѣнка покупателя зависитъ не только отъ его покупательныхъ средствъ, но и отъ цѣнности, придаваемой имъ деньгамъ. Богатый

скряга можетъ обладать очень значительными покупательными средствами, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнить деньги такъ высоко, что онъ будетъ предлагать за товаръ меньшую цѣну, чѣмъ другой менѣе богатый, но болѣе щедрый покупатель. Въ изложеніи Бемъ-Баверкомъ закона спроса и предложенія всѣ подобныя неточности и погрѣшности устранены. Теорія предѣльной полезности даетъ намъ вполнѣ научное объясненіе давно извѣстному факту зависимости цѣнъ товаровъ отъ количества, въ которомъ они предлагаются на рынкѣ; только съ точки зрѣнія этой теоріи можно говорить о *законѣ* спроса и предложенія, какъ о научномъ законѣ, а не грубомъ эмпирическомъ обобщеніи. Поэтому неудивительно, что Э. Саксъ называетъ новѣйшую теорію цѣнности открытіемъ въ наукѣ и сравниваетъ эту теорію по значенію, которое она должна имѣть въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ, съ теоріей всемірнаго тяготѣнія въ астрономіи [18]).

Основаніемъ всей излагаемой нами теоріи мы должны считать положеніе, что удовольствіе, испытываемое нами при удовлетвореніи потребности, убываетъ по мѣрѣ удовлетворенія. Замѣтимъ при этомъ, что подъ родовой потребностью въ смыслѣ, придаваемомъ этому понятію Менгеромъ и его послѣдователями, слѣдуетъ разумѣть не физіологическую потребность, хотя Визеръ и Бемъ-Баверкъ всегда говорятъ о родовыхъ потребностяхъ, какъ о потребностяхъ физіологическихъ. На самомъ дѣлѣ схема Менгера объясняетъ намъ, какимъ образомъ экономическія потребности въ товарахъ опредѣленнаго рода могутъ распадаться на конкретныя потребности различной величины. Такъ, напримѣръ, въ этой схемѣ подъ цифрой I должна быть помѣщена потребность въ хлѣбѣ, но никакъ не потребность въ питаніи, какъ это дѣлаетъ, слѣдуя Менгеру, Бемъ-Баверкъ. Мы объясняемъ послѣднее простымъ недосмотромъ со стороны Бемъ - Баверка; изъ другихъ мѣстъ его труда видно, что въ одну родовую потребность онъ включаетъ часто нѣсколько совершенно различныхъ физіологическихъ потребностей. Возьмемъ, напримѣръ, экономическую потребность въ хлѣбѣ: хлѣбъ служитъ намъ пищей и потому необходимъ для нашего существованія; потребность въ хлѣбѣ, какъ пищѣ, для насъ имѣетъ свою скалу насыщенія. Далѣе, тотъ же хлѣбъ можетъ служить для корма лошадей и удовлетворять нашимъ потребностямъ въ легкомъ и быстромъ передвиженіи; это уже совершенно другая физіологическая потребность, но въ экономическомъ отношеніи между обѣими потребностями существуетъ тѣсная связь—обѣ удовлетворяются, до извѣстной степени, одними и тѣми же хозяйственными

благами. Наконецъ, изъ хлѣба можно приготовлять спиртъ, который удовлетворяетъ нашей потребности въ возбуждающихъ напиткахъ и имѣетъ громадное примѣненіе въ технологіи. Опять новыя физіологическія потребности, которыя удовлетворяются при помощи хлѣба и между которыми существуетъ, благодаря этому, экономическая связь. Мы видимъ, что родовая потребность въ хлѣбѣ слагается изъ нѣсколькихъ совершенно различныхъ физіологическихъ потребностей. Цѣнность хлѣба опредѣляется его предѣльной полезностью не только какъ питательнаго матеріала для человѣка, но и какъ орудія удовлетворенія всѣхъ другихъ потребностей, удовлетворяемыхъ при помощи хлѣба.

Итакъ, потребность въ хозяйственномъ благѣ извѣстнаго рода слагается обыкновенно изъ нѣсколькихъ физіологическихъ потребностей. Каждая физіологическая потребность имѣетъ свою скалу насыщенія. Но и сами физіологическія потребности, находящіяся въ экономической связи, составляютъ также скалу. Потребность въ экономическомъ благѣ имѣетъ двоякаго рода скалу насыщенія—скалу насыщенія этой потребности физіологическими потребностями и скалу насыщенія послѣднихъ. Будемъ называть скалу перваго рода экономической скалой, скалу втораго рода—скалой физіологической. Отъ какихъ причинъ зависитъ характеръ скалы каждаго рода?

Экономическая скала зависитъ отъ того, какія физіологическія потребности могутъ удовлетворяться при помощи даннаго блага. Чѣмъ болѣе разнообразно хозяйственное примѣненіе этого блага, тѣмъ болѣе обширна и его экономическая скала. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ благо можетъ удовлетворять только одной физіологической потребности, и тогда потребность въ этомъ благѣ экономической скалы не образуетъ. Примѣромъ могутъ служить многіе предметы потребленія,—напримѣръ, чай, кофе, табакъ. Напротивъ, другія хозяйственныя блага образуютъ весьма сложную экономическую скалу: напримѣръ, разнаго рода ткани.

Физіологическая скала основана на извѣстномъ физіологическомъ законѣ, установленномъ Веберомъ и Фехнеромъ. Законъ этотъ заключается въ томъ, что ощущеніе растетъ какъ логариѳмъ раздражителя. Этотъ законъ Фехнеръ называетъ основнымъ закономъ психофизики. Дѣйствительно, построеніе научной теоріи счастія возможно только благодаря установленной Веберомъ опытнымъ путемъ зависимости между возрастаніемъ внѣшняго раздражающаго агента и нашимъ субъективнымъ ощущеніемъ. Если раздражитель будетъ рости въ пропорціи 1, 10, 100, 1000, то ощущеніе будетъ возрастать какъ

1, 2, 3, 4. Другими словами, чтобы увеличить ощущеніе на одну и ту же абсолютную величину, нужно употреблять все болѣе и болѣе сильные раздражители. Если же мы будемъ равномѣрно усиливать раздражающій агентъ, то ощущеніе будетъ рости все меньше и меньше. Исходя изъ подобныхъ соображеній, знаменитый математикъ прошлаго столѣтія, Бернулли, высказалъ положеніе, что субъективная цѣнность извѣстной суммы денегъ тѣмъ меньше, чѣмъ больше богатство оцѣнивающаго индивида. Мысли Бернулли были развиты дальше Лапласомъ. Ф. Ланге указываетъ въ «Исторіи матеріализма» и въ своемъ небольшомъ сочиненіи о рабочемъ вопросѣ [19]) на громадное значеніе закона Вебера въ области соціальныхъ явленій. Не трудно показать, что новѣйшая теорія цѣнности вся цѣликомъ основана на законѣ Вебера, хотя, кстати сказать, Менгеръ и его послѣдователи совершенно игнорируютъ физіологическую основу своего ученія. Хозяйственныя блага суть внѣшніе раздражители; чувство удовлетворенія, доставляемое истребленіемъ ихъ, есть субъективное ощущеніе. Единица хозяйственнаго блага должна доставлять тѣмъ меньшее удовлетвореніе, чѣмъ большее количество благъ этого рода мы потребляемъ. Разумѣется, не слѣдуетъ думать, что законъ Вебера съ математической строгостью устанавливаетъ физіологическую скалу. Хозяйственныя блага только до извѣстной степени могутъ считаться аналогичными физическимъ и химическимъ раздражающимъ агентамъ, которые употребляются при физіологическихъ опытахъ. Всякая физіологическая потребность имѣетъ свою особую скалу: насыщеніе и удовлетвореніе потребностей не слѣдуетъ логариѳмическому закону; но во всѣхъ случаяхъ удовлетворенія потребностей, ощущеніе имѣетъ тенденцію наростать слабѣе раздражающаго агента.

Мы видѣли выше, что Бемъ-Баверкъ разумѣетъ подъ цѣнностью то значеніе, которое имѣетъ какое либо благо по отношенію къ благополучію субъекта. Въ другомъ мѣстѣ своей статьи Бемъ-Баверкъ говоритъ, что цѣнность блага есть мѣра полезности, которой мы лишились бы, если бы не обладали даннымъ благомъ. Визеръ говоритъ, что только удовлетвореніе потребностей имѣетъ непосредственную цѣнность. Цѣнность же внѣшнихъ благъ имѣетъ производный характеръ. Все изложеніе Визера проникнуто воззрѣніемъ, что цѣнность есть чисто психическое явленіе. Вообще въ различныхъ теоріяхъ цѣнности мы можемъ замѣтить два направленія: одни изслѣдователи видятъ свою главную задачу въ установленіи законовъ, регулирующихъ цѣны товаровъ. Для теоретиковъ этого типа весь вопросъ заключается въ томъ — почему въ народномъ хозяйствѣ одни предметы цѣнятся до-

роже другихъ. Другіе ученые обращаютъ преимущественное вниманіе на субъективную оцѣнку благъ, на внутреннее душевное состояніе оцѣнивающаго индивида; для нихъ особенно важенъ субъективный элементъ цѣнности. Для первыхъ цѣнность есть объективное явленіе, для вторыхъ—субъективное. Между тѣмъ, въ дѣйствительности цѣнность зависитъ одновременно какъ отъ объективныхъ, такъ и отъ субъективныхъ причинъ. Всякая теорія цѣнности, которая не будетъ принимать въ разсчетъ этихъ обоихъ элементовъ, непремѣнно окажется односторонней. При научномъ изслѣдованіи цѣнности недостаточно указать на связь, существующую между извѣстнымъ внѣшнимъ положеніемъ вещей и тѣмъ или другимъ состояніемъ нашего духа. Необходимо пойти дальше, показать, отчего это положеніе вещей зависитъ—создано ли оно человѣкомъ или обусловливается самой природой вещей. Изслѣдованіе причинъ цѣнности не должно быть прекращено до тѣхъ поръ, пока мы не дойдемъ до такихъ фактовъ, которые выходятъ изъ области экономической науки. Такими фактами при анализѣ субъективныхъ причинъ цѣнности будутъ физіологическіе и психологическіе законы, ибо политическая экономія не можетъ брать на себя задачи психологіи и физіологіи. По отношенію къ объективнымъ причинамъ цѣнности такимъ предѣломъ будутъ факты внѣшней природы (напримѣръ, фактъ большей рѣдкости на поверхности земли драгоцѣнныхъ металловъ, сравнительно съ желѣзомъ и другими неблагородными металлами) и соціальные факты, зависящіе отъ общаго характера даннаго соціальнаго строя, каковы различныя общественныя учрежденія и проч. Политическая экономія не есть естественная наука и не включаетъ въ себя всю область соціологіи. Область изслѣдованія каждой науки должна быть ограничена для того, чтобы изслѣдованіе могло имѣть конецъ. Но задача научной теоріи цѣнности можетъ считаться законченной только тогда, когда изслѣдованіе доведено до подобнаго конца.

Если бы мы попробовали испытать согласіе съ фактами теоріи предѣльной полезности, то мы, безъ сомнѣнія, убѣдились бы, что въ народномъ хозяйствѣ дорогіе предметы имѣютъ, дѣйствительно, въ общемъ болѣе высокую предѣльную полезность, чѣмъ предметы дешевые. Въ нашей литературѣ Зиберомъ была высказана мысль, что всѣ общественныя потребности удовлетворяются въ народномъ хозяйствѣ въ одинаковой степени [20]). Съ этимъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться. Простое соображеніе докажетъ намъ несостоятельность мнѣнія Зибера.

Если бы всѣ общественныя потребности удовлетворялись равно-

мѣрно, то цѣна товара не оказывала бы никакого вліянія на размѣры его сбыта. Между тѣмъ, обыкновенно пониженіе цѣны товара увеличиваетъ спросъ на него; напротивъ, вздорожаніе товара уменьшаетъ его сбытъ. Въ первомъ случаѣ общественная потребность въ извѣстномъ товарѣ начинаетъ удовлетворяться болѣе полно, во второмъ случаѣ наблюдается обратное явленіе. Мы видимъ, что цѣна товара регулируетъ степень удовлетворенія потребности въ этомъ товарѣ. Чѣмъ товаръ дороже, тѣмъ меньше при прочихъ равныхъ условіяхъ производится этого товара, а слѣдовательно, тѣмъ выше и его предѣльная полезность. Итакъ, предѣльная полезность и цѣнность товаровъ согласуются между собою.

Теорія предѣльной полезности выяснила зависимость, существующую между запасомъ хозяйственныхъ благъ, которыми мы располагаемъ, и ихъ цѣнностью. Количество того или другаго рода хозяйственныхъ благъ не есть первичный фактъ, не зависящій отъ нашей воли. Менгеръ говоритъ, что количество благъ, произведенныхъ человѣкомъ, никогда не можетъ вполнѣ удовлетворять потребностямъ послѣдняго; остается всегда доля потребностей неудовлетворенной; это создаетъ всему запасу благъ цѣнность недостатка.

Но намъ нужно узнать причину цѣнности не всего запаса, а отдѣльныхъ его элементовъ. Намъ нужно узнать, почему золота производится мало сравнительно съ потребностью въ этомъ металлѣ, между тѣмъ какъ желѣза производится относительно потребности въ немъ больше; почему бархатъ и шелкъ производятся въ небольшомъ количествѣ, между тѣмъ какъ количество производимыхъ грубыхъ суконъ и хлопчато-бумажныхъ тканей громадно. Цѣнность благъ зависитъ отъ полезности благъ и отъ ихъ количества—отчего же зависитъ послѣднее? Менгеръ совершенно не касается означеннаго вопроса. Визеръ и Бемъ-Баверкъ снова затрогиваютъ этотъ вопросъ въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ о цѣнности; въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ они останавливаются болѣе подробно на причинахъ, регулирующихъ количество производимыхъ благъ. Визеръ говоритъ, что издержки производства хозяйственныхъ благъ оказываютъ вліяніе на количество послѣднихъ, производимое нами [21]). Мы производимъ хозяйственныя блага каждаго рода въ такомъ количествѣ, что цѣнность продукта соотвѣтствуетъ цѣнности издержекъ производства. Если продуктовъ произведено слишкомъ много, то ихъ цѣнность будетъ ниже цѣнности затраты—производство сдѣлается невыгоднымъ и предложеніе продуктовъ этого рода уменьшится. По обратной причинѣ продуктовъ не можетъ быть произведено слишкомъ мало. Въ

результатѣ получается соотвѣтствіе между издержками производства и цѣнностью продукта; издержки производства регулируютъ количество производимыхъ продуктовъ. Бемъ-Баверкъ даетъ болѣе обстоятельное и правильное объясненіе причинъ соотвѣтствія цѣнности продукта съ затратами [22]). Высота оплачиванія рабочей силы средняго качества должна быть до извѣстной степени одинакова во всѣхъ отрасляхъ производства. Если въ одной отрасли промышленности трудъ становится вдвое успѣшнѣе и для производства того же количества продукта требуется вдвое менѣе рабочихъ дней, то каждый рабочій день въ этой отрасли промышленности оплачивается выше нормы. Производительныя силы народа направляются преимущественно къ производству лучше оплачиваемыхъ продуктовъ, предложеніе послѣднихъ возрастаетъ и цѣнность ихъ падаетъ пропорціонально уменьшенію ихъ трудовой стоимости. Объясненіе Бемъ-Баверка мы находимъ болѣе удачнымъ, чѣмъ объясненіе Визера, по слѣдующей причинѣ: Визеръ говоритъ о вліяніи цѣнности издержекъ производства на цѣнность продукта послѣ того, какъ ранѣе онъ самъ утверждалъ обратную зависимость цѣнности затраты отъ цѣнности окончательнаго продукта. Объясненіе Визера вращается въ логическомъ кругѣ. Бемъ-Баверкъ избѣгаетъ противорѣчія съ самимъ собой благодаря тому, что на мѣсто понятія цѣнности издержекъ производства онъ ставитъ понятіе трудовой затраты для производства продукта.

Самымъ слабымъ пунктомъ въ теоріи предѣльной полезности можетъ показаться то положеніе, что цѣнность производительныхъ благъ зависитъ отъ цѣнности продукта. Недоумѣніе читателя въ значительной степени усиливается вслѣдствіе утвержденія защитниковъ этой теоріи, что общепринятое въ экономической наукѣ ученіе о зависимости цѣнъ товаровъ отъ издержекъ производства ошибочно. По словамъ Визера и Бемъ-Баверка, экономисты приняли слѣдствіе за причину. Такъ ли это? Очевидно, во всемъ этомъ вопросѣ существуетъ нѣкоторое недоразумѣніе, ибо мы видѣли, что сами названные ученые признаютъ вліяніе затратъ на цѣнность продукта.

Мы говорили выше, что теоріи цѣнности бываютъ двухъ различныхъ типовъ; въ однихъ теоріяхъ преобладаетъ изслѣдованіе субъективнаго элемента цѣнности, въ другихъ—объективнаго. Теорія предѣльной полезности принадлежитъ, очевидно, къ первому типу. Изъ предъидущаго изложенія читатели могли видѣть, что новѣйшая теорія цѣнности не указываетъ ни одной новой объективной причины, вліяющей на цѣнность; значеніе этой теоріи заключается въ томъ, что она объясняетъ, какимъ образомъ внѣшнія причины вызываютъ въ

насъ сложные психическіе процессы, составляющіе оцѣнку блага. Другими словами, теорія предѣльной полезности дала намъ замѣчательный по своей ясности и логической послѣдовательности анализъ процесса оцѣнки. Менгеръ совершенно игнорировалъ вопросъ объ объективныхъ причинахъ цѣнности; онъ принималъ за данное, что каждый товаръ производится въ опредѣленныхъ количествахъ. Отчего это количество зависитъ, надъ этимъ онъ не останавливался. Почему мы цѣнимъ производительныя блага? Очевидно, потому, что при помощи ихъ мы можемъ получить блага перваго порядка, непосредственно удовлетворяющія нашимъ потребностямъ. Въ этомъ смыслѣ и можно утверждать, что цѣнность производительныхъ благъ имѣетъ производный, а не основный характеръ. Съ субъективной точки зрѣнія причиной цѣнности того или другаго производительнаго блага служитъ цѣнность продукта. Но теорія цѣнности, ограничивающаяся изслѣдованіемъ однихъ субъективныхъ причинъ цѣнности, не можетъ считаться полной и законченной теоріей. Необходимо пойти дальше и изслѣдовать объективныя причины цѣнности во всемъ ихъ объемѣ. Визеръ и Бемъ-Баверкъ дѣлаютъ это, но недостаточно полно вслѣдствіе того, что они не различаютъ въ должной степени субъективной и объективной точки зрѣнія въ научной теоріи цѣнности [23]).

Итакъ, съ субъективной точки зрѣнія цѣнность продукта есть причина, а цѣнность производительныхъ благъ есть слѣдствіе. Но какой получится результатъ, если мы будемъ изслѣдовать объективныя причины цѣнности? Отвѣтъ на это мы уже знаемъ: Визеръ и Бемъ-Баверкъ признаютъ, что количество производимыхъ продуктовъ, а слѣдовательно и ихъ цѣнность, регулируются главнымъ образомъ издержками производства. Слѣдовательно, съ объективной точки зрѣнія издержки производства есть причина, а цѣнность продукта—слѣдствіе. Подъ издержками производства мы должны разумѣть не цѣнность затраты для производства хозяйственнаго блага, а величину сопротивленія, преодолѣваемаго при производствѣ. Мы остановимся подробнѣе надъ вопросомъ о томъ, въ чемъ заключаются объективныя причины цѣнности, такъ какъ изложеніе этого вопроса Визеромъ и Бемъ-Баверкомъ отличается большой неясностью и темнотой.

Величина затраты, которую мы должны сдѣлать, чтобы произвести какое либо хозяйственное благо, зависитъ отъ двухъ причинъ:—вопервыхъ, отъ количества затрачиваемыхъ производительныхъ благъ, во вторыхъ—отъ ихъ цѣнности. Менгеръ замѣтилъ, что второй факторъ затраты—цѣнность—не можетъ имѣть мѣста въ научной теоріи,

которая ищетъ объясненія самому явленію цѣнности. Оставалось объяснить какимъ либо образомъ цѣнность самихъ производительныхъ благъ, и вотъ Менгеръ, съ цѣлью такого объясненія, утверждаетъ зависимость высоты издержекъ производства отъ цѣнности продукта. Но въ издержки производства входитъ еще другой факторъ—количество затраченныхъ производительныхъ благъ. Факторъ этотъ не только отъ цѣны продукта, но даже и отъ воли человѣческой въ значительной степени не зависитъ.

Допустимъ, чтобы яснѣе понять значеніе указаннаго фактора, что цѣнность производительныхъ благъ опредѣляется цѣнностью благъ перваго порядка. Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ производствомъ мебели: небольшая скамейка подъ ноги и письменный столъ требуютъ различной затраты производительныхъ благъ, рабочей силы, инструментовъ, сырыхъ матеріаловъ. Такъ какъ скамейка и столъ произведены изъ одного и того же матеріала, тѣми же инструментами и тѣми же рабочими, то цѣнность производительныхъ благъ не можетъ вліять на различіе цѣны стола и скамейки; пусть эта цѣнность зависитъ отъ цѣны продукта,—намъ это безразлично. Какъ велика будетъ цѣна скамейки и стола? Если бы предѣльная полезность устанавливала цѣну независимо отъ издержекъ производства, то не было бы никакой причины, почему столъ долженъ быть непремѣнно дороже скамейки; его предѣльная полезность могла бы быть больше, но могла бы быть и меньше, чѣмъ предѣльная полезность скамейки. Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что если столъ требуетъ въ десять разъ большей затраты производительныхъ благъ, то цѣна его будетъ приблизительно во столько же разъ выше цѣны скамейки. Слѣдовательно, высота затраты составляетъ объективную причину цѣнности продукта.

Можетъ быть, значеніе количественнаго фактора въ издержкахъ производства выступаетъ съ такой ясностью вслѣдствіе того, что мы обратили вниманіе на различіе цѣны продуктовъ одной и той же отрасли производства. Но если мы обратимся ко всему народному хозяйству, то мы увидимъ, что несмотря на все разнообразіе производительныхъ благъ, очень многія изъ нихъ входятъ почти во всѣ отрасли производства. Къ таковымъ принадлежитъ дерево, желѣзо, каменный уголь. Наконецъ, рабочая сила человѣка необходима для всякаго производства, и при ея помощи, въ концѣ концовъ, все добыто и произведено. Чѣмъ болѣе сходны между собою производительныя блага, употребляемыя въ различныхъ производствахъ, тѣмъ болѣе очевидно для насъ вліяніе на относительную цѣнность про-

дуктовъ этихъ производствъ количества затраченныхъ производительныхъ благъ. Это количество зависитъ отъ техническихъ условій производства, отъ прогресса естествознанія, вообще, по мѣткому выраженію Кэри,—отъ степени власти человѣка надъ природой.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ показаться, что высота издержекъ производства устанавливается цѣною продукта. Маклеодъ, съ которымъ сходится во многихъ отношеніяхъ Бемъ-Баверкъ, оспариваетъ теорію ренты Рикардо на томъ основаніи, что повышеніе цѣны хлѣба предшествуетъ увеличенію трудности его производства [24]). Слѣдовательно, заключалъ Маклеодъ, высокая цѣна хлѣба есть причина, а никакъ не слѣдствіе высоты издержекъ его производства. Но хотя повышеніе цѣнности хлѣба служитъ мотивомъ, побуждающимъ затрачивать увеличенное количество труда на добываніе хлѣба, тѣмъ не менѣе бо̀льшая трудовая стоимость хлѣба зависитъ отъ чисто естественныхъ условій производства, напримѣръ, отъ производства хлѣба на землѣ худшаго качества или отъ тому подобныхъ причинъ.

Мы сказали, что издержки производства слагаются изъ двухъ факторовъ: количественнаго и качественнаго (цѣнности производительныхъ благъ). Въ категорію производительныхъ благъ Менгеръ включаетъ какъ рабочую силу человѣка, такъ и сырой матеріалъ и орудія производства. Цѣнность орудій производства и сыраго матеріала зависитъ отъ тѣхъ же объективныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ цѣнность всѣхъ другихъ хозяйственныхъ благъ. Причины эти выяснятся ниже [25]). Что касается цѣнности человѣческой рабочей силы, то высота рабочей платы опредѣляется общими соціальными отношеніями класса рабочихъ къ классу капиталистовъ и предпринимателей. Поэтому измѣненіе цѣнности продукта можетъ въ однихъ случаяхъ вызывать соотвѣтственное измѣненіе рабочей платы, въ другихъ случаяхъ—не оказывать на нее никакого вліянія.

Мы видѣли, что Визеръ, въ концѣ концовъ, объясняетъ цѣнность хозяйственныхъ благъ издержками ихъ производства. Но сослаться на цѣнность затраты, какъ на причину цѣны продукта, это значитъ объяснять неизвѣстное неизвѣстнымъ. Отъ чего же зависитъ цѣнность самихъ производительныхъ благъ? Мы можемъ восходить дальше и дальше, объяснять цѣнность благъ втораго порядка цѣнностью благъ третьяго порядка, но къ концу никогда не придемъ. Менгеръ правъ въ своей критикѣ теоріи издержекъ производства; но способъ, посредствомъ котораго онъ избѣгаетъ затрудненія, встрѣчаемаго оспариваемой имъ теоріей, оказывается совершенно неудачнымъ. Если мы будемъ слѣдовать пути, указанному Менгеромъ, то мы должны будемъ

или остановиться на половинѣ дороги, какъ это сдѣлалъ онъ самъ, или же, противорѣча себѣ, снова вернуться къ теоріи издержекъ производства, какъ это сдѣлалъ Визеръ.

Какъ мы видѣли выше, Бемъ-Баверкъ признаетъ, что работа—усилія, затраченныя человѣкомъ для производства блага, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ устанавливать цѣнность послѣдняго. Это возможно, по словамъ Бемъ-Баверка, только въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ можетъ по произволу увеличивать свое рабочее время. Согласно Визеру [26]), въ хозяйствѣ некультурныхъ народовъ, рабочія силы которыхъ мало напряжены, цѣнность устанавливается трудомъ; но въ современномъ хозяйственномъ строѣ человѣческая работа не служитъ регуляторомъ цѣнности. Ошибка Рикардо, говоритъ Визеръ, заключалась въ томъ, что онъ считалъ приложимыми къ современному хозяйству тѣ выводы, которые были сдѣланы имъ по отношенію къ хозяйству первобытному. Лосось, которую ловитъ дикарь, оцѣнивается послѣднимъ соотвѣтственно количеству труда, затраченнаго на ловлю этой рыбы; въ этомъ Рикардо правъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы этотъ же принципъ оцѣнки примѣнялся и въ современномъ обществѣ. Въ послѣднемъ оцѣнка по труду можетъ имѣть только исключительный характеръ. Въ хозяйствѣ культурныхъ народовъ блага оцѣниваются обыкновенно по своей предѣльной полезности.

Итакъ, человѣческое общество имѣетъ два различныхъ мѣрила цѣнности:—трудъ, когда оно находится въ началѣ своего развитія, и предѣльную полезность, когда оно достигло высшихъ степеней культуры. Что нибудь изъ двухъ, или эти два мѣрила болѣе или менѣе совпадаютъ (какъ это и есть на самомъ дѣлѣ), или эти мѣрила различны. Если принять первое, то окажется, что мѣрило цѣнности на всѣхъ стадіяхъ развитія общества одно и то же, и намъ придется изслѣдовать, отчего зависитъ совпаденіе относительной трудовой стоимости продуктовъ съ ихъ относительной предѣльной полезностью. Визеръ этого не дѣлаетъ; по его мнѣнію, оцѣнка хозяйственныхъ благъ по труду не совпадаетъ съ оцѣнкой ихъ по предѣльной полезности. Между тѣмъ, насколько мы знаемъ, принципы оцѣнки, въ общемъ, одинаковы и въ современномъ культурномъ обществѣ и у некультурныхъ народовъ. Если и допустить противное, то можно считать наиболѣе вѣроятнымъ, что именно у некультурныхъ народовъ цѣнность наиболѣе подпадаетъ вліянію потребностей въ оцѣниваемыхъ благахъ, а слѣдовательно и предѣльной полезности послѣднихъ. Зиберъ въ своихъ «Очеркахъ первобытной экономической культуры» приводитъ многочисленныя свидѣтельства путешественниковъ, доказывающія, что

«первобытный человѣкъ разсматриваетъ пріобрѣтаемую вещь исключительно съ точки зрѣнія ея кажущейся или дѣйствительной полезности, новизны и тому подобныхъ качествъ, и что онъ готовъ отдать за нее результатъ гораздо бо̀льшаго собственнаго труда» [27]).

Разногласіе Визера съ Рикардо объясняется очень просто: Рикардо имѣлъ въ виду объективныя причины цѣнности, и въ этомъ смыслѣ онъ утверждалъ, что въ современномъ обществѣ цѣнность хозяйственныхъ благъ регулируется трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство. Между тѣмъ Визеръ подъ цѣнностью разумѣетъ то состояніе духа, которое мы испытываемъ, оцѣнивая благо. Дикарь потому цѣнитъ хозяйственное благо, что если онъ это благо потеряетъ, ему придется увеличить свою дѣятельность и трудъ, чтобы вознаградить потерю. Современный же человѣкъ при подобныхъ обстоятельствахъ по большей части долженъ примириться съ потерей и сократить въ большей или меньшей степени свое потребленіе. Дикарь не хочетъ затрачивать излишній трудъ, культурный человѣкъ не хочетъ лишиться источника удовольствія или пользы. Поэтому первый оцѣниваетъ хозяйственное благо по труду, а второй—по его предѣльной полезности. Вотъ смыслъ возраженій Визера противъ теоріи Рикардо. Послѣ сказаннаго нами раньше ясно, что и Визеръ и Рикардо одинаково правы:—Рикардо изслѣдуетъ объективныя причины цѣнности и совершенно вѣрно признаетъ трудъ, затраченный на производство продукта, главнѣйшей причиной цѣнности послѣдняго; изслѣдованіе Визера ограничивается субъективными причинами цѣнности и онъ съ полнымъ правомъ дѣлаетъ различіе въ оцѣнкѣ дикаря, который можетъ, въ случаѣ нужды, увеличивать свой трудъ, и въ оцѣнкѣ культурнаго человѣка, рабочія силы котораго напряжены до возможнаго предѣла.

Визеръ точно также, какъ и Бемъ-Баверкъ, считаетъ совершенно ошибочной трудовую теорію цѣнности, начала которой были положены въ наукѣ задолго до А. Смита, и которая получила полное развитіе въ трудахъ Рикардо и въ сочиненіяхъ представителей критическаго соціализма—Родбертуса и, въ особенности, К. Маркса. Визеръ говоритъ, что «трудно представить себѣ теорію, которая заключала бы больше противорѣчій, чѣмъ трудовая теорія цѣнности» [28]). Противорѣчія эти состоятъ въ слѣдующемъ. Трудовая теорія сначала утверждаетъ, что человѣческій трудъ обладаетъ производительной силой, что капиталъ есть безжизненное орудіе, не создающее цѣнности, и вслѣдъ за тѣмъ та же теорія разсматриваетъ капиталъ, какъ матеріализированную работу; оказывается, что капиталъ тоже работа,

но только работа, не создающая никакой новой цѣнности. Въ дѣйствительности же, продолжаетъ Визеръ, капиталъ уже потому не составляетъ матеріализированнаго человѣческаго труда, что для производства капитала требуется опять капиталъ. Въ современномъ хозяйственномъ строѣ во всѣхъ отрасляхъ производства необходимъ капиталъ; потому при вычисленіи издержекъ производства нельзя устранять элементъ капитала. Какимъ образомъ вычислить количество труда, затраченнаго для производства даннаго хозяйственнаго блага отъ самаго начала исторіи, когда человѣкъ обходился безъ капитала, до настоящаго времени?

Вслѣдствіе этихъ соображеній Визеръ отрицаетъ за трудовой теоріей цѣнности какое либо научное значеніе. Мы смотримъ на этотъ вопросъ иначе. Но прежде, чѣмъ перейти къ положительному изложенію теоріи, остановимся на критикѣ трудовой теоріи Визеромъ.

Итакъ, трудовая теорія неудовлетворительна потому, что она разсматриваетъ затрату капитала, какъ затрату человѣческаго труда. Мы совершенно согласны съ Визеромъ, что невозможно вычислить трудъ, затраченный на производство даннаго блага въ теченіе всего историческаго процесса. Но такихъ вычисленій дѣлать и не нужно. Трудовая теорія утверждаетъ зависимость цѣнности продукта отъ стоимости его производства при данныхъ техническихъ условіяхъ. Мы должны ограничиться вычисленіемъ трудовой стоимости блага при современныхъ условіяхъ производства. Визеръ говоритъ, что это невозможно по той причинѣ, что во всѣхъ отрасляхъ производства участвуетъ капиталъ. Послѣднее совершенно вѣрно, но мы не видимъ въ этомъ обстоятельствѣ никакого препятствія вычисленію. Для производства продукта требуется постоянный и перемѣнный капиталъ, слѣдуя терминологіи К. Маркса. Перемѣнному капиталу (рабочей платѣ) соотвѣтствуетъ извѣстное количество труда, доставляемаго рабочимъ капиталисту. Этотъ трудъ непосредственно извѣстенъ. Постоянный капиталъ произведенъ въ другой отрасли промышленности, и для производства его опять таки потребовалось извѣстное количество труда (который мы сложимъ съ предыдущимъ) и новый постоянный капиталъ. Переходя отъ одной отрасли промышленности къ другой, изготовляющей блага все болѣе и болѣе высшихъ порядковъ по отношенію къ нашему продукту, мы будемъ получать все меньшія и меньшія величины для выраженія участія капитала въ производствѣ продукта и все большія суммы труда, затраченнаго на производство. Наконецъ, мы дойдемъ до такихъ отраслей промышленности, которыя изготовляютъ свой собственный постоянный капиталъ. Тогда будетъ

нетрудно вычислить количество труда, требующагося для производства постояннаго капитала, и наше вычисленіе будетъ доведено до конца [29]). Мы получимъ точную сумму труда, необходимаго для производства продукта при данныхъ техническихъ условіяхъ, т. е. при участіи капитала во всѣхъ отрасляхъ производства.

Мы видимъ, что критика трудовой теоріи Визеромъ не можетъ считаться удачной. Перейдемъ теперь къ объясненію того, какимъ образомъ въ народномъ хозяйствѣ трудовая стоимость продукта вліяетъ на его цѣнность. При этомъ мы будемъ пользоваться методологическимъ пріемомъ Визера. Мы изслѣдуемъ объективныя причины естественной цѣнности, которыя могутъ оказывать свое полное дѣйствіе только въ идеальномъ государствѣ, гдѣ нѣтъ насилія и обмана, гдѣ всѣ производители находятся въ одинаково благопріятныхъ условіяхъ.

Теорія предѣльной полезности развила намъ съ достаточной ясностью причины, отъ которыхъ зависитъ большая или меньшая польза, извлеченная нами изъ опредѣленнаго блага. Полезность эта не связана съ существомъ блага, а зависитъ отъ величины запаса благъ этого рода. Чѣмъ запасъ больше, тѣмъ полезность предѣльной единицы блага меньше. Отъ нашей воли зависитъ увеличить эту полезность или свести ее къ минимуму; стоитъ только уменьшить количество благъ, и полезность предѣльной единицы возрастетъ,—увеличить ихъ запасъ, и полезность предѣльнаго блага уменьшится.

Въ своей хозяйственной дѣятельности мы стремимся къ достиженію наибольшей полезности; если бы мы не обращали вниманія на элементъ сопротивленія, то наши потребности были бы удовлетворяемы приблизительно одинаково. Между тѣмъ, какъ показываютъ факты дѣйствительной жизни, наши потребности удовлетворяются въ различной степени. Для объясненія послѣдняго мы должны обратиться къ другому элементу хозяйственной дѣятельности, именно, къ сопротивленію, преодолѣваемому при производствѣ.

Выше мы говорили, что количество производительныхъ благъ, затрачиваемыхъ при производствѣ, не зависитъ отъ воли человѣка. Производство направлено на преодолѣніе того сопротивленія, которое противопоставляется человѣку природой. Полезность, извлекаемая нами изъ блага, уменьшается съ увеличеніемъ количества подобныхъ благъ; но сопротивленіе, которое мы преодолѣваемъ при производствѣ продукта, не зависитъ отъ того, какъ много подобныхъ продуктовъ имѣется у насъ въ запасѣ. Слѣдовательно, мы не можемъ вліять на стоимость производства блага подобнымъ образомъ, какъ мы вліяемъ на его предѣльную полезность. Передъ нами два фактора—одинъ изъ

нихъ зависитъ отъ человѣческой воли, другой отъ нея не зависитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что факторъ, зависящій отъ насъ, подпадетъ вліянію не зависящаго отъ насъ фактора; другими словами, мы въ своей хозяйственной дѣятельности будемъ регулировать количество производимыхъ нами благъ, а слѣдовательно и предѣльную полезность ихъ, сообразуясь съ сопротивленіемъ, которое преодолѣвается при ихъ производствѣ. Причиной различія предѣльной полезности благъ будетъ трудность производства.

Представимъ себѣ, что въ предположенномъ нами выше идеальномъ соціалистическомъ государствѣ для удовлетворенія двухъ общественныхъ потребностей одинаковой силы, скала насыщенія которыхъ одна и та же, требуется производить хозяйственныя блага, трудовая стоимость которыхъ различна. Чтобы произвести предметъ А, мы должны потратить день труда, для производства предмета В мы работаемъ 2 дня. Какъ слѣдуетъ распредѣлить работу, чтобы соблюсти хозяйственный принципъ — достигнуть съ наименьшей затратой наибольшей пользы?

Предположимъ, что высшая степень интенсивности, которой можетъ достигнуть общественная потребность въ А и В, выражается цифрой 10, и что первая единица А и В удовлетворяетъ высшей степени этой потребности, вторая единица удовлетворяетъ потребности, выражаемой цифрой 9 и т. д., согласно схемѣ Менгера, приведенной нами на стр. 9. Пусть мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи 4 рабочихъ дня. Если мы равное время потратимъ на производство А и В, то мы произведемъ двѣ единицы А и одну единицу В; удовлетвореніе, которое мы получимъ отъ произведенныхъ нами продуктовъ, выразится слѣдующими цифрами: 10 А (первая единица, удовлетворяющая потребности въ А), 9 А (вторая единица) и 10 В (первая единица, удовлетворяющая потребности въ В). Сумма, выражающая все удовлетвореніе, получаемое нами отъ потребленія этихъ продуктовъ=29 Намъ было бы гораздо выгоднѣе производить одни предметы А. Въ 4 дня мы произведемъ 4 единицы А. Въ такомъ случаѣ, степень удовлетворенія, которое мы получимъ, выразится цифрами: 10 А + 9 А + 8 А + 7 А; сумма ихъ 34 болѣе суммы 29, полученной въ предыдущемъ случаѣ. Итакъ, если мы можемъ работать только 4 дня для удовлетворенія потребности въ А и В, то мы совсѣмъ не станемъ производить болѣе дорогаго предмета В, а ограничимся производствомъ А. Этого требуетъ хозяйственный принципъ.

Но предположимъ, что мы можемъ употребить для производства предметовъ А и В 8 дней. Если мы, по прежнему, все время будемъ

тратить на производство А, то мы произведемъ 8 единицъ А, и степень удовлетворенія нашихъ потребностей, которую доставитъ намъ выработанный продуктъ, выразится суммой — 10 А + 9 А + 8 А.... + 4 А + 3 А = 52. Намъ было бы выгоднѣе не производить двухъ послѣднихъ продуктовъ—4 А и 3 А, а вмѣсто нихъ произвести единицу В, которая удовлетворяетъ нашу потребность въ В въ степени, выражаемой цифрой 10; при такомъ распредѣленіи работы, мы произведемъ 6 единицъ А и 1 единицу В. Сумма удовлетворенія, полученнаго нами, будетъ = 55 (10 А + 9 А....+ 6 А + 5 А + 10 В) и превышаетъ удовлетвореніе, полученное нами при производствѣ однихъ предметовъ А. Мы будемъ $^3/_4$ своего времени употреблять на производство предметовъ А и $^1/_4$ на производство предметовъ В. Можетъ быть, намъ выгодно еще болѣе сократить производство А и увеличить производство В? Посмотримъ: если мы пожелаемъ произвести еще единицу В, то мы должны затратить для этого два дня, которые мы отнимемъ у производства А. Полезность второй единицы В = 9; а полезность тѣхъ двухъ единицъ А, которыя мы перестали производить, выражается цифрами 5 + 6. Такимъ образомъ, измѣнивъ распредѣленіе своей работы, мы пріобрѣтаемъ полезность въ 9 и теряемъ полезность въ 11. Прежде, сумма нашего удовольствія отъ потребленія равнялась 55, теперь она равняется 53 (10 А.... + 7 А + 10 В + 9). Очевидно, наша выгода не позволяетъ другаго распредѣленія работы, кромѣ указаннаго выше—мы должны производить 6 единицъ А и 1 единицу В.

Если бы мы могли большее число дней затратить на производство А и В, то самое выгодное распредѣленіе работы было бы другое, но во всякомъ случаѣ, производилось бы дорого стоющаго продукта меньше, а дешево стоющаго—больше.

Какова же будетъ предѣльная полезность предметовъ А и В въ томъ случаѣ, когда мы затрачиваемъ 8 дней на ихъ производство? Предѣльная полезность А=5, а предѣльная полезность В=10. Съ другой стороны, А требуетъ для своего производства 1 рабочаго дня, а В—двухъ рабочихъ дней. Мы видимъ, что отношеніе предѣльныхъ полезностей и отношеніе величины затраты совпадаютъ между собой [30]); въ этомъ и лежитъ объясненіе указаннаго нами выше факта общаго согласованія цѣнности хозяйственныхъ благъ съ ихъ предѣльной полезностью. Предѣльная полезность есть факторъ производный, преодолѣваемое сопротивленіе—есть факторъ основной. Хозяйственный принципъ требуетъ, чтобы мы устанавливали предѣльную полезность предметовъ по трудности ихъ производства; различія

сопротивленія, которое мы преодолѣваемъ при ихъ производствѣ, составляютъ объективную причину цѣнности благъ.

Мы приняли въ разобранномъ нами примѣрѣ, что потребности наши одинаковой силы. Въ дѣйствительности же наши потребности различны по своей силѣ и интенсивности. Потребность въ пищѣ и питьѣ, напримѣръ, можетъ быть поставлена на первомъ планѣ, потребность въ жилищѣ и одеждѣ уже менѣе значительна и т. д. Слѣдствіемъ этого будетъ то, что сначала мы будемъ удовлетворять свои болѣе важныя потребности, и только послѣ того, какъ эти потребности будутъ удовлетворены до извѣстной степени, явится возможность приступить къ удовлетворенію менѣе важныхъ потребностей. Это обстоятельство нисколько не препятствуетъ согласованію предѣльной полезности хозяйственныхъ благъ со стоимостью ихъ производства. Если родовая потребность A по своей интенсивности=10, родовая потребность B=5, а трудовая стоимость удовлетворенія первой потребности втрое больше, чѣмъ стоимость удовлетворенія второй, и если мы располагаемъ 6 днями труда, то, предполагая скалы насыщенія обѣихъ потребностей равными, наиболѣе выгодно для насъ будетъ произвести 3 единицы B и единицу A. Предѣльная полезность блага, удовлетворяющаго потребности A, будетъ 10, предѣльная полезность B—3. Отношеніе предѣльныхъ полезностей не вполнѣ совпадаетъ съ отношеніемъ трудовой стоимости хозяйственныхъ благъ по причинѣ, указанной нами выше въ примѣчаніи. Во всякомъ случаѣ, степень удовлетворенія потребностей регулируется сопротивленіемъ, преодолѣваемымъ нами при производствѣ

Все сказанное нами относится, какъ мы замѣтили выше, къ естественной цѣнности хозяйственныхъ благъ. Мы говорили только о цѣнности тѣхъ благъ, количество которыхъ мы можемъ увеличивать въ желаемыхъ размѣрахъ, причемъ издержки производства единицы блага не возрастаютъ. Трудъ, затраченный на производство такихъ продуктовъ, количество которыхъ ограничено самой природой—каковы: рѣдкія вина, статуи и т. д., не оказываетъ вліянія на ихъ цѣнность. Цѣнность благъ послѣдняго рода всецѣло зависитъ отъ ихъ предѣльной полезности. Но не слѣдуетъ думать, что даже въ идеальномъ государствѣ распредѣленіе народнаго труда будетъ математически строго соотвѣтствовать хозяйственному принципу. Соотвѣтствіе цѣнности съ трудовой затратой—есть тотъ предѣлъ, къ которому должно стремиться народное хозяйство, но котораго оно никогда не можетъ достигнуть.

Если мы обратимся къ изслѣдованію объективныхъ причинъ цѣн-

ности въ современномъ хозяйственномъ строѣ, то мы должны будемъ признать, что хотя цѣнность продуктовъ и имѣетъ общую тенденцію соотвѣтствовать ихъ трудовой стоимости, это соотвѣтствіе осуществляется далеко не полно. Не говоря о разныхъ случайныхъ причинахъ, колеблющихъ цѣну товаровъ, въ современномъ обществѣ цѣнность подпадаетъ вліянію не только естественныхъ, но и соціальныхъ препятствій производству. Власть человѣка надъ человѣкомъ оказываетъ такое же вліяніе на образованіе цѣнности, какъ и власть надъ человѣкомъ природы. Значеніе соціальныхъ препятствій, какъ одного изъ факторовъ цѣнности, было разъяснено Дюрингомъ [31]). Мы не будемъ останавливаться надъ этимъ вопросомъ и отсылаемъ интересующихся читателей къ указанному сочиненію Дюринга. Мы уже говорили нѣсколько разъ, что, по мнѣнію послѣдователей Менгера, теорія предѣльной полезности должна замѣнить въ ученіи о цѣнности трудовую теорію. Но мы постарались показать, что теорія предѣльной полезности не только не составляетъ опроверженія взглядовъ Рикардо или Карла Маркса, но что, наоборотъ, эта теорія, правильно понятая, составляетъ неожиданное подтвержденіе ученія о цѣнности названныхъ экономистовъ. Менгеръ и его школа изслѣдовали субъективныя причины цѣнности, Рикардо и его послѣдователи—объективныя. До работы Менгера можно было думать, что оцѣнка блага по его хозяйственной полезности не соотвѣтствуетъ оцѣнкѣ того же блага по трудовой стоимости послѣдняго. Теорія предѣльной полезности доказываетъ, что оба принципа оцѣнки находятся между собой въ согласіи, которое тѣмъ болѣе, чѣмъ въ большей мѣрѣ распредѣленіе народнаго труда подчиняется хозяйственному принципу.

---

1) Wieser. Der natürliche Werth, стр. IX.
2) Grundzüge der Theorie d. w. Gw. стр. 4.
3) Ibidem.
4) Böhm-Bawerk, Grundzüge der Theorie d. w. Gw., стр. 14.
5) K. Menger. Grundsätze der Volkswirthschaftslehre, стр. 93.
6) Wieser, Der natürliche Werth, стр. 6.
7) Ibidem, стр. 10.
8) Böhm-Bawerk, Grundzüge der Theorie d. w. Gw., стр. 28
9) Ueber den Ursprung des wirthschaftlichen Werthes, стр. 128.
10) Böhm-Bawerk. Gr. der Theorie d. w. Gw., стр. 40

11) Böhm-Bawerk. Grundzüge d. Th. d. w. Gw., стр. 40.

12) Böhm-Bawerk. G. d. T. d. w. Gw., стр. 495.

13) Böhm-Bawerk. Grundrüge der Theorie d. w. Gw., стр. 521.

14) Ibidem, стр. 522.

15) Стр. 540 G. d. w. Gw.

16) Бруно-Гильдебрандъ. Политич. экономія настоящаго и будущаго, перев. Щепкина, стр. 266 и послѣдующія.

17) Hermann. Staatswirthschaftliche Untersuchungen, стр. 67—96.

18) E. Sax. Die neuesten Fortschritte in der nationalökonomischen Theorie, стр. 29.

19) Lange. Die Arbeiterfrage изд. 4. Стр. 115 и слѣдующія.

20) Зиберъ. Давидъ Рикардо и К. Марксъ. Изд. 2, стр. 26.

21) Wieser. Der natürliche Werth, стр. 169.

22) Böhm-Bawerk. Positive Theorie des Kapitals, стр. 234 и слѣд.

23) Бемъ-Баверкъ даетъ намъ теорію не только субъективной, во и объективной цѣнности. Но въ обоихъ случаяхъ онъ останавливается преимущественно надъ субъективными причинами цѣнности и ограничиваетъ свое изслѣдованіе предѣлами рынка. Между тѣмъ, объективные факторы цѣнности дѣйствуютъ за предѣлами рынка. Замѣтимъ кстати, что все, что мы говоримъ о цѣнности, относится одинаково какъ къ субъективной, такъ и къ объективной цѣнности.

24) Macleod. Principles of Economical Philosophy. Ch. X, On Rent.

25) Бемъ - Баверкъ приводитъ примѣръ зависимости цѣнности виноградника отъ цѣны добываемаго вина. Дѣйствительно, цѣнность всѣхъ тѣхъ производительныхъ благъ, которыя не произведены человѣческимъ трудомъ, имѣютъ производный характеръ. Но рента, платимая собственнику такого блага (напримѣръ, земельная рента), собственно говоря, не входитъ въ издержки производства.

26) Wieser. Der Ursprung des Werthes, der natürliche Werth, стр. 189—191.

27) Зиберъ. Очерки первобытной культуры, стр. 371.

28) Wieser. Der natürliche Werth, стр. 195.

29) Если для производства постояннаго капитала a требуется истрата $\frac{a}{2}$ постояннаго капитала и b—число рабочихъ дней, то постоянный капиталъ $\frac{a}{2}$ произведенъ при помощи $\frac{a}{4}$ пост. капитала и $\frac{b}{2}$ дней; постоянный капиталъ $\frac{a}{4}$ потребовалъ истраты $\frac{a}{8}$ пост. капитала и $\frac{b}{4}$ раб. дней. Получается безконечная геометрическая прогрессія: постоянный капиталъ $\frac{a}{2}=\frac{b}{2}+\frac{b}{4}+\frac{b}{8}\ldots$ рабочихъ дней. Сумма членовъ прогрессіи по формулѣ будетъ равняться b. Слѣдовательно для производства a—постояннаго капитала—требуется 2b рабочихъ дней.

30) Если бы мы предположили, что можемъ затрачивать на производство A. и B. не 8, а какое либо другое число дней, то мы могли бы не получить такого простаго соотвѣтствія относительной предѣльной полезности и трудовой стоимости продуктовъ. Соотвѣтствіе было бы во всякомъ случаѣ, но намъ

пришлось бы прибѣгнуть къ дробямъ, дѣлить продукты А и В на части; чѣмъ съ большей точностью будемъ мы слѣдовать хозяйственному принципу, тѣмъ больше относительная предѣльная полезность будетъ соотвѣтствовать величинѣ затраты. Препятствіемъ этому можетъ служить невозможность дѣлить продуктъ, необходимость производить его цѣликомъ, хотя было бы выгоднѣе произвести только часть даннаго продукта, а освободившееся время употребить на производство другихъ продуктовъ.

31) Dühring. Cursus der National - und Socialökonomie. Изданіе 2, стр. 23 и слѣдующія.

М. Туганъ-Барановскій

ДАВНОСТЬ ПО МЕЖЕВЫМЪ ЗАКОНАМЪ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ОБЩЕЮ ДАВНОСТЬЮ.

(Противорѣчія нормъ, судебной практики и литературы).

Однимъ изъ примѣровъ несистематичности нашего свода о гражданскихъ правахъ представляютъ нормы о пріобрѣтательной давности: законоположенія объ этой давности помѣщены и въ 1 части X тома, въ гражданскихъ законахъ, и въ 3-й части того же тома, въ межевыхъ законахъ.

По включенному въ гражданскіе законы правилу, спокойное, безспорное и непрерывное владѣніе въ видѣ собственности превращается въ право собственности, когда оно продолжится въ теченіе установленной закономъ давности, т. е. въ теченіе десяти лѣтъ (533 и 565 ст.). Правило этой статьи, судя по приведеннымъ подъ ней цитатамъ, построено преимущественно на 2 пун. манифеста о генеральномъ межеваніи отъ 19 сентября 1765 г. [1]), на 3 пун. отд. I главы IV инструкціи межевымъ губернскимъ канцеляріямъ [2]), въ которыхъ упоминается о безспорномъ, давнемъ владѣніи *(давніе предки, безспорное издавна владѣніе)*; на манифестъ отъ 28 іюня 1787 года, по случаю двадцатипятилѣтія царствованія, 4 и 8 пунктами котораго устанавливается въ видѣ милости десятилѣтняя погасительная давность, какъ между частными лицами по дѣламъ о движимомъ и недвижимомъ имѣніи, такъ и по дѣламъ казеннымъ и уголовнымъ; на указѣ отъ 22 сентября 1808 года о невозстановленіи тяжбъ, за пропущеніемъ десятилѣтняго срока, и на указѣ отъ 21 февраля 1833 г., въ которомъ упоминается о десятилѣтнемъ владѣніи, *въ видѣ собственности* [3]). Изъ манифеста отъ 28 іюня 1787 г. и указа отъ 22 сентября 1808 г. извлечено, главнымъ образомъ, правило 694 ст. X т.

I ч. и 1 п. приложенія къ примѣч. къ указанной статьѣ по изданію 1887 г., о погасительной давности. Относительная краткость правила о пріобрѣтательной давности не мѣшаетъ богатству непосредственныхъ изъ него выводовъ: для примѣненія пріобрѣтательной давности требуется только фактъ владѣнія, безотносительно къ способу пріобрѣтенія самаго владѣнія; не требуется законнаго основанія и добросовѣстности владѣнія; существенно только то, чтобы владѣніе происходило въ видѣ собственности [4]). Дополненіемъ и разъясненіемъ этого правила пріобрѣтательной давности появляется въ указѣ отъ 23 апрѣля 1845 г., введенномъ въ сводъ изд. 1857 г. 560 статьею, правило, по силѣ котораго пріобрѣтательная давность не примѣняется къ казеннымъ землямъ, даннымъ въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ или для извѣстнаго употребленія по отношенію къ тѣмъ, которымъ эти земли даны, какъ бы долго то пользованіе ни продолжалось, такъ какъ для силы давности нужно владѣть на правѣ собственности, а не на иномъ основаніи. Правило этой послѣдней статьи исключительно имѣло цѣлью обереженіе казенныхъ земель отъ захватовъ тѣми, которымъ онѣ сдаются только въ пользованіе. Изложенныя постановленія гражданскихъ законовъ и приведенные изъ нихъ выводы представляются цѣльными и послѣдовательными. Изъятіе изъ правилъ о пріобрѣтательной и погасительной давности появляется впервые въ указѣ отъ 23 апрѣля 1845 г., въ видѣ постановленія, касающагося результатовъ генеральнаго межеванія и введеннаго въ сводъ изданія 1857 года 563 статьею X тома I части. Правило этой статьи возвѣщаетъ, что межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью, не могутъ быть разрушены и права, соединенныя съ постановленіемъ этихъ межъ и опредѣляющія пространство владѣнія, остающіяся навсегда безспорными. Изъ цитированнаго подъ этою статьею подлиннаго источника (1845 г. апр. 23 [18,952]) непреложно слѣдуетъ, что статья эта была мотивирована съ цѣлью изъять отъ дѣйствія давности не цѣльныя дачи въ ихъ генеральной межѣ, а части этихъ дачъ. Это постановленіе, столь рѣзко противорѣчащее не только пріобрѣтательной давности, но и погашающей, породило въ судебной практикѣ сомнѣнія и недоумѣнія, и сначала сенатъ отсуждалъ земли давностнаго владѣнія въ чертѣ генеральнаго межеванія, но затѣмъ появляются изрѣдка рѣшенія сената, — указанныя между прочимъ въ изслѣдованіи И. Энгельмана («О давности по русскому гражданскому праву», изданіе «Судебнаго Вѣстника»), — толкующія правило вышеприведенной статьи въ смыслѣ примѣненія его лишь къ межевымъ спорамъ и непримѣненія его къ спорамъ вотчин-

нымъ, о правѣ собственности. Тѣмъ не менѣе порожденныя 563 ст. сомнѣнія и недоумѣнія продолжались и вызвали 3 апрѣля 1867 г. по дѣлу Бекъ аутентическое толкованіе этой статьи, введенное въ сводъ въ видѣ примѣчанія къ ней. По этому толкованію, 563 статья воспрещаетъ собственно нарушеніе давностью владѣнія межъ генеральнаго межеванія и не относится до законнаго перехода частей владѣній отъ одного собственника къ другому, безъ нарушенія этихъ межъ. Между тѣмъ, почти за четырнадцать лѣтъ до этого аутентическаго толкованія, именно въ 1853 г., были изданы правила спеціальнаго межеванія, допускающія примѣненіе давности владѣнія въ чертѣ генеральнаго межеванія или безусловно или условно, съ изданіемъ каковаго закона всякія сомнѣнія и недоумѣнія на этотъ счетъ должны были бы исчезнуть. Однако и послѣ приведеннаго аутентическаго толкованія послѣдовало 5 марта 1874 года Высочайшее повелѣніе по дѣлу Кохановой съ удѣльнымъ вѣдомствомъ, въ которомъ придано буквальное толкованіе 563 статьѣ. Послѣ сего Высочайшаго повелѣнія кассаціонный департаментъ сената призналъ (рѣшеніе за 1877 г., № 267), что значеніе 563 ст. не имѣетъ примѣненія къ тѣмъ случаямъ, когда дѣло идетъ о землѣ, не прилегающей непосредственно къ генеральной межѣ. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ рѣшеніяхъ (за 1878 г., №№ 99 и 260) кассаціонный департаментъ сената пошелъ еще далѣе, разъяснивъ, что упомянутое Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее по частному дѣлу, безъ указанія въ немъ, что оно распространяется на другія подобныя дѣла въ будущемъ, — должно быть разсматриваемо какъ сепаратный указъ, не имѣющій силы закона.

Такимъ образомъ учрежденіе нашей земской давности по гражданскимъ законамъ обставлено такъ, что на общемъ его фонѣ постановленіе 563 ст. не представляется помазкомъ иной краски, нарушающимъ общее впечатлѣніе фона; это постановленіе въ настоящее время не можетъ быть принято за противорѣчіе и отмѣну въ нѣкоторыхъ случаяхъ погасительной и пріобрѣтательной давности.

Цѣльность и послѣдовательность гражданскихъ законовъ о земской давности нарушаются изъятіями, оказывающимся въ межевыхъ законахъ, въ раздѣлѣ о судебномъ разбирательствѣ споровъ, возникающихъ при спеціальномъ размежеваніи, въ которыхъ постановленія о пріобрѣтательной давности отличаются пестротою. По межевымъ законамъ, давность владѣнія служитъ доказательствомъ права собственности, но служитъ этимъ доказательствомъ не безусловная, общая давность, а — давность, опредѣляемая правилами судебно - межеваго разбирательства (1150 ст. X т. 3 ч.). Согласно этимъ правиламъ,

пріобрѣтательная давность *безусловно не примѣняется* въ одномъ случаѣ, *условно примѣняется* въ другомъ и *безусловно примѣняется* въ третьемъ случаѣ. *Безусловно не примѣняется* давность владѣнія въ томъ случаѣ, если давностный владѣлецъ (или его правопередатчикъ) не поименованъ на планѣ генеральнаго межеванія населенной, или хотя и ненаселенной, но замежеванной въ одну черту съ населенной, земли, бывшей вмѣстѣ съ тѣмъ и во время генеральнаго межеванія въ черезполосномъ владѣніи (1157 ст.). При этомъ землею давностнаго владѣльца, если она окажется излишнею («примѣрною»), надѣляются, по общему правилу, прочіе признанные совладѣльцы межуемой дачи по разверсткѣ (1154, 1155 и 1157 ст.).—*Безусловно примѣняется* давность владѣнія къ тѣмъ дачамъ, которыя были замежеваны при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе, но въ которыхъ уже послѣ генеральнаго межеванія образовалось общее и даже черезполосное владѣніе (1158 ст.); *условно примѣняется* давность въ нѣсколькихъ случаяхъ: а) въ населенной и замежеванной при генеральномъ межеваніи въ общее черезполосное владѣніе нѣсколькихъ владѣльцевъ дачѣ (1157 ст.); б) въ ненаселенной землѣ, которая, однако, по плану генеральнаго межеванія замежевана въ одну окружную межу съ населенною дачею (1 примѣч. къ 1157 ст.), и в) въ ненаселенныхъ пустошахъ и другихъ земляхъ, которыя вымежеваны при генеральномъ межеваніи не къ селеніямъ и дачамъ общаго у помѣщиковъ съ казенными и удѣльными поселянами владѣнія, а отъ нихъ особо, но однако же въ общее и черезполосное владѣніе нѣсколькихъ помѣщиковъ или удѣльныхъ и казенныхъ крестьянъ (1161 ст.). Примѣненіе пріобрѣтательной давности въ первыхъ двухъ случаяхъ совершенно одинаково. Для примѣненія давности владѣнія въ обоихъ случаяхъ необходимо, чтобы владѣлецъ земли былъ поименованъ на планѣ генеральнаго межеванія [5]), и при такомъ условіи давностный владѣлецъ получаетъ при спеціальномъ межеваніи полное количество земли по наличному владѣнію только тогда, когда будутъ удовлетворены вполнѣ другіе соучастники въ таковой дачѣ (владѣльцы по актамъ укрѣпленія съ опредѣленною мѣрою земли, или съ неопредѣленною мѣрою, или безъ мѣры, но по живымъ урочищамъ, или, наконецъ, владѣльцы хотя и безъ актовъ укрѣпленія, но съ числившимися за ними при генеральномъ межеваніи крестьянами, которые надѣляются по восьми десятинъ на душу [1155 и 1167 ст.]). Если же земли, за удовлетвореніемъ другихъ перечисленныхъ соучастниковъ, останется менѣе, чѣмъ было въ наличномъ владѣніи у давностнаго владѣльца, — онъ получаетъ этотъ

остатокъ, и, слѣдовательно, совсѣмъ не получитъ земли, если упомянутаго остатка не окажется. Такимъ образомъ, являются два исхода примѣненій пріобрѣтательной давности въ разсмотрѣнныхъ родахъ земли (населенной и ненаселенной): или давностный владѣлецъ получаетъ въ отдѣльный участокъ то полное количество земли, которымъ онъ владѣлъ и до спеціальнаго размежеванія, или онъ получаетъ участокъ съ меньшимъ количествомъ земли.—Мы опять повторяемъ, что пріобрѣтательная давность примѣняется къ ненаселенной землѣ, но замежеванной при генеральномъ межеваніи къ населенной дачѣ, согласно 1 прим. къ 1157 ст., лишь тогда, когда владѣлецъ земли (или его правопередатчикъ) поименованъ на планѣ генеральнаго межеванія. Это послѣднее условіе не требуется для примѣненія пріобрѣтательной давности въ третьемъ случаѣ, въ случаѣ примѣненія ея къ ненаселеннымъ пустошамъ и другимъ землямъ, которыя вымежеваны при генеральномъ размежеваніи не къ селеніямъ и дачамъ общаго у помѣщиковъ съ казенными и удѣльными поселянами владѣнія, а отъ нихъ особо, но однако же въ общее и черезполосное владѣніе нѣсколькихъ помѣщиковъ или удѣльныхъ и казенныхъ крестьянъ, и также, какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ, давностный владѣлецъ при судебно-спеціальномъ межеваніи получитъ отдѣльный участокъ земли или съ полнымъ ея количествомъ по наличному владѣнію, или съ меньшимъ ея количествомъ, или вовсе лишится владѣнія. Первый результатъ имѣетъ мѣсто тогда, когда земли, за надѣломъ владѣльцевъ, представившихъ акты укрѣпленія, съ обозначеніемъ въ нихъ мѣры земли, окажется достаточно для надѣленія по наличному владѣнію какъ владѣльцевъ по актамъ укрѣпленія, въ которыхъ не обозначена мѣра земли, такъ и давностныхъ владѣльцевъ. Второй результатъ получается тогда, когда окажется недостаточно земли для надѣленія полнымъ ея количествомъ по наличному владѣнію какъ владѣльцевъ по актамъ укрѣпленія, безъ обозначенія въ послѣднихъ мѣры земли, такъ и давностныхъ владѣльцевъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ давностный владѣлецъ получаетъ, по разверсткѣ земли съ владѣльцами «по крѣпостямъ безъ мѣры», остатокъ отъ надѣленія полнымъ количествомъ земли владѣльцевъ «по крѣпостямъ съ опредѣленною мѣрою». Если таковой земли вовсе не останется,—давностный владѣлецъ лишается владѣнія также, какъ и владѣлецъ по «крѣпостямъ безъ мѣры».

Итакъ, оказывается, что въ замежеванной при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе дачѣ, въ которой черезполосное владѣніе образовалось послѣ генеральнаго межеванія, давностный вла-

дѣлецъ сравнивается по силѣ своего права съ владѣльцемъ по акту укрѣпленія, нисколько не уступая послѣднему въ правѣ; въ населенныхъ же дачахъ и ненаселенныхъ земляхъ, замежеванныхъ въ одну окружную межу съ населенною дачею въ черезполосное владѣніе многихъ владѣльцевъ,—давностный владѣлецъ оказывается слабѣе въ своемъ правѣ тѣхъ владѣльцевъ, въ актахъ укрѣпленія которыхъ не обозначена мѣра земли, отступая передъ послѣдними, при недостаткѣ земли для надѣленія всѣхъ совладѣльцевъ въ межуемой дачѣ по актамъ укрѣпленія и наличному владѣнію, и давностное владѣніе оказывается слабѣе даже тѣхъ владѣній, которыя не оправдываются никакими крѣпостями, но за владѣльцами которыхъ (или ихъ правопередатчиковъ) числились крестьяне во время генеральнаго межеванія; въ однѣхъ лишь пустошахъ, да еще въ вымежеванныхъ особо отъ селеній земляхъ давностное владѣніе сравнивается съ владѣніемъ по «крѣпостямъ безъ мѣры».

Общій вопросъ о значеніи пріобрѣтательной давности, по отношенію земель до ихъ спеціальнаго размежеванія, обсуждался кассаціон. департ. сената, сколько намъ извѣстно, въ его четырехъ рѣшеніяхъ: за 1877 г. въ № 357, за 1879 г. въ № 132, за 1880 г. въ № 19 и за 1888 г. въ № 67.

Первыми двумя изъ этихъ рѣшеній сенатъ призналъ, что хотя дачи генерально обмежеванныя не изъяты отъ дѣйствія давности, но если владѣніе въ нихъ происходило до спеціальнаго размежеванія, то это владѣніе, по утвержденіи и выдачѣ владѣльцамъ межевыхъ плановъ, не можетъ доставить права собственности.—Вышеизложенное изслѣдованіе подлинныхъ нормъ по спорамъ при спеціальномъ размежеваніи убѣждаетъ въ томъ, что высказанное сенатомъ начало не имѣетъ безусловнаго значенія: это начало безусловно примѣнимо лишь къ населеннымъ черезполоснаго владѣнія дачамъ, давностные владѣльцы въ которыхъ не поименованы на планѣ генеральнаго межеванія.

Третьимъ изъ указанныхъ рѣшеній сенатъ призналъ, что общее владѣніе землею не исключаетъ примѣненія давности, какъ это положительно явствуетъ изъ 1150, 1152, 1157 прим. 1 и 1158 ст. X т. 3 ч., въ силу которыхъ, при спеціальномъ межеваніи въ дачахъ общаго или черезполоснаго владѣнія, разверстаніе ихъ происходитъ по крѣпостямъ и давности владѣнія; а въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ извѣстною дачею, соединенномъ съ періодическимъ передѣломъ земли между соучастниками, дѣйствіе давности проявляется въ томъ, что ею утверждается право на владѣніе соразмѣрно осуществлявшемуся участію въ ономъ, причемъ границы владѣнія каж-

даго соучастника опредѣляются путемъ спеціальнаго размежеванія дачи между соучастниками. — Выставленное въ этомъ рѣшеніи общее начало примѣненія пріобрѣтательной давности къ черезполоснымъ дачамъ при спеціальномъ межеваніи оказывается на дѣлѣ, какъ мы это видѣли, не столь общимъ: въ нѣкоторыхъ дачахъ пріобрѣтательная давность совсѣмъ не примѣняется, а въ другихъ она примѣняется условно.

Наконецъ, послѣднимъ рѣшеніемъ, рѣшеніемъ за 1888 г. № 67, сенатъ призналъ, что владѣльцы ненаселенныхъ земель имѣютъ право на наличное владѣніе (въ продолженіе десяти лѣтъ длившееся) въ полномъ количествѣ, если для этого въ межуемой дачѣ, за надѣломъ владѣльцевъ по крѣпостямъ, есть достаточно земли. При этомъ сенатъ вводно замѣчаетъ, что онъ въ разсматриваемомъ имъ дѣлѣ не касается вопроса о томъ: имѣютъ ли, за уничтоженіемъ крѣпостнаго права, какое-либо преимущество владѣльцы бывшихъ населенныхъ земель передъ владѣльцами ненаселенныхъ.—Приведенное въ послѣднемъ рѣшеніи кассаціоннаго департамента сената замѣчаніе относительно преимущества владѣльцевъ бывшихъ населенныхъ земель передъ владѣльцами ненаселенныхъ очень знаменательно по предмету нашего изслѣдованія. Согласно примѣчанію къ 385 ст. X т. I ч. изд. 1887 г., земли и угодья, принадлежащія къ имѣніямъ, въ которыхъ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ уже окончательно прекращены (а эти отношенія всюду прекращены, согласно примѣненію къ 1 ст. положенія о выкупѣ, по прод. 1886 г.), такія земли, оставаясь въ полномъ распоряженіи владѣльцевъ, безъ всякаго отношенія къ крестьянамъ, теряютъ характеръ населенныхъ. Слѣдовательно, по мнѣнію кассаціоннаго департамента сената, хотя и не выраженному вполнѣ опредѣленно, бывшія населенными и ненаселенныя земли сравнялись по отношенію примѣненія къ нимъ пріобрѣтательной давности при спеціальномъ межеваніи. Нельзя не сочувствовать этому воззрѣнію сената, какъ стремленію возвысить до уровня времени и дѣйствительныхъ юридическихъ отношеній нѣкоторыя нормы, въ виду того, что эти отношенія измѣнились со времени изданія законоположенія о судебномъ разбирательствѣ споровъ, возникающихъ при спеціальномъ межеваніи. Съ другой же стороны, рѣшенія сената не имѣютъ силы закона, не могутъ измѣнить или отмѣнить ни одно изъ постановленій закона, и, публикуясь для руководства, рѣшенія сената имѣютъ юридическую силу лишь по отношенію къ тѣмъ дѣламъ, по которымъ состоялись (813, 815 ст. устава гражданскаго судопроизводства, 930 и 933 ст.

устава уголовнаго судопроизводства). Хотя межевые законы о судебномъ разбирательствѣ при специальномъ межеваніи и измѣнены (по продол. 1886 г.) указаніемъ на то, что крѣпостное право уничтожено; но это измѣненіе не обусловливаетъ того, чтобы земли, которыя по плану генеральнаго межеванія обозначены населенными, принимались за пустоши въ настоящее время, при судебно-межевомъ разбирательствѣ, съ примѣненіемъ къ этимъ землямъ не правила 1157 статьи, а правила 1161 статьи;—ни того, чтобы владѣльцамъ, представившимъ на состоящую въ ихъ владѣніи землю «безмѣрныя крѣпости» не отводилась земля по числу числившихся за ними крестьянскихъ душъ, конечно за вычетомъ изъ этой земли того количества, которое поступило въ надѣлъ крестьянамъ. Измѣненіе постановленій судебно-межеваго разбирательства по продолж. 1886 г. имѣетъ значеніе только въ этомъ послѣднемъ отношеніи, въ отношеніи вычета изъ отводимой въ межуемой дачѣ земли надѣла крестьянамъ.

Сколько намъ извѣстно, вопросъ о давности по межевымъ законамъ затронутъ въ литературѣ И. Энгельманомъ, въ его уже упомянутомъ нами обширномъ монографическомъ изслѣдованіи о давности, и К. П. Побѣдоносцевымъ, въ его извѣстномъ «Курсѣ гражданскаго права».

И. Энгельманъ, выписавъ постановленія 1150, 1152, 1167 и 1158 ст. X т. 3 ч. и не упомянувъ о постановленіи 1161 ст., разобралъ и сопоставилъ правила этихъ статей, послѣ чего заключаетъ, что недостатокъ въ нашемъ законодательствѣ usucapio римскаго права не выполняется отдѣльными, отрывочными постановленіями, а послѣдними вводится противорѣчіе со всѣми остальными постановленіями о давности (эти отдѣльныя и отрывочныя постановленія находятся въ противорѣчіи между собою, — прибавимъ мы отъ себя). «Спрашивается», замѣчаетъ И. Энгельманъ, «напримѣръ, отчего давности владѣнія, образовавшейся послѣ генеральнаго межеванія въ дачѣ замежеванной въ единственное владѣніе, приписывается безусловное значеніе, между тѣмъ въ дачахъ, генерально замежеванныхъ въ общее владѣніе, приписывается лишь значеніе ограниченное?». По мнѣнію И. Энгельмана, не получившій при специальномъ межеваніи участка въ общей дачѣ давностный владѣлецъ можетъ доказывать вотчиннымъ порядкомъ свое право на основаніи давности. Но признаніе за давностнымъ владѣльцемъ таковаго права, послѣ того какъ это право было отвергнуто въ дѣлѣ судебно-межеваго разбирательства, противорѣчило бы основному правилу устава гражданскаго судопроизводства и не согласовалось бы съ понятіемъ справедливости. Са-

мое мѣсто въ межевыхъ законахъ приведенныхъ И. Энгельманомъ постановленій указываетъ, что эти постановленія не имѣютъ предметомъ исключительно одно размежеваніе, отдѣленіемъ по удобности участковъ въ особое каждаго владѣніе (1143 ст.), а также имѣютъ цѣлью опредѣлить право и степень участія каждаго изъ совладѣльцевъ въ общей дачѣ (1152 ст.). Слѣдовательно, судебно-межевое разбирательство соприкасается и съ вотчиннымъ споромъ, что уже разъяснено гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ сената въ его рѣшеніи за 1885 г. № 1. Для опредѣленія права и степени участія владѣльца въ межуемой дачѣ служитъ, кромѣ документовъ и крѣпостей, также давность владѣнія (1150). Если же право и степень участія владѣльца по давности обсуждались при судебно-межевомъ разбирательствѣ, то это право по тому же основанію не подлежитъ вторично судебному разсмотрѣнію, за силою 893 и 895 ст. устава гражданскаго судопроизводства.—Спеціальнымъ межеваніемъ уничтожается черезполосность и участки отдѣляются въ особое каждаго владѣніе; оно одинаково касается всѣхъ принимавшихъ участіе въ производствѣ дѣла совладѣльцевъ, и случается, что совладѣльцы получаютъ участки съ землею или въ соразмѣрно меньшемъ или въ соразмѣрно большемъ количествѣ, сравнительно съ бывшею въ ихъ владѣніи до размежеванія землею (1154 ст.). Если бы давностный владѣлецъ доказывалъ послѣ судебнаго межеванія свое право вотчиннымъ порядкомъ, то тотъ владѣлецъ, въ участокъ котораго отошла бывшая у давностнаго владѣльца земля, отвѣчалъ бы одинъ за всѣхъ совладѣльцевъ бывшей общей дачи, и этотъ владѣлецъ - отвѣтчикъ могъ бы оказаться, при удовлетвореніи иска давностнаго владѣльца, съ участкомъ земли въ несоразмѣрно меньшемъ противъ другихъ бывшихъ совладѣльцевъ количествѣ. Очевидно 1152 ст., отсылая возникающіе при спеціальномъ размежеваніи споры о вотчинномъ правѣ къ общему судебному разбирательству и выдѣляя ихъ изъ дѣлъ о судебномъ межеваніи, имѣетъ въ виду иные вотчинные споры, по другимъ основаніямъ, а не споры по давностному владѣнію [1]).

К. П. Побѣдоносцевъ объясняетъ непримѣнимость общей давности къ дачамъ совмѣстнаго и черезполоснаго владѣнія тѣмъ, что «пріобрѣтеніе земли въ собственность по владѣнію на основаніи давности невозможно при владѣніи черезполосномъ, когда урочища смѣшаны и границы владѣнія каждаго изъ соучастниковъ неопредѣлительны: тогда самый предметъ владѣнія не имѣетъ единства и цѣлости, необходимыхъ условій непрерывности владѣнія, которыя требуются для примѣненія давности» [7]). Неопредѣлительность границъ вла-

дѣнія К. П. Побѣдоносцевъ объясняетъ тѣмъ, что «право собственности не достигло полной своей опредѣлительности, покуда остаются въ неизвѣстности матеріальныя его границы, покуда неясна внѣшняя черта, за которою оканчивается *мое* и начинается *твое*, неизвѣстно еще въ точности, до какого пространства земли, до какого объема вещи простирается мое владѣніе, и откуда начинается мое владѣніе. Въ такомъ положеніи легко случиться можетъ, что и я и сосѣдъ мой, оба мы будемъ простирать свое право на одинъ и тотъ же предметъ, на одно и то же пространство... По большей части случается, что даже при опредѣлительности основанія, на которомъ утверждается исключительное право, владѣніе, соединенное съ этимъ правомъ, остается въ неопредѣлительности; случается, что ни самъ собственникъ, ни прочіе владѣльцы, смежные съ нимъ, ни само общество не имѣютъ яснаго сознанія о томъ, чѣмъ они владѣютъ» [8]. — Почему же, если эти разсужденія непогрѣшимы, у давностнаго владѣльца (или его правопередатчика), поименованнаго на планѣ генеральнаго межеванія, границы его черезполоснаго владѣнія оказываются опредѣлительными, сравнительно съ давностнымъ владѣльцемъ, не поименованнымъ на планѣ генеральнаго межеванія? Почему границы черезполосной дачи, замежеванной при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе съ тысячами въ ней десятинами, болѣе опредѣлительны сравнительно съ дачею съ сотнями въ ней десятинами, по замежеванной при генеральномъ межеваніи за многими владѣльцами? Почему въ земляхъ, замежеванныхъ при генеральномъ межеваніи къ селеніямъ, примѣненію давности дано болѣе ограниченное значеніе, сравнительно съ вымежеванными отъ селеній особо землями? Развѣ въ первыхъ земляхъ границы владѣнія менѣе опредѣлительны, чѣмъ въ послѣднихъ? Приведенные К. П. Побѣдоносцевымъ доводы, быть можетъ совершенно справедливые по отношенію къ дачѣ до ея генеральнаго межеванія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ несогласны съ дѣйствительностью послѣ генеральнаго межеванія дачи. Кто только имѣлъ какое либо фактическое отношеніе къ дачѣ генерально обмежеванной, до ея спеціальнаго межеванія, тому знакомо, что каждому изъ совладѣльцевъ этой дачи точно извѣстны его полосы земли, не смотря на ихъ разбросанность по дачѣ; извѣстны ему и владѣнія смежныхъ съ его полосами сосѣдей, и владѣніе полосами въ такой дачѣ происходитъ постоянно и непрерывно; что хотя въ такой дачѣ полоса отъ полосы сосѣда и не отдѣляется широкимъ рубежемъ, какъ въ спеціально обмежеванной, но полоса отдѣляется отъ полосы сосѣда болѣе глубокою бороздою сохи и, слѣдовательно, надѣлена яснымъ

признакомъ границы владѣнія. Разсужденія К. П. Побѣдоносцева несогласны съ постановленіями 1157, 1158 и 1161 ст. X т. 3 ч., допускающихъ или неограниченно или ограниченно примѣненіе къ судебному межеванію земской давности. Вѣдь во всѣхъ трехъ родахъ дачъ, которыя имѣютъ въ виду приведенныя статьи, черезполосное владѣніе въ отношеніи его неопредѣлительности совершенно одинаково, и однако же пріобрѣтательная давность можетъ оказаться примѣнимою въ этихъ дачахъ.

Причина примѣнимости или непримѣнимости общей пріобрѣтательной давности къ генерально обмежеваннымъ дачамъ, при судебно-спеціальномъ межеваніи, кроется не въ смѣшанности урочищъ и не въ неопредѣлительности границъ участковъ каждаго изъ владѣльцевъ; а истинная причина этого положенія скрыта въ тѣхъ разсужденіяхъ, изъ которыхъ извлечены постановленія 1157, 1158 и 1161 ст., для насъ недоступныхъ. Всякое предположеніе объ этихъ причинахъ оказалось бы гадательнымъ. Несомнѣнно одно, что на построеніе пріобрѣтательной давности по межевымъ законамъ имѣло сильное вліяніе крѣпостное право, отразившееся не однимъ только осязательнымъ указаніемъ на то, что владѣльцы съ числившимися за ними крестьянами надѣляются по восьми десятинъ на душу, а также и тѣмъ, что въ пустошахъ и земляхъ, замежеванныхъ особо отъ селеній, примѣненіе пріобрѣтательной давности не столь ограничено, какъ въ замежеванныхъ къ селеніямъ земляхъ.

Противорѣчивыя между собою и общей земской давности постановленія межевыхъ законовъ о примѣненіи давности явились много позднѣе учрежденія общей земской давности, когда послѣдняя стала достояніемъ народныхъ правовыхъ воззрѣній. Тѣмъ не менѣе со времени изданія правилъ судебно-спеціальнаго межеванія прошло болѣе 35 лѣтъ, и за этотъ промежутокъ времени соціально-экономическая жизнь сильно измѣнилась: исчезло различіе между помѣщичьими, казенными и удѣльными крестьянами; значительно повысилась цѣна земли; личный трудъ, который до того отличался болѣе субъективнымъ значеніемъ, получилъ экономическое значеніе, каковому значенію не споспѣшествуетъ черезполосность владѣнія, въ то время какъ сельское хозяйство воспринимаетъ все болѣе и болѣе интензивный характеръ. Скорѣйшее доведеніе черезполосности владѣнія до возможно меньшаго размѣра послужитъ только къ экономическому благу страны. Несомнѣнно, спеціальное межеваніе производилось бы съ большею напряженностью, если бы одни совладѣльцы не пугались бы траты времени, труда, издержекъ на установленіе своей связи съ лицами,

значущимися на планѣ генеральнаго межеванія, которую иногда, по разнообразнымъ причинамъ, очень трудно, почти невозможно установить; а другіе совладѣльцы не боялись бы утратить свое владѣніе, такъ какъ ихъ правопередатчики не поименованы на планѣ генеральнаго межеванія. Между тѣмъ, тѣ и другіе совладѣльцы могли бы легко, безъ излишней траты труда и времени, восполнить недостающіе документы ссылкою на давностное владѣніе, которая въ большей части случаевъ представлялась бы не исключительнымъ доказательствомъ права, а дополнительнымъ. Разъ же возбуждено судебно-межевое дѣло, — у иныхъ совладѣльцевъ развязывается хищническій аппетитъ, такъ какъ земля нѣкоторыхъ давностныхъ владѣльцевъ и тѣхъ, которые не успѣли почему либо установить своей связи съ поименованными на планѣ генеральнаго межеванія лицами, какъ «примѣрная», распредѣляется между признанными владѣльцами.

Давностное владѣніе, условія его по 533 ст. X т. I ч., стало правовымъ воззрѣніемъ народа. Вѣроятно, очень многимъ доводилось слышать выраженіе: «еще наши дѣды и отцы владѣли этою землею или усадьбою». Энгельманъ въ упомянутомъ уже нами изслѣдованіи о давности по русскому гражданскому праву находитъ въ этомъ выраженіи скорѣе указаніе на наслѣдственное право, чѣмъ на завладѣніе. Но это выраженіе указываетъ не только путь (переходъ по наслѣдству), по которому дошло извѣстное имущество, а также—и время владѣнія (не только я, но мои отецъ и дѣдъ за все время, не переставая, владѣли этимъ имуществомъ). Если бы это ходячее выраженіе заключало бы только указаніе на наслѣдственное право, то въ него было включено бы и указаніе на достаточное основаніе первоначальнаго пріобрѣтенія имущества, въ родѣ: «еще наши отцы купили это имущество или промѣнялись на него». Изъ того же, что въ приведенномъ выраженіи не упоминается о достаточномъ основаніи пріобрѣтенія, можно заключить, безъ боязни ошибиться, что передъ давностью безспорнаго владѣнія, по правовому народному воззрѣнію, блѣднѣетъ достаточное основаніе владѣнія.

И. Энгельманъ въ противорѣчіяхъ нормъ о давности нашего законодательства усматриваетъ недостатокъ въ немъ usucapio римскаго права, т. е. необходимость для пріобрѣтательной давности двухъ условій: добросовѣстность владѣнія вещью (bona fides) и достаточность основанія (titulus). Установленіе usucapio влечетъ, какъ дополненіе къ ней, учрежденіе чрезвычайной давности (praescriptio seu usucapio extraordinaria). Нужно ждать, что коммиссія по составленію гражданскаго уложенія дастъ должное мѣсто этимъ двумъ учрежде-

ніямъ. Но когда появится законодательнымъ порядкомъ плодъ трудовъ этой коммиссіи? Пока же, до появленія результата трудовъ коммиссіи, сглаженіе противорѣчій въ нашей земской давности являлось бы благимъ дѣломъ. Можно предположить, что наше законодательство подразумѣвало добросовѣстность владѣнія въ пріобрѣтательной давности выраженіемъ въ 533 ст. «въ видѣ собственности» и въ 560 ст. «на правѣ собственности». Владѣніе недобросовѣстное, безъ достаточнаго основанія, должно быть прерваннымъ, по естественному порядку вещей, искомъ собственника, въ теченіе срока до наступленія погасительной давности (692 и 694 ст. X т. I ч.), удлинняющагося для недѣеспособныхъ пріостановленіемъ его (прил. къ 694 ст.). Если же въ крайне исключительномъ случаѣ произошло завладѣніе землею въ подлежащей спеціальному размежеванію дачѣ недобросовѣстно и безъ достаточнаго основанія, то это означаетъ, что произошло завладѣніе брошенною, вполнѣ безпризорною землею. Вполнѣ же безхозяйственная земля не соотвѣтствуетъ государственнымъ видамъ, и, слѣдовательно, завладѣніе и давностное владѣніе такою землею не нарушаетъ ни частныхъ, ни государственныхъ интересовъ.

---

1) «.... жалуемъ и утверждаемъ, хотя и неправедно въ древнія времена по проискамъ отъ давнихъ предковъ пріуроченныя примѣрныя земли».

2) «Въ каждомъ владѣніи за основаніе принимать:... 3) безспорное издавна, но не позже, какъ до 1765 г., владѣніе.

3) «.... дозволить татарамъ въ Крыму уступку земель между собою и продажу ихъ постороннимъ лицамъ не только по документамъ, но и по десятилѣтнему владѣнію въ видѣ собственности».

4) Рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента сената 1867 г., № 854, 1874 г., № 854, 1875 г., № 55, 1876 г., № 28, 1878 г., № 47, 1879 г., № 314, и 1882 г., № 50.

5) Лица, сдѣлавшіяся владѣльцами послѣ генеральнаго межеванія, сохраняютъ права свои въ степени тѣхъ поименованныхъ на планѣ генеральнаго межеванія владѣльцевъ, отъ которыхъ имъ дошло имѣніе,—гласитъ примѣчаніе къ 1151 ст.

6) Здѣсь будетъ совершенно кстати замѣтить, что разсмотрѣнныя законоположенія о давности, по межевымъ законамъ, противорѣчатъ высказанному И. Энгельманомъ въ названномъ его трудѣ тому взгляду, что давность владѣнія по русскому праву, существующая по буквѣ закона, осталась и остается мертвою буквою, безъ практическаго, юридическаго значенія; что давностный владѣлецъ не признается собственникомъ, а остается владѣльцемъ, ограниченнымъ въ распоряженіи вещью. Въ силу же 1144 ст., X т., 3 ч. и 1 пун. IV прим. къ 1400 ст. устава гражданскаго судопроизводства, судебно-межевое разбирательство начинается по просьбѣ одного изъ владѣльцевъ общей черезполосной дачи и, слѣдовательно, также по просьбѣ давностнаго владѣльца въ дачѣ, за которымъ судебнымъ рѣшеніемъ можетъ быть укрѣплено его давностное владѣніе.

7) «Вотчинныя права», изд. 3-е, стр. 697.—8) Тамъ же, стр. 139.

В. И.

ОРГАНИЗАЦІЯ АДВОКАТУРЫ ВЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Институтъ адвокатуры не есть изобрѣтеніе новѣйшаго времени. Если и нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ писателей, считающихъ адвокатуру однимъ изъ самыхъ древнихъ учрежденій, чуть ли не современнымъ первому суду и первому процессу; если въ случайныхъ защитникахъ, о которыхъ иной разъ упоминаютъ законодательные и религіозные памятники народовъ востока, и въ логографахъ, синегорахъ и параклетахъ Греціи нельзя усматривать лицъ, избравшихъ своею профессіею представительство и защиту интересовъ своихъ кліентовъ на судѣ и связанныхъ между собою извѣстной организаціей или нравственнымъ и умственнымъ единствомъ,—то во всякомъ случаѣ съ зародышемъ современной адвокатуры мы встрѣчаемся уже въ древнемъ Римѣ, гдѣ, благодаря особенностямъ развитія судоустройства и судопроизводства, уже въ IV вѣкѣ отъ основанія города слагаются исключительно путемъ обычая двѣ категоріи лицъ, помогающихъ неопытнымъ сторонамъ въ веденіи процесса. Одни изъ нихъ, такъ наз. iuris consulti, оказываютъ кліентамъ юридическое пособіе въ предварительной части процесса (instructio in iure); другіе же, oratores, выступаютъ во второй половинѣ процесса предъ преторомъ со своими защитительными рѣчами. Мы не станемъ здѣсь слѣдить за процессомъ образованія изъ этихъ юристовъ адвокатскаго сословія; скажемъ только, что мало по малу, несмотря на отсутствіе законодательной регламентаціи, эти римскіе правовѣды и ораторы спеціализируютъ свое занятіе и путемъ обычая вырабатываютъ извѣстное единство въ основныхъ правилахъ и понятіяхъ о своей профессіи, и къ концу республики мы уже застаемъ въ Римѣ высоко стоящую въ общественномъ мнѣніи адвокатуру, въ составѣ которой строго различались двѣ группы—procuratores, вполнѣ замѣщавшіе сторону въ процессѣ, такъ сказать, повѣренные, и advocati или patroni, произносившіе только судебныя рѣчи на судѣ. Послѣдняго рода дѣятельность издавна считалась болѣе почтенною, по большей части отправлялась безвозмездно, и пат-

ронъ прибѣгалъ къ ней, какъ къ средству увеличивать свое политическое вліяніе. Въ такой роли видимъ мы, напримѣръ, Цицерона, Красса и другихъ политическихъ дѣятелей республики. Это дѣленіе и донынѣ удержалось во многихъ европейскихъ государствахъ, напримѣръ, во Франціи, Англіи и проч.

Съ измѣненіемъ государственнаго строя, съ усложненіемъ процесса на первый планъ стала выступать дѣятельность procuratores. Съ тѣмъ вмѣстѣ съ паденіемъ свободныхъ республиканскихъ учрежденій, одновременно съ другими классами начинаютъ мало по малу терять свой прежній нравственный обликъ и римскіе адвокаты, и одного преданія было уже мало для регулированія ихъ дѣятельности. Вотъ почему императоры вплоть до Юстиніана издаютъ различнаго рода постановленія, имѣющія въ виду регламентировать положеніе адвокатскаго сословія въ государствѣ; таковы постановленія объ образовательномъ цензѣ, предѣльномъ числѣ (numerus clausus), о размѣрѣ вознагражденія, о дисциплинѣ и тому подобныя, почти тождественныя съ нормами современныхъ законодательствъ.

Проникновеніе римскаго права въ средневѣковыя европейскія государства, насажденіе судебныхъ мѣстъ учеными юристами, отсутствіе кодификаціи,—однимъ словомъ, трудность примѣненія матеріальнаго права въ связи съ неуклюжестью общаго порядка судопроизводства—дѣлали вездѣ занятіе адвоката все болѣе и болѣе серьезнымъ и необходимымъ. Въ различныхъ странахъ институтъ этотъ въ различныя времена принималъ и различныя формы; въ нѣкоторыхъ государствахъ адвокатское сословіе пользовалось высокимъ и почетнымъ положеніемъ въ обществѣ; въ другихъ—адвокатура считалась чуть ли не язвой общественной нравственности. Однако нѣкоторыя попытки совсѣмъ устранить изъ общественной жизни этотъ институтъ—въ Пруссіи при Фридрихѣ Великомъ въ 1780 г. и во Франціи во время революціи—доказали только необходимость его существованія для правильнаго отправленія правосудія и вызвали только болѣе энергичную дѣятельность европейскихъ законодательствъ, направленную на указаніе этому институту подобающаго мѣста въ общественной и государственной жизни.

У насъ, какъ извѣстно, адвокатура есть одно изъ крупныхъ нововведеній судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года. Къ сожалѣнію, однако, наша адвокатура, получившая въ главныхъ чертахъ довольно правильную организацію въ судебныхъ уставахъ, впослѣдствіи стала подвергаться кореннымъ перемѣнамъ, весьма неблагопріятнымъ для ея дѣятельности; кромѣ того, на практикѣ стали сказываться результаты ненормальныхъ условій, въ которыя она поставлена была по отношенію къ магистратурѣ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ наша адвокатура стала уклоняться отъ того пути, который былъ предначертанъ ей составителями судебныхъ уставовъ, и соотвѣтственно съ этимъ подвергаться иной разъ весьма справедливымъ, а еще чаще и незаслуженнымъ и оскорбительнымъ нападкамъ. Въ настоящее время всѣ друзья нашихъ новыхъ судебныхъ

порядковъ, отпраздновавшихъ недавно 25-лѣтній юбилей своего существованія, твердо убѣждены, что, для поднятія нашей адвокатуры на подобающую ей высоту, настоятельно необходимы значительныя измѣненія какъ во внутренней организаціи сословія, такъ и въ опредѣленіи его отношеній къ магистратурѣ. Въ виду этого, мы думаемъ, читатели Юридическаго Вѣстника найдутъ нѣкоторый интересъ въ ознакомленіи хоть съ краткими данными объ организаціи адвокатуры въ главныхъ и второстепенныхъ европейскихъ государствахъ. Данныя эти нами цѣликомъ заимствованы изъ статьи, подъ заглавіемъ «Anwaltschaft», германскаго совѣтника юстиціи Шликкманна, помѣщенной въ 3-емъ выпускѣ новой Энциклопедіи государственныхъ наукъ (Handwörterbuch der Staatswissenschaften), издаваемой извѣстными германскими учеными Конрадомъ, Лексисомъ и проч.

При изложеніи мы сгруппируемъ отдѣльно тѣ страны, гдѣ сохранилось римское дѣленіе адвокатуры на procuratores и advocati, и отдѣльно тѣ, которымъ это дѣленіе неизвѣстно. Къ числу первыхъ принадлежатъ страны съ романскимъ населеніемъ и кромѣ того Англія, къ числу послѣднихъ страны съ населеніемъ германскаго происхожденія.

Во *Франціи* уже съ древнихъ временъ проводится различіе между такъ называемыми avoués, стряпчими, повѣренными, и avocats, адвокатами въ тѣсномъ смыслѣ. Послѣдніе образуютъ болѣе важный и выше стоящій классъ. Уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ встрѣчаемъ званіе адвоката, какъ исключительно почетное. Изъ этого сословія выходили и до сихъ поръ выходятъ высшіе сановники государства до президентовъ республики включительно. Такъ, напримѣръ, Тьеръ и Греви принадлежали къ этому сословію. Послѣ того, какъ революція декретомъ 2 сентября 1790 г. совсѣмъ уничтожила званіе адвоката, а Наполеонъ преслѣдовалъ его своимъ недовѣріемъ, институтъ этотъ получилъ свою современную организацію въ декретѣ 14 декабря 1810 г. и въ послѣдующихъ ордонансахъ 27 февраля 1822 г. и 27 августа 1837 года. По современному французскому праву для вступленія въ адвокатское сословіе требуется прохожденіе трехлѣтняго юридическаго курса и полученіе степени licencié de droit [1]). Апелляціонный судъ, предъ которымъ удовлетворяющій этому требованію приноситъ присягу, сообщаетъ только званіе адвоката. Чтобы быть однако внесеннымъ въ списки avocats exerçants, молодой адвокатъ долженъ пройти трехлѣтній стажъ, который состоитъ въ занятіяхъ частною практикой подъ руководствомъ *членовъ совѣта*. Только по истеченіи этого времени, если онъ удовлетворяетъ извѣстнымъ нравственнымъ требованіямъ и имѣетъ опредѣленное жительство въ округѣ, стажіеръ, по предложенію одного изъ старшихъ адвокатовъ (doyen), вно-

---

1) Соотвѣтствуетъ нашему кандидату правъ. Вообще замѣтимъ, что въ Западной Европѣ докторъ правъ по большей части соотвѣтствуетъ нашему кандидату правъ.

сится совѣтомъ въ списокъ (tableau) практикующихъ адвокатовъ. Это сообщаетъ ему право защищать (пледировать) интересы своихъ кліентовъ предъ всѣми судебными мѣстами страны, но только устно.

Исключительное положеніе занимаютъ только тѣ 60 адвокатовъ, которые состоятъ при государственномъ совѣтѣ и кассаціонномъ судѣ. Каждый изъ этихъ адвокатовъ соединяетъ въ своемъ лицѣ званіе стряпчаго и адвоката, но за то они пріурочены исключительно къ этимъ судамъ и не имѣютъ права выступить предъ какимъ либо другимъ судомъ.

Нужно замѣтить, что во Франціи существуетъ обязательность замѣстительства стороны чрезъ адвоката по отношенію къ трибуналу 1-ой инстанціи и апелляціонному суду, такъ что въ этихъ судахъ стороны не могутъ лично защищать своихъ интересовъ. Выступить лично для отыскиванія своихъ правъ стороны имѣютъ право только у мироваго судьи (juge de paix), компетенція котораго простирается только на иски не выше 200 франковъ.

Адвокаты каждаго суда избираютъ ежегодно совѣтъ (conseil de l'ordre) изъ пяти членовъ, а послѣдніе избираютъ изъ своей среды президента (bâtonnier). Совѣтъ управляетъ дѣлами сословія—рѣшаетъ предложенія о внесеніи въ списки лицъ, прошедшихъ опредѣленный стажъ, наблюдаетъ за занятіями и поведеніемъ этихъ лицъ и налагаетъ дисциплинарныя наказанія на провинившихся членовъ сословія. Дисциплинарныя взысканія идутъ въ восходящемъ порядкѣ отъ предостереженія до исключенія изъ списка. Опредѣленія совѣта могутъ быть обжалованы прокуроромъ или адвокатомъ, подвергшимся взысканію, суду первой или второй (апелляціонной) инстанціи. Кромѣ того, дисциплинарную власть надъ адвокатами за ихъ проступки при судебномъ разбирательствѣ имѣютъ и судебныя мѣста [2].

Положеніе avoués (до революціи procureurs) считается въ общественномъ мнѣніи гораздо низшимъ, чѣмъ положеніе адвоката (законъ 20 марта 1791 года). Стряпчій занимается письменной подготовкой процесса совмѣстно съ стряпчимъ противной стороны; онъ имѣетъ, такимъ образомъ, характеръ посредника въ сношеніяхъ кліента съ адвокатомъ, которому стряпчій передаетъ всю письменную часть дѣла для изложенія сущности его и отстаиванія интересовъ кліента на судѣ. Отъ стряпчаго требуется представленіе отъ юридическаго факультета свидѣтельства о способности (certificat de capacité) [2]) или же диплома на званіе licencié de droit (соотвѣтствуетъ нашему кандидату правъ), а затѣмъ прохожденіе стажа, который состоитъ въ 5-и или 3-хъ-лѣтнихъ, смотря по уровню образовательнаго ценза, занятіяхъ въ качествѣ клерка у стряпчаго. Въ дисциплинарномъ отношеніи стряпчіе также подчиняются выборному совѣту, состоящему при каждомъ судѣ и имѣющему право налагать на своихъ членовъ различныя наказанія до запрещенія заниматься въ продолженіе из-

2) Фойницкій, Курсъ уголовнаго судопроизводства. § 162.

вѣстнаго времени практикой. Право исключенія изъ списка принадлежитъ суду, при которомъ состоитъ стряпчій, а также министру юстиціи. Слабѣйшія изъ дисциплинарныхъ взысканій могутъ быть назначаемы и прокуратурой [2]). Размѣръ вознагражденія стряпчихъ опредѣляется по таксѣ отъ 16 февраля 1807 г., въ которой предусматриваются всякаго рода единичныя дѣйствія стряпчаго. Величина вознагражденія не зависитъ отъ цѣнности или важности объекта процесса. Особенностью французскаго права нужно считать допустимость продажи мѣстъ avoués [3]) и адвокатовъ при государственномъ совѣтѣ и кассаціонномъ судѣ. Это обстоятельство находится въ связи съ залогомъ, который стали требовать послѣ революціи при реорганизаціи этого института, и размѣръ котораго колеблется въ предѣлахъ 600—2700 франковъ, смотря по важности суда. Продающій свое мѣсто долженъ исходатайствовать себѣ разрѣшеніе министра юстиціи. Мѣсто стряпчаго или адвоката при вышеназванныхъ учрежденіяхъ подлежитъ также наслѣдованію на общихъ основаніяхъ.

Корпорація адвокатовъ (avocats) носитъ во Франціи названіе barreau, въ отличіе отъ parquet, т. е. прокуратуры. Въ 1886 г. во Франціи числилось 4,284 практикующихъ адвокатовъ, 2,573 стажіеровъ-адвокатовъ и 2,423 стряпчихъ, всего 9,280 лицъ, противъ 8,825 въ 1876 году.

Въ *Бельгіи* организація адвокатуры довольно сходна съ французской, въ главныхъ своихъ чертахъ она основывается еще понынѣ на законахъ, изданныхъ въ началѣ этого столѣтія во времена французскаго владычества. Въ особенности строго проведено различіе въ бельгійскомъ законодательствѣ между avocats и avoués: первые могутъ защищать, но только устно, предъ всѣми судами страны; вторые допускаются къ веденію дѣлъ только при тѣхъ земскихъ или высшихъ земскихъ судахъ, къ которымъ они приписаны. Для полученія права заниматься адвокатурой требуется по крайней мѣрѣ четырехлѣтнее изученіе права, полученіе степени доктора правъ (соотвѣтствуетъ нашему кандидату правъ) и 3-лѣтняя подготовительная практика (стажъ). Стряпчіе и адвокаты кассаціоннаго суда назначаются королемъ; въ остальныхъ случаяхъ достаточно приписки къ какому нибудь суду при содѣйствіи такъ называемаго совѣта чести (conseil d'honneurs). Правила объ обязательности избирать адвоката не существуетъ, стороны однако обязаны прибѣгать къ содѣйствію стряпчаго для приготовленія письменной части процесса, ведущагося въ земскомъ или высшемъ земскомъ судѣ. Число адвокатовъ, за исключеніемъ состоящихъ при кассаціонномъ судѣ, не ограничено; напротивъ, число стряпчихъ опредѣляется извѣстной нормой для каждаго суда.

Всѣ адвокаты (barreau), имѣющіе жительство въ округѣ ландгерихта

---

[3]) При каждомъ судебномъ мѣстѣ можетъ состоять число стряпчихъ, не превышающее нормы, опредѣленной правительствомъ, по представленію министра юстиціи.

(земскаго суда) или оберландгерихта (высшаго земскаго суда), точно также всѣ avoués (corps d'avoués) каждаго суда, къ которому они приписаны, избираютъ изъ своей среды дисциплинарный совѣтъ, которому подчинены всѣ члены сословія. Дисциплинарныя взысканія состоятъ въ различныхъ видахъ цензуры до отрѣшенія на время или навсегда. Такса вознагражденія имѣется съ 1807 г. только для стряпчихъ; гонораръ можно отыскивать судебнымъ порядкомъ, но добровольныя соглашенія относительно размѣра вознагражденія не допускаются закономъ.

Въ *Испаніи* адвокатура получила свою организацію въ уставѣ гражданскаго судопроизводства 1881 г. и въ указѣ 1884 г. Члены адвокатуры дѣлятся по французскому образцу на abogados и procuradores; въ качествѣ категоріи перваго класса функціонируютъ правительственные адвокаты и адвокаты для бѣдныхъ. Послѣдніе назначаются для сторонъ, пользующихся правомъ бѣдности, могутъ, впрочемъ, брать на себя и другія порученія, хотя они и освобождены отъ платы за имматрикуляцію (внесеніе въ списки), платы, довольно значительной и измѣняющейся въ своей величинѣ по различнымъ округамъ. Предварительная научная подготовка требуется одинаковая отъ всѣхъ классовъ, а именно: университетскія занятія (не ограниченныя опредѣленнымъ срокомъ) въ шести группахъ съ опредѣленными принудительными лекціями, испытаніе по окончаніи каждой группы и экзаменъ на степень лиценціата по окончаніи всего курса. Затѣмъ право на занятіе адвокатской практикой пріобрѣтается по припискѣ къ какой нибудь коллегіи адвокатовъ и уплатѣ такъ назыв. contribucion. Въ общемъ господствуетъ обязательность представительства сторонъ адвокатами, за исключеніемъ дѣлъ, разбирающихся въ засѣданіяхъ муниципальныхъ судовъ. Какъ адвокатъ, такъ и стряпчій могутъ выступить лишь въ округѣ той коллегіи, къ которой они приписаны. Въ каждомъ округѣ имѣется для каждаго изъ обоихъ классовъ по одному совѣту, который осуществляетъ дисциплинарную власть надъ членами. Для перваго класса, т. е. abogados, имѣется такса, и соглашеніе съ кліентомъ относительно платы за услуги не допускается закономъ.

Какъ во всѣхъ странахъ, гдѣ у кормила правленія часто мѣняются представители различныхъ политическихъ партій, въ Испаніи происходитъ частая перетасовка между членами адвокатуры и государственными должностными лицами. Очень обыкновеннымъ явленіемъ въ Испаніи считается возвращеніе оставляющаго свой постъ министра въ ряды адвокатуры, изъ которой онъ вышелъ. На томъ же основаніи число адвокатовъ необыкновенно велико. Такъ, напр., въ одномъ мадридскомъ округѣ числится 1,893 abogados и 243 procuradores; изъ первыхъ 1,087 совсѣмъ не практикуютъ; изъ остальныхъ 676 уплатили такъ назыв. contribucion (взносъ за имматрикуляцію), но 130, какъ адвокаты для бѣдныхъ, освобождены отъ этого взноса.

Итальянскій законъ отъ 8 іюня 1874 г. представляетъ подражаніе

французскому въ томъ отношеніи, что онъ создалъ аналогичное французскому дѣленіе адвокатуры на два класса—avvocati (адвокатовъ въ тѣсномъ смыслѣ) и procuratori (стряпчихъ, повѣренныхъ). Члены перваго класса должны прежде всего получить въ одномъ изъ университетовъ степень доктора правъ, послѣ чего слѣдуетъ двухлѣтнее практическое образованіе, и, наконецъ, испытаніе въ государственной коммиссіи. Подобнаго же рода испытанію подвергаются и желающіе попасть въ стряпчіе, отъ которыхъ также требуется университетское образованіе, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, послѣ котораго слѣдуетъ довольно продолжительная практическая подготовка. Въ Италіи господствуетъ принципъ обязательности замѣщенія стороны чрезъ адвоката; исключеніе допускается для дѣлъ маловажныхъ и торговыхъ. Число адвокатовъ и стряпчихъ не опредѣлено извѣстной нормой. Члены перваго класса могутъ выступать предъ всѣми судами королевства, втораго—только въ томъ мѣстѣ, гдѣ они избрали мѣсто жительства. Адвокаты каждаго округа избираютъ совѣтъ (consiglio dell'ordine), стряпчіе — дисциплинарный совѣтъ (consiglio di disciplina). Оба совѣта ведутъ надзоръ надъ членами своихъ корпорацій. Они могутъ дѣлать выговоры и налагать другія дисциплинарныя взысканія до отрѣшенія отъ занятія практикой на 6 мѣсяцевъ и даже исключенія изъ списка корпораціи.

Если на континентѣ организація адвокатуры является по большей части слѣдствіемъ регламентирующей дѣятельности государства, то *въ Англіи*, напротивъ, нормы, регулирующія положеніе адвокатуры, какъ и большинство нормъ, опредѣляющихъ различныя стороны общественной жизни, развивались изъ дѣятельности самоуправляющагося народа или изъ иниціативы отдѣльныхъ классовъ, а не издавались государствомъ, которое вообще никогда не ставило преградъ самодѣятельности народа, поскольку послѣдняя не угрожала его безопасности.

Уже издавна въ Англіи образовались четыре общества, снабженныя корпоративными правами, такъ назыв. Inns: Lincoln's Inn, Inner Temple, Middle Temple, Grays Inn. Эти корпораціи владѣютъ въ Лондонѣ обширными площадями земли и строеніями, и числятъ въ своемъ составѣ всѣхъ членовъ высшаго юридическаго сословія, начиная отъ учащихся и кончая высшими сановниками государства. Въ настоящее время члены этихъ корпорацій дѣлятся на 3 класса: 1) студентовъ, которые послѣ 3-хъ или 5-и лѣтнихъ занятій торжественно принимаются совѣтомъ корпорацій въ адвокатское сословіе; 2) Barristers [4]) (барристеровъ, адвокатовъ въ собственномъ смыслѣ слова), которые имѣютъ право выступить предъ всѣми судами общаго права [5]), и, наконецъ, 3) Sergeants-at-Law (соб-

---

[4]) Отъ слова *bar*, которое собственно означаетъ перила или перегородку въ залѣ суда.

[5]) Извѣстно, что въ Англіи соотвѣтственно двумъ системамъ права,—common law и equity,—аналогичнымъ римскимъ ius strictum и ius praetorium,

ственно служителей закона), т. е. юристовъ, которые избираются совѣтомъ корпораціи въ доктора правъ или получаютъ отъ лорда канцлера званіе «Queens councel». Этотъ классъ состоитъ изъ болѣе старшихъ и заслуженныхъ адвокатовъ, которые пользуются только извѣстными внѣшними преимуществами (но не процессуальными правами), и кромѣ того изъ высшаго судебнаго персонала. Каждая изъ этихъ корпорацій имѣетъ свой выборный совѣтъ, которому принадлежитъ неограниченная распорядительная власть въ дѣлахъ корпораціи.

Такъ какъ въ Англіи нѣтъ государственныхъ юридическихъ факультетовъ, то всѣ будущіе юристы получаютъ образованіе въ этихъ Inns подъ надзоромъ совѣтовъ. Однако теоретическое образованіе является весьма недостаточнымъ. Молодой человѣкъ, принятый въ общество безъ предварительной научной подготовки и только на основаніи аттестаціи двухъ барристеровъ о порядочности (respectability) его, въ прежнее время могъ достигнуть извѣстнаго образованія посредствомъ самообученія. Только съ 1845 г. въ иннахъ читаются лекціи (collegia), и то въ самыхъ узкихъ рамкахъ. Съ этого же года ввели довольно легкій экзаменъ, который приходится сдать предъ совѣтомъ корпораціи. Послѣ такой подготовки, сопряженной съ практическими занятіями въ бюро адвоката, кандидатъ возводится совѣтомъ корпораціи въ званіе барристера по истеченіи 3 или 5 лѣтъ, смотря по тому, получилъ ли онъ степень доктора или нѣтъ. Въ качествѣ барристера, онъ можетъ заниматься адвокатской практикой при всѣхъ судахъ общаго права, хотя нѣкоторые занимаются практикой и при совѣстныхъ судахъ. Бюро барристера находится въ зданіи его корпораціи, гдѣ читаются и лекціи. Онъ занимается только устной защитой предъ судомъ (пледированіемъ), подобно французскому адвокату; письменное же подготовленіе процесса лежитъ на обязанности стряпчаго, который всю письменную часть процесса пересылаетъ барристеру, такъ что послѣдній не имѣетъ никакихъ сношеній со стороною. Барристеры довольно часто сопровождаютъ главнаго судью при его объѣздахъ провинцій (circuits) для отправленія правосудія въ ассизахъ, и въ этихъ случаяхъ замѣщаютъ стороны въ процессѣ. Пробывши въ званіи барристера 5—15 лѣтъ, адвокатъ можетъ быть назначенъ правительствомъ на всѣ судейскія должности, даже самыя высшія. Такимъ образомъ уже съ 15-го столѣтія званіе адвоката является предшествующею ступенью къ судейской должности. Назначенный на должность судьи остается по прежнему членомъ своей корпораціи, выбирается обыкновенно въ члены совѣта и такимъ образомъ продолжаетъ дорожить интересами адвокатуры, изъ которой онъ вышелъ. Вотъ эта то образовавшаяся издавна между адвокатурой и судебномъ персоналомъ внутренняя связь очень много способствовала тому, что адвокатское сословіе

существуетъ дѣленіе судовъ на Courts of common law (судъ общаго права) и Courts of equity (совѣстные суды).

считается однимъ изъ самыхъ почетныхъ въ Англіи. Барристеры усердно стараются удержать это положеніе вещей; вотъ почему изъ соображеній чести не допускаются иски о гонорарѣ, и между англійскими адвокатами считается неприличнымъ вообще говорить о платѣ за адвокатскія услуги.

Совѣты, кромѣ управленія дѣлами корпорацій, осуществляютъ еще дисциплинарную власть; они могутъ налагать дисциплинарныя взысканія на студентовъ до исключенія изъ инна, а на барристеровъ до отрѣшенія отъ занятія практикой на время и навсегда.

Поразительно то обстоятетьство, что эти отношенія до сихъ поръ могли концентрироваться исключительно въ Лондонѣ. Впрочемъ, въ последнее время образовались въ нѣкоторыхъ изъ большихъ центровъ, какъ напримѣръ, въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ, такъ называемые Local bars (мѣстныя сословія адвокатовъ), и есть надежда, что все болѣе и болѣе возрастающее значеніе мѣстныхъ уѣздныхъ судовъ (въ отличіе отъ королевскихъ) вызоветъ еще дальнѣйшее размѣщеніе адвокатуры по странѣ. Въ существѣ же Лондонъ остается главнымъ центромъ адвокатуры, и совѣты вышеупомянутыхъ 4-хъ корпорацій остаются главными органами, болѣе или менѣе непосредственно управляющими юридическимъ бытомъ страны.

Низшій классъ адвокатуры образуютъ стряпчіе, такъ называемые Attorneys. Это названіе присвоивается тѣмъ изъ нихъ, которые практикуютъ при судахъ общаго права. Остальные называются Solicitors или Proctors, смотря по тому, выступаютъ ли они въ совѣстныхъ или духовныхъ судахъ. Положеніе стряпчихъ регулируется Уставомъ о повѣренныхъ 1843 года.

Отъ Attorney'a не требуется никакой предварительной научной подготовки; онъ по большей части выходитъ изъ рядовъ писцовъ адвокатскихъ бюро. Съ 1877 г. стряпчіе обязаны выдержать извѣстное испытаніе, а затѣмъ должны заботиться о припискѣ (имматрикуляціи) къ тому суду, при которомъ желаютъ заниматься практикой. Въ большихъ городахъ они часто вступаютъ въ большія адвокатскія фирмы, часто же очень дѣльные люди остаются на всю жизнь въ качествѣ клерковъ въ зависимыхъ отношеніяхъ къ своему принципалу. Условія ихъ вознагражденія, опредѣляемыя существующей для нихъ таксой (Sporteltaxe), нѣсколько похожи на германскія.

Стряпчіе, какъ мы уже сказали, ведутъ процессъ до того положенія, гдѣ кончается инструкція (разборъ тяжебнаго дѣла). Затѣмъ они передаютъ всѣ акты вмѣстѣ съ такъ называемомъ Status causae и причитающеюся суммой издержекъ барристеру и являются посредниками въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ барристера со стороной. При болѣе незначительныхъ судахъ, при которыхъ не занимаются устной защитой дѣла адвокаты, стряпчіе пользуются этимъ правомъ пледированія. Кромѣ того, они составляютъ проекты договоровъ и вообще играютъ роль скрытныхъ ад-

вокатовъ. Нѣкоторыя мѣста младшихъ чиновниковъ при судахъ замѣщаются лицами этого класса.

Въ Англіи считается признакомъ хорошаго тона, если семейство имѣетъ своего постояннаго стряпчаго; если оно живетъ въ провинціи, то оно должно имѣть еще другаго стряпчаго—лондонскаго для процессовъ, которые оно можетъ вести въ королевскихъ судахъ, засѣдающихъ исключительно въ Лондонѣ. Съ этимъ лондонскимъ стряпчимъ находится уже въ сношеніяхъ барристеръ. Изъ этого уже можно заключить, какіе громадные расходы должны нести ведущій процессъ, особенно если принять во вниманіе существующія высокія нормы вознагражденія за юридическое замѣстительство и отсутствіе въ большинствѣ случаевъ обязательности для проигрывающей стороны возмѣстить издержки производства.

Теперь переходимъ къ тѣмъ странамъ, гдѣ обязанности стряпчаго и адвоката совмѣщаются въ одномъ лицѣ.

Въ *Германіи* въ средніе вѣка, стоя на почвѣ чужаго (римскаго), незнакомаго народу, права, адвокаты стали все болѣе и болѣе подвергаться недовѣрію публики, которая стала видѣть въ адвокатахъ людей, кляузничающихъ исключительно ради своихъ интересовъ и готовыхъ на всякія продѣлки. Положеніе этого сословія начинаетъ измѣняться къ лучшему со временъ войнъ за освобожденіе, когда въ правовую и политическую жизнь стали проникать принципы устности и гласности. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, какимъ видоизмѣненіямъ подвергалось положеніе этого сословія въ различныхъ государствахъ Германіи. То адвокаты были должностными лицами, то провозглашали свободную адвокатуру. Требованія, касающіяся образовательнаго ценза, были такъ же разнообразны, какъ и таксы, по коимъ опредѣлялся размѣръ вознагражденія за адвокатскія услуги. Нѣкоторыя страны сохраняли различіе между procuratores и advocati. Адвокатура въ однихъ случаяхъ подлежала надзору и дисциплинарной власти судебныхъ мѣстъ, въ другихъ—выборнаго совѣта; въ однихъ государствахъ Германіи господствовали принципы обязательности замѣстительства сторонъ адвокатами (Anwaltszwang) и ограниченіе адвокатуры опредѣленной нормой (такъ называемый numerus clausus), въ другихъ придерживались какъ разъ противоположныхъ принциповъ. Всѣ эти различія уничтожены Положеніемъ объ адвокатурѣ отъ 1 іюля 1878 г., которое урегулировало этотъ вопросъ однообразно для всей Имперіи.

На основаніи этого положенія, всякій, пріобрѣвшій способность къ занятію судейской должности, долженъ быть допущенъ къ занятію адвокатурой какъ при судахъ того имперскаго государства, въ которомъ пріобрѣтена эта способность, такъ и всякаго другаго имперскаго государства. Дозволеніе на приписку къ судамъ первой и второй инстанцій даетъ министерство юстиціи (Landesjustizverwaltung) по выслушаніи мнѣнія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Допущеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста при наличности обстоятельствъ, бросающихъ извѣстное подозрѣніе на кандидата; въ допущеніи можетъ быть отказано, если про-

ситель въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ не занималъ должности ни въ имперіи, ни въ какомъ нибудь изъ имперскихъ государствъ, ни въ общинѣ, и если не служилъ ни въ министерствѣ юстиціи, ни въ одномъ изъ германскихъ университетовъ и не занимался адвокатурой; далѣе, если онъ временно утратилъ право занимать общественныя должности, если за послѣдніе два года въ процессѣ предъ такъ называемымъ судомъ чести (Ehrengericht) получилъ выговоръ или былъ приговоренъ къ штрафу, превышающему 150 марокъ. Впрочемъ, отказъ можетъ быть обжалованъ суду чести. Допущеніе къ занятію адвокатурой при имперскомъ судѣ разрѣшаетъ президентъ послѣдняго. Приписка имѣетъ мѣсто по отношенію къ опредѣленному земскому суду (Landesgericht) или высшему земскому суду (Oberlandesgericht). Она можетъ имѣть мѣсто по отношенію къ земскому и одному или нѣсколькимъ мировымъ судьямъ, находящимся въ округѣ этого земскаго суда. Адвокатъ, подлежащій приведенію къ присягѣ, долженъ избрать жительство въ мѣстѣ суда или въ округѣ его.

Вопросъ о необходимости, ощущаемой населеніемъ въ адвокатахъ, не затронутъ германскимъ законодательствомъ, такъ что число адвокатовъ не ограничено извѣстной нормой, и въ этомъ смыслѣ въ Германіи господствуетъ принципъ свободы адвокатуры.

Въ гражданскихъ дѣлахъ, подсудныхъ земскому, высшему земскому и имперскому судамъ, обязательно избраніе адвоката, и сторона не можетъ выступить въ судѣ самолично. Изложеніе фактической стороны дѣла должно производиться лишь приписанными къ суду адвокатами; вмѣсто нихъ на основаніи передовѣрія, точно также по вопросу о правѣ можетъ выступить защитникомъ всякій адвокатъ (однако это не практикуется). Точно также всякій адвокатъ, т. е. и неприписанный, можетъ выступить предъ всѣми судами имперіи въ качествѣ защитника по уголовнымъ дѣламъ или въ качествѣ заступника (Beistand) стороны и вообще можетъ функціонировать во всѣхъ случаяхъ, когда закономъ не требуется замѣстительство стороны чрезъ адвоката.

Адвокатъ не обязанъ принимать всякое порученіе; онъ однако долженъ не медля отклонить отъ себя подобное порученіе, точно также онъ долженъ отказаться отъ всякаго рода дѣятельности, противной достоинству и чести сословія. Бѣднымъ сторонамъ судъ долженъ назначить адвоката, который только въ случаѣ уголовнаго дѣла получаетъ вознагражденіе изъ государственныхъ суммъ; въ гражданскомъ же дѣлѣ онъ не можетъ имѣть притязанія на полученіе гонорара, пока положеніе бѣдной стороны не измѣнится къ лучшему.

Въ каждомъ изъ 28 округовъ оберландгерихтовъ всѣ присяжные повѣренные образуютъ адвокатскую камеру (Advocatenkammer). Послѣдняя избираетъ изъ своей среды на 4 года совѣтъ изъ 9 до 15 членовъ, которые избираютъ опять предсѣдателя. Совѣту порученъ надзоръ надъ членами корпораціи; ему же предоставлено быть посредникомъ въ спо-

рахъ между адвокатами и частными лицами, управлять имуществомъ камеры и вообще завѣдывать всѣми дѣлами корпораціи. Члены совѣта исполняютъ свои обязанности безвозмездно; надзоръ за ихъ веденіемъ дѣлъ принадлежитъ президенту оберландгерихта.

Пять членовъ совѣта образуютъ такъ называемый судъ чести (Ehrengericht), который разбираетъ дѣла въ закрытомъ засѣданіи; предъ судомъ чести оберъ-прокуроръ высшаго земскаго суда фигурируетъ въ качествѣ публичнаго обвинителя, а одинъ изъ адвокатовъ, жительствующихъ въ мѣстѣ пребыванія оберландгерихта,—въ качествѣ секретаря. Судебное производство въ судѣ чести въ общемъ регулируется уставомъ уголовнаго судопроизводства. Дисциплинарныя взысканія, налагаемыя судомъ чести, суть слѣдующіе: предостереженіе, выговоръ, денежные штрафы (вносимые въ кассу камеры) не выше 3,000 марокъ (иногда соединенные съ выговоромъ) и, наконецъ, исключеніе изъ списковъ. На приговоръ этого суда можно подавать аппелляціонную жалобу въ земскій или высшій земскій судъ, и на приговоръ послѣдняго кассаціонную въ высшій судъ чести (Ehrengerichtshof), состоящій при имперскомъ судѣ и образующійся изъ перваго президента имперскаго суда, трехъ совѣтниковъ и трехъ членовъ адвокатской камеры этого суда.

Вознагражденіе адвокатовъ производится на основаніи особой таксы отъ 7 іюля 1879 г. Въ основаніи этой таксы лежитъ принципъ такъ называемый Pauschabsätze, т. е. всякій актъ дѣятельности оплачивается по цѣнности объекта, изъ за котораго происходитъ споръ. Однако допускаются и договорныя соглашенія относительно гонорара, но непремѣнно облеченныя въ письменную форму; впрочемъ, въ порядкѣ судопроизводства допускается уменьшеніе этого выговореннаго гонорара, если нарушены предѣлы умѣренности.

Германскіе ученые, при оцѣнкѣ организаціи отечественной адвокатуры, выдвигаютъ два момента, которые, по ихъ мнѣнію, указываютъ на превосходство этого сословія надъ подобными же сословіями многихъ другихъ странъ, а именно 1) германскіе адвокаты получаютъ образованіе одинаковое съ судьями, и это образованіе одинаково для всѣхъ адвокатовъ, такъ что Германіи неизвѣстно то дѣленіе на два класса, которое имѣетъ мѣсто въ другихъ странахъ; 2) между адвокатами, излагающими предъ судомъ притязанія своихъ кліентовъ, и самими кліентами, нѣтъ посредствующаго лица, и это обстоятельство несомнѣнно служитъ интересамъ правосудія. Эти преимущества, по ихъ мнѣнію, еще увеличились бы, еслибы законодательство сдѣлало возможнымъ переходъ изъ адвокатуры въ магистратуру, и такимъ или другимъ образомъ предотвратило бы чрезмѣрный наплывъ молодыхъ людей въ это сословіе и образованіе адвокатскаго пролетаріата. Въ концѣ 1888 года въ Германіи было 4,949 адвокатовъ.

Австро-Венгрія имѣетъ для обѣихъ своихъ составныхъ частей отдѣльныя положенія объ адвокатурѣ—отъ 1868 и 1884 гг.,—которыя

однако въ существенныхъ чертахъ своихъ тожественны. Сословіе регулируетъ свои дѣла довольно самостоятельно—самостоятельнѣе даже, чѣмъ въ Германіи—посредствомъ адвокатскихъ камеръ и совѣтовъ, управляющихъ дѣлами корпораціи и ведущихъ надзоръ. Дисциплинарная власть по закону 1 апрѣля 1872 г. осуществляется особымъ дисциплинарнымъ совѣтомъ (Disciplinarrath). Адвокаты допускаются къ занятію практикой при всѣхъ судахъ Цислейтаніи или Транслейтаніи по выдержаніи особаго адвокатскаго испытанія при аппелляціонномъ судѣ. Къ этому испытанію допускаются только лица, получившія степень доктора правъ и болѣе или менѣе продолжительную (3-хъ или 4-лѣтнюю) практическую подготовку подъ руководствомъ адвоката (Advokaturkandidaten), прокурора или суда.

Что касается гонорара, то австрійское положеніе объ адвокатурѣ упоминаетъ о таксѣ, до сихъ поръ однако еще не обнародованной, поэтому самъ судъ опредѣляетъ плату за веденіе процесса на основаніи стараго декрета отъ 1833 г. Вознагражденіе за отдѣльныя дѣйствія опредѣляется по главнымъ основаніямъ договора о вознагражденіи.

Въ Венгріи высота гонорара можетъ быть опредѣлена договоромъ, но непремѣнно облеченнымъ въ письменную форму. Впрочемъ, о высотѣ издержекъ процесса дѣлаетъ постановленіе судъ.

Въ *Даніи* не существуетъ особаго устава для адвокатуры; сдѣланная въ недавнее время со стороны правительства попытка къ изданію подобнаго устава оказалась неудачною. Въ Даніи извѣстны 3 категоріи адвокатовъ, соотвѣтственно существующимъ тремъ инстанціямъ (высшій королевскій судъ, высшій земскій судъ, уѣздный судъ). Вопросъ о томъ, при какой инстанціи адвокатъ можетъ заниматься практикой, зависитъ отчасти отъ рода избраннаго имъ экзамена (полнаго или неполнаго), отчасти же отъ свидѣтельства, получаемаго имъ на этомъ экзаменѣ. Кромѣ экзамена требуются еще трехлѣтнія практическія занятія подъ руководствомъ адвоката или судьи или же (для адвокатовъ высшихъ инстанцій) самостоятельныя занятія адвокатурой при непосредственно низшихъ инстанціяхъ. Адвокаты назначаются министромъ юстиціи; основанія для отказа ограничены. Не существуетъ ни правила объ обязательности избранія для веденія процесса адвоката, ни ограниченія адвокатуры опредѣленной нормой. Къ извѣстному мѣсту пріурочена только дѣятельность адвокатовъ 3 класса. Въ Даніи нѣтъ ни адвокатскихъ камеръ, ни судовъ чести, ни таксы. Въ гражданскихъ дѣлахъ обыкновенно условливаются относительно гонорара. Въ Даніи имѣется всего 730 адвокатовъ—20 I, 233—II и 477—III класса.

Въ *Шведскомъ* судоустройствѣ, основанномъ на законѣ 1736 г., не находимъ совсѣмъ какой либо организаціи адвокатуры. Отъ повѣренныхъ не требуется ни образовательнаго ценза, ни какой либо другой квалификаціи; стороны процесса не обязаны замѣщать себя чрезъ повѣренныхъ; число послѣднихъ не ограничено закономъ. Послѣдній относительно

повѣренныхъ довольствуется лишь однимъ общимъ опредѣленіемъ: «тѣ, которые желаютъ говорить или отвѣчать на судѣ за другихъ, должны быть честны и разумны и имѣть незапятнанное имя». Однако существуетъ общество «Sveriges Advokat Samfund» приблизительно изъ 50 лицъ, которое на основаніи добровольнаго соглашенія между членами осуществляетъ надъ ними дисциплинарную власть. Вопросъ о вознагражденіи опредѣляется по общимъ правовымъ нормамъ.

Законы 1848 и 1857 гг. регулируютъ положеніе адвокатуры *въ Норвегіи*. Для каждой изъ 3-хъ инстанцій существуетъ по особому классу адвокатовъ, которые всѣ обязательно должны подвергнуться государственному экзамену по юридическимъ наукамъ. Выдерживающій экзаменъ съ отличіемъ (съ отмѣткой «Laudabilis») назначается министромъ юстиціи въ Hoieste-rets-advokater (въ адвокатѣ высшей инстанціи) по истеченіи 3-хъ лѣтъ, если впродолженіе этого промежутка времени онъ занимался адвокатурой при низшихъ инстанціяхъ самостоятельно или при судѣ высшей инстанціи въ качествѣ помощника адвоката, или же занималъ мѣсто университетскаго преподавателя, или же одну изъ извѣстныхъ государственныхъ должностей. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ кандидатъ долженъ выдержать вторичное испытаніе при высшемъ судѣ. Низшія, чѣмъ «Laudabilis», отмѣтки при государственномъ экзаменѣ даютъ право на занятіе адвокатурой только при низшихъ инстанціяхъ въ качествѣ Overrets и Unterretssagförere. Въ общемъ господствуютъ свобода адвокатуры и обязательность веденія процесса чрезъ адвоката. Для послѣдняго нѣтъ обязанности избрать мѣсто жительства. Норвегіи совсѣмъ неизвѣстны ни таксы, ни совѣты повѣренныхъ, ни судъ чести. Для бѣдныхъ сторонъ назначается адвокатъ, который получаетъ вознагражденіе изъ публичныхъ суммъ. Адвокатура и магистратура въ Норвегіи дополняютъ другъ друга. Въ настоящее время имѣется 63 Avocater высшей и 567 Sagförere обѣихъ низшихъ инстанцій.

Замѣчательное разнообразіе въ регулированіи вопроса о повѣренныхъ представляетъ *Швейцарія*. § 33 союзной конституціи объявляетъ только: «кантонамъ предоставляется поставить осуществленіе научныхъ профессій въ зависимость отъ доказательства способности». Соотвѣтственно съ этимъ въ странѣ господствуетъ необыкновенное разнообразіе въ организаціи адвокатуры. Въ Ури защитникъ—должностное лицо, избираемое на извѣстное время общиной. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ (Бернѣ, Люцернѣ, Фрейбургѣ, Солотурнѣ, Невшателѣ, Женевѣ и друг.) адвокатъ долженъ имѣть оффиціальный патентъ; въ другихъ мѣстахъ господствуетъ полная свобода, такъ что всякій, не лишенный честнаго имени, можетъ принять адвокатскія порученія. Замѣстительство сторонъ предъ мировыми судьями (Vermittelungsämter) почти вездѣ запрещается; въ Аппенцелѣ не допускается заступничество при спорахъ гражданъ кантона между собою, въ Ааргау—при объектахъ, стоимостью ниже 200 франковъ. Иногда повѣренный одного кантона не имѣетъ права защищать въ другомъ, но по

большей части и на это дается молчаливое согласіе. Въ противуположность этой всеобщей свободѣ, которая знаетъ требованіе избранія адвоката только въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ, нѣкоторые кантоны предъявляютъ къ желающему заниматься адвокатурой требованіе предварительной научной подготовки—двухъ или трехлѣтнихъ научныхъ занятій въ университетѣ,—выдержанія экзамена (въ Бернѣ даже двухъ) при высшемъ судѣ и практической подготовки подъ руководствомъ адвоката или другихъ должностныхъ лицъ; въ Женевѣ и Ваатландѣ требуется еще полученіе докторскаго диплома. Эти требованія предъявляются во французской Швейцаріи и въ Тессинѣ, а изъ нѣмецкихъ кантоновъ—только въ Бернѣ и Люцернѣ. Нѣкоторые кантоны имѣютъ и таксы, которыя однако употребляются довольно рѣдко. Впрочемъ, при спорахъ о гонорарѣ величину его обыкновенно опредѣляетъ председатель суда; очень часто ассоціаціи адвокатовъ сами опредѣляютъ таксу для своихъ членовъ. Эти ассоціаціи, возникающія на основаніи добровольнаго соглашенія между членами, какъ, напримѣръ, цюрихское общество адвокатовъ, при отсутствіи особыхъ предписаній осуществляютъ извѣстную дисциплинарную власть по отношенію къ членамъ. Нѣкоторые кантоны требуютъ отъ адвокатовъ представленія залоговъ, какъ, напримѣръ, въ Солотурнѣ, гдѣ величина залога опредѣлена въ 6,000 франковъ.

Въ статьѣ Шликкманна имѣются и нѣкоторыя свѣдѣнія о нашей адвокатурѣ, но въ виду ихъ общеизвѣстности, мы не считаемъ нужнымъ приводить ихъ здѣсь. Замѣтимъ только, что организація нашей адвокатуры по судебнымъ уставамъ построена по французскому образцу; составители судебныхъ уставовъ не нашли только нужнымъ перенести на нашу почву дѣленіе адвокатуры на стряпчихъ и адвокатовъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ не имѣющее корней въ нашемъ историческомъ прошломъ. Особенно сильно напоминаетъ французскую систему нашъ органъ надзора, а именно совѣтъ, вполнѣ сходный съ французскимъ Conseil de l'Ordre.

С. О.

ХОЗЯЙСТВЕННО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Юридическаго Вѣстника» (Юрид. Вѣстн., 1890 г., апрѣль), Н. М. Астыревъ далъ очеркъ организаціи хозяйственно-статистическаго изслѣдованія трехъ округовъ Иркутской губерніи, произведеннаго по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ и подъ ближайшимъ руководствомъ бывшаго иркутскаго генералъ-губернатора, графа А. П. Игнатьева. Одновременно съ этою, столь важною въ исторіи изученія Сибири работой, а именно въ теченіе 1887—1889 годовъ, отрядомъ изъ шести лицъ, по непосредственному распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, произведено было такое же изслѣдованіе семи округовъ Тобольской губерніи (округа Березовскій и Сургутскій, въ виду несомнѣнной преждевременности ихъ земельнаго устройства, изслѣдованы не были; Тюменскій былъ изслѣдованъ еще въ 1886 г. особымъ отрядомъ изъ четырехъ лицъ). Постановка и организація хозяйственно-статистическихъ работъ въ Тобольской губерніи представляла нѣкоторыя существенныя отличія отъ постановки и организаціи ихъ какъ въ Восточной Сибири, такъ и въ тѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи, гдѣ дѣйствовали земско-статистическія бюро. Въ виду этого, мы рѣшаемся представить здѣсь краткій очеркъ этихъ работъ, полагая, что описаніе организаціи ихъ и принятыхъ въ основаніе ихъ методовъ изслѣдованія можетъ представить нѣкоторый самостоятельный, по преимуществу методологическій интересъ.

Основная отличительная черта работъ отряда изслѣдователей Тобольской губерніи заключается въ незначительности состава этого отряда, сравнительно съ пространствомъ и населенностью подлежавшихъ изслѣдованію мѣстностей и предоставленнымъ въ распоряженіе ихъ временемъ: въ теченіе менѣе чѣмъ двухлѣтняго періода каждому изъ шести командированныхъ въ Тобольскую губернію лицъ пришлось одному, безъ содѣйствія какихъ либо помощниковъ или счетчиковъ, изслѣдовать по цѣлому округу (а одному изъ изслѣдователей удалось въ теченіе того же

времени изслѣдовать два округа) съ населеніемъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, отъ 103 до 225 тысячъ душъ обоего пола, разбросаннымъ на болѣе или менѣе обширной территоріи. Ясно, что въ подобныхъ условіяхъ выработанный земскими бюро и примѣненный восточно-сибирскими статистиками пріемъ изслѣдованія, въ основаніи котораго лежитъ поголовная подворная опись всего населенія, представлялся непримѣнимымъ; нужно было произвести изслѣдованіе такимъ способомъ, который, давая достаточныя для полученія достовѣрныхъ выводовъ данныя, вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ бы довести затрату труда, а слѣдовательно, и продолжительность работы, до возможнаго минимума. Въ видахъ достиженія этой цѣли данная тобольскимъ изслѣдователямъ инструкція рекомендовала имъ «по совѣщаніи съ лицами, извѣстными своими познаніями хозяйственнаго быта мѣстнаго крестьянства, распредѣлить всю губернію на типическія полосы въ климатическихъ, топографическихъ и естественныхъ условіяхъ, отражающихъ виды и свойства хозяйства, и выбрать въ этихъ полосахъ типическіе районы, дающіе характеристику мѣстнаго землепользованія и хозяйства, въ которыхъ и должны быть произведены изслѣдователями по преподанной имъ программѣ хозяйственно-статистическія изслѣдованія». Выборъ въ районахъ селеній «для производства въ нихъ изслѣдованій хозяйственнаго положенія крестьянъ» возлагался инструкціею на самихъ изслѣдователей.

Такая постановка, конечно, дала бы изслѣдователямъ возможность легко и быстро справиться съ дѣломъ, такъ какъ дозволила бы ограничиться изслѣдованіемъ сравнительно небольшаго числа селеній; но на практикѣ она оказалась совершенно неосуществимою: по прибытіи изслѣдователей въ г. Омскъ, а затѣмъ въ подлежавшіе изслѣдованію округа, выяснилась полная невозможность сдѣлать до приступа къ изслѣдованію хотя бы приблизительное распредѣленіе губерніи или отдѣльныхъ округовъ на типическія полосы или районы: ни въ составѣ мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ, ни между чиновниками по крестьянскимъ дѣламъ и другихъ подобными лицами, которыя по положенію своему могли и должны были бы имѣть какое нибудь понятіе объ экономическомъ положеніи мѣстнаго крестьянства, не оказалось людей, по указаніямъ которыхъ можно было бы составить себѣ хотя бы самое общее, но правильное и ясное понятіе о хозяйственномъ строѣ и о группировкѣ подлежавшихъ изслѣдованію мѣстностей. Нельзя было найти такого рода указаній и въ литературѣ: такъ единственная болѣе спеціальная статья, посвященная описанію трехъ южныхъ округовъ Тобольской губерніи, именно статья г. Петропавловскаго («По Ишиму и Тоболу», см. Записки зап.-сиб. отд. Имп. геогр. общ., т. VIII) оказалась составленною исключительно по наслышкѣ, а приводимыя въ ней данныя — довольно мало соотвѣтствующими дѣйствительности. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, а также въ виду чрезвычайнаго разнообразія, не только въ предѣлахъ цѣлой губерніи или округа, но даже въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ

волостей, естественно-историческихъ и экономическихъ условій, выяснить истинную группировку каждаго округа на районы оказалось возможнымъ не ранѣе, чѣмъ по окончаніи разработки всѣхъ собранныхъ изслѣдователемъ данныхъ, а слѣдовательно, проектированный инструкціею способъ изслѣдованія, въ предѣлахъ заранѣе очерченныхъ районовъ, небольшаго числа типическихъ селеній оказался неудобопримѣнимымъ. Съ паденіемъ этого способа предъ изслѣдователями раскрылась полная свобода дѣйствій.

Итакъ, каждому изъ изслѣдователей предстояла задача: изыскать такой способъ дѣйствій, который позволилъ бы съ возможно меньшею затратою времени изслѣдовать хозяйственныя условія всѣхъ входящихъ въ составъ порученнаго ему округа мѣстностей и селеній. Къ разрѣшенію этой задачи не всѣ изслѣдователи пошли однимъ и тѣмъ же путемъ.

Въ настоящемъ очеркѣ изложена сущность метода, примѣненнаго къ изслѣдованію округовъ Ишимскаго и Туринскаго, а также въ главнѣйшихъ чертахъ—Тюкалинскаго и Тобольскаго; основныя черты организаціи работъ во всѣхъ четырехъ округахъ были однѣ и тѣ же.

Прежде всего въ видахъ возможной экономіи времени и труда изслѣдователи нѣсколько съузили самый кругъ своихъ работъ: за основной принципъ было принято *собирать только такого рода данныя, которыя не могутъ быть добыты иначе, какъ путемъ мѣстнаго хозяйственно-статистическаго изслѣдованія*,—слѣдовательно, данныя, основанныя на личныхъ осмотрахъ и опросахъ населенія,—и лишь въ предѣлахъ самой крайней необходимости пополнять ихъ данными, извлеченными изъ архивовъ волостныхъ правленій. Данныя инаго рода,—напримѣръ, извлеченныя изъ архивовъ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, изъ межевыхъ дѣлъ, изъ литературы,—какъ бы полезны и цѣнны они ни были, систематически исключались изъ круга производившихся изслѣдователями работъ.

Въ той формѣ, въ которую окончательно вылился описываемый нами методъ изслѣдованія и въ которой онъ былъ примѣненъ къ изученію Туринскаго округа, работа по собиранію хозяйственно статистическихъ данныхъ распредѣлялась на три объѣзда. Первый объѣздъ округа, производимый непремѣнно лѣтомъ, имѣлъ цѣлью производство всѣхъ необходимыхъ осмотровъ пахатныхъ, сѣнокосныхъ и иныхъ угодій, собираніе образцовъ для почвенной коллекціи и самое общее ознакомленіе съ экономическимъ характеромъ и группировкой отдѣльныхъ волостей,—ознакомленіе необходимое главнымъ образомъ для того, чтобы намѣтить пункты для будущихъ подворныхъ описей (см. ниже). При первомъ объѣздѣ въ каждой волости посѣщалось только нѣсколько селеній, разбросанныхъ по разнымъ ея концамъ; въ селеніяхъ этихъ производился только общій поселенный опросъ, и притомъ по сокращенной программѣ; особенное вниманіе обращалось на выясненіе вопроса, какія селенія данной и смежныхъ волостей находятся между собой въ сходныхъ условіяхъ, и какія,

напротивъ, по тѣмъ или другимъ основаніямъ должны быть выдѣлены въ самостоятельныя группы.

При *второмъ* объѣздѣ принималось за правило собирать полныя общія свѣдѣнія, согласно данной министерствомъ программѣ, другими словами, производить поселенныя описанія во всѣхъ селеніяхъ округа. Для сокращенія значительной затраты времени, которой потребовало бы посѣщеніе каждаго отдѣльнаго селенія, производились, если можно такъ выразиться, *собирательные* опросы (исключеніе составляли селенія, въ которыя, въ виду ихъ изолированнаго мѣстоположенія, вызывать народъ изъ другихъ селеній было бы неудобно); для этой цѣли въ тѣ пункты, которые посѣщались изслѣдователями, призывалось изъ ближайшихъ двухъ—трехъ селеній по нѣскольку, обыкновенно по четыре человѣка, которые и опрашивались совмѣстно; помимо значительной экономіи труда, важное преимущество этого способа дѣйствій заключалось въ томъ, что онъ въ высокой степени обезпечивалъ *достовѣрность* получавшихся изъ опросовъ данныхъ; совмѣстный опросъ давалъ возможность взаимнаго контроля показаній: благодаря полному отсутствію солидарности,— мало того,— благодаря сильнѣйшей розни, повсемѣстно господствующей между смежными общинами, при совмѣстномъ опросѣ обыкновенно удавалось изъ возникавшихъ между представителями этихъ общинъ пререканій извлечь рядъ достовѣрныхъ свѣдѣній по такимъ вопросамъ, которые при отдѣльномъ опросѣ крестьянъ одного селенія едва ли могли бы быть достаточно выяснены; сюда относятся, въ особенности, вопросы: о размѣрахъ и качествѣ угодій, о рыболовствѣ, о мірскихъ доходахъ и оброчныхъ статьяхъ, о размѣрахъ арендной платы за землю и т. п.

По поводу удобопримѣнимости описаннаго порядка производства поселенныхъ опросовъ можетъ возникнуть сомнѣніе, не будетъ ли достоинство свѣдѣній, полученныхъ путемъ опроса не цѣлыхъ сходовъ, а небольшаго количества домохозяевъ, слишкомъ зависѣть отъ случайнаго состава явившихся къ опросу лицъ; въ частности, при такомъ порядкѣ лицамъ этимъ, въ виду ихъ малочисленности, не будетъ ли очень легко сговариваться между собой и давать невѣрныя показанія? Но опытъ блистательно доказалъ неосновательность этихъ сомнѣній. Правда, въ самомъ началѣ работъ, пока крестьяне не знали цѣли пріѣзда «чиновниковъ», «слѣдователей», по вызову ихъ часто «наряжались» десятскими очередные суточные домохозяева, въ числѣ которыхъ, конечно, нерѣдко были и лица совершенно не способныя давать разумныя показанія; но затѣмъ, когда цѣль пріѣзда изслѣдователей сдѣлалась общеизвѣстна, крестьяне по собственной инниціативѣ стали посылать изъ своей среды самыхъ дѣльныхъ и толковыхъ. Къ опросамъ обыкновенно являлись домохозяева, служащіе или служившіе по выбору отъ своихъ обществъ довѣренными по передѣлу земли, уполномоченными при межеваніяхъ или при общей по округу раскладкѣ земскихъ повинностей, волостными судьями и т. п., вообще лица, пользующіяся особеннымъ довѣріемъ однообщественниковъ;

при этомъ частью по собственному почину крестьянъ, частью же вслѣдствіе дававшихся изслѣдователями старостамъ и другимъ сельскимъ начальникамъ указаній, между являвшимися къ опросу крестьянами почти всегда бывали представители какъ зажиточной, такъ и бѣдной части населенія, что конечно тоже въ значительной степени способствовало выясненію истины, особенно въ вопросахъ, относящихся до податныхъ и земельныхъ распорядковъ. Достойно упоминанія, что пишущимъ эти строки сдѣлано было нѣсколько попытокъ общей бесѣды съ цѣлыми сельскими сходами; но попытки эти дали гораздо менѣе удовлетворительные результаты, чѣмъ тѣ, которыя получались при описанномъ выше порядкѣ опроса: бесѣду либо вели, при полномъ молчаніи прочихъ общественниковъ, два—три коновода изъ богатѣевъ, либо же, если удавалось завязать общій разговоръ, то послѣдній переходилъ въ безтолковое «галдѣніе», извлечь изъ котораго какія нибудь положительныя свѣдѣнія было иногда очень затруднительно. Что касается, наконецъ, до преднамѣренно лживыхъ показаній, то они, какъ показалъ опытъ подворныхъ описей, въ такой же мѣрѣ возможны при опросахъ цѣлыхъ сходовъ, какъ и при бесѣдѣ съ ограниченнымъ числомъ домохозяевъ.

Параллельно съ поселенными описаніями производились при второмъ объѣздѣ подворныя описи; но такъ какъ подворная опись всего населенія округа была бы работою, превышающею силы одного человѣка, то описи производились не во всѣхъ, а только въ нѣкоторыхъ, по выбору изслѣдователя, селеніяхъ. На основаніи данныхъ, добытыхъ при первомъ объѣздѣ и по соображенію съ ситуаціонными планами, недоимочными вѣдомостями и т. п. данными, изслѣдователь выяснялъ себѣ, въ общихъ чертахъ, естественное и экономическое расчлененіе каждой волости на группы и производилъ подворныя описи такимъ образомъ, чтобы каждая изъ такихъ группъ была представлена, смотря по ея пространству и населенности, однимъ или нѣсколькими описанными подворно селеніями. Если предварительно собранныя свѣдѣнія не давали твердыхъ указаній на какую либо ясно выраженную группировку волости, если, слѣдовательно, хозяйственныя и другія условія во всей волости оказывались болѣе или менѣе однообразными, то изслѣдователь назначалъ для подворныхъ описей число селеній, пропорціонально соотвѣтствующей общей населенности волости, и затѣмъ для описей избирались по возможности пункты, равномѣрно распредѣленные на территоріи волости; селенія для описей выбирались съ такимъ разсчетомъ, чтобы съ одной стороны опись въ селеніи ни подъ какимъ видомъ не заняла болѣе одного полнаго рабочаго дня, а съ другой—чтобы селеніе не было слишкомъ незначительно. По этому для подворныхъ описей брались по преимуществу селенія, состоящія изъ 60 — 80 дворовъ; нерѣдко однако приходилось переписывать подворно деревни съ населеніемъ до 100—120, а въ Ишимскомъ округѣ, иногда и до 150 дворовъ (такія селенія описать въ одинъ день удавалось, конечно, только при самомъ крайнемъ напряженіи силъ), или останавли-

ваться на селеніяхъ, состоящихъ изъ меньшаго, а иногда и значительно меньшаго противъ приведенной нормы числа дворовъ.

Выбирая, по изложеннымъ основаніямъ, селенія для производства въ нихъ подворныхъ описей, авторъ настоящаго очерка переписалъ подворно въ Ишимскомъ округѣ 90 селеній, состоящихъ изъ 8,260 дворовъ, съ населеніемъ въ 42,712 душъ, въ Туринскомъ—62 селенія съ 2,477 дворами и населеніемъ въ 13,451 душъ обоего пола; въ первомъ изъ названныхъ округовъ переписано приблизительно около $^1/_6$, во второмъ—около $^1/_5$ части всего подлежавшаго изслѣдованію населенія.

Обратимся теперь къ содержанію подворныхъ описей. Въ подворную карточку записывался *составъ* домохозяйства съ распредѣленіемъ по полу и по возрасту (на 5 группъ: дѣти, подростки, полные работники, пожилые полуработники, старики); *число* въ хозяйствѣ *наемныхъ* срочныхъ работниковъ, причемъ указывалось отдѣльно число работниковъ (работницъ) *годовыхъ* и нанятыхъ на *сроки: зимній, весенній* и *лѣтній*, а равно размѣръ истраченной на наемъ *суммы*; размѣръ *расхода на поденный и задѣльный наемъ* на главнѣйшія земледѣльческія работы (отдѣльно на сѣнокосъ, жатьё, молотьбу) съ выдѣленіемъ суммъ *«заданныхъ» въ долгъ подъ работу*; *живой инвентарь*: лошади (рабочія, не рабочія), рогатый скотъ (коровы, остальной скотъ), овцы, козы, свиньи; число *надѣльныхъ* и *раскладочныхъ душъ;* количество *арендованной* или *сданной* въ аренду земли, пахатной и сѣнокосной, съ подраздѣленіемъ аренды на надѣльную и внѣнадѣльную; *хозяйственное назначеніе пашенъ*: количество поднятыхъ хозяиномъ залоговъ (новей), приготовленныхъ къ будущему посѣву паровъ (въ томъ числѣ, отдѣльно, пространство удобренной пашни) и засѣянной земли по каждому виду хлѣбовъ отдѣльно. Кромѣ этихъ вопросовъ, найдено было возможнымъ ввести въ описи рядъ вопросовъ, направленныхъ къ болѣе точному выясненію истиннаго экономическаго положенія каждаго отдѣльнаго двора и роли въ его хозяйствѣ отдѣльныхъ источниковъ благосостоянія—земледѣлія, скотоводства, промысловъ, кредита и т. п., и отчасти относящихся къ потребительной статистикѣ. Сюда относятся вопросы: объ *урожаѣ* въ данномъ году *сѣна* (сколько накошено копенъ); объ *избыткѣ* или *недостаткѣ* въ хозяйствѣ при данномъ урожаѣ *зерноваго хлѣба* (сколько и по какимъ цѣнамъ продано или куплено въ теченіе года, на продовольствіе или на обсѣмененіе полей того или другаго вида хлѣба), *сѣна* и *дровъ* (сколько и почемъ продано или куплено); о *количествѣ скота, павшаго* въ послѣдній падежъ или *украденнаго* конокрадами; о *размѣрѣ заработка* двора *отъ найма* въ срочную, поденную или задѣльную земледѣльческую работу по каждому виду найма особо; *промысловыя занятія* двора съ указаніемъ *количества* произведеннаго *продукта*, размѣра *валоваго заработка* и *издержекъ* производства. Если рѣчь шла о промыслѣ падающемъ, то, чтобы дать возможность судить о степени упадка, отмѣчался заработокъ не только въ данномъ году, но и въ эпоху наиболь-

шаго процвѣтанія промысла; *задолженность* двора съ показаніемъ отдѣльно «забора» подъ страдную работу. Такимъ образомъ въ тобольскія подворныя описи введенъ былъ рядъ такихъ вопросовъ, которые опытомъ нѣкоторыхъ земскихъ статистическихъ бюро признаны неудобными; таковы въ особенности вопросы о покупкѣ и продажѣ хлѣба. Если тобольскіе изслѣдователи въ этомъ случаѣ отступили отъ указаній опыта земскихъ работъ, то они руководствовались въ этомъ случаѣ, между прочимъ, и кореннымъ различіемъ своихъ подворныхъ описей отъ земскихъ: послѣднія охватываютъ *все* населеніе изслѣдуемой мѣстности; напротивъ, тобольскіе изслѣдователи производили подворныя описи не во всѣхъ, а только въ *части* селеній; при выборѣ пунктовъ для подворныхъ описей они могли, кромѣ другихъ соображеній, руководствоваться и тѣмъ или другимъ отношеніемъ къ нимъ населенія (авторъ настоящаго очерка, убѣдившись при поселенномъ опросѣ въ намѣченномъ для подворной описи селеніи въ слишкомъ явномъ недоброжелательствѣ крестьянъ, неоднократно отмѣнялъ предположенную опись и переносилъ ее въ другой пунктъ),—могли также въ виду плохихъ отвѣтовъ населенія пріостановить производство уже начатой описи, или даже опись, доведенную до конца, но впослѣдствіи оказавшуюся недостаточно надежною, исключить изъ разработки. Опытъ показалъ слѣдующее: во всѣхъ тѣхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ, когда удавалось провѣрить показанія, напримѣръ, о продажѣ хлѣба, они оказывались достаточно сходными съ истиною; путемъ вопроса о продажахъ хлѣба не рѣдко удавалось изобличать преднамѣренную ложность данныхъ крестьянами при поселенномъ опросѣ показаній о качествѣ земли и о состояніи хлѣбопашества, а въ общей разработкѣ, напримѣръ, по Ишимскому округу данныя о продажахъ хлѣба дали даже нѣсколько болѣе благопріятные для общей характеристики крестьянскаго благосостоянія выводы; слѣдовательно, оказались никакъ ужъ не менѣе достовѣрными, чѣмъ данныя, извлеченныя изъ поселенныхъ описаній.

Какъ извѣстно, лучшее средство для полученія отъ крестьянъ (да и вообще отъ всякаго населенія) добросовѣстныхъ показаній заключается въ томъ, чтобы заручиться ихъ полнымъ довѣріемъ. Нельзя не признаться, что тобольскимъ изслѣдователямъ далеко не всегда удавалось въ полной мѣрѣ достигнуть этой цѣли: въ большинствѣ случаевъ никакія разъясненія не могли разсѣять укоренившагося у крестьянъ недовѣрія къ «чиновнику» и убѣжденіе, что всякіе чиновничьи разспросы въ концѣ концовъ ведутъ къ возрастанію лежащаго на крестьянахъ податнаго бремени или къ отрѣзкѣ изъ ихъ пользованія земельныхъ угодій. Попадались, правда, и такія селенія, гдѣ крестьяне относились къ изслѣдователю съ полною искренностью, не дѣлая никакихъ попытокъ къ утайкѣ своего истиннаго экономическаго положенія, и, наоборотъ, всѣми силами содѣйствуя успѣшному ходу подворной описи; но въ большинствѣ случаевъ, повторяемъ, крестьяне не питали къ изслѣдователю и къ за-

дачѣ его работы той степени довѣрія, какая могла бы склонить ихъ безъ всякихъ постороннихъ побужденій свободно давать добросовѣстныя показанія. Для полученія послѣднихъ приходилось поэтому изыскивать другія средства.

На первомъ мѣстѣ надо поставить здѣсь возможность импонировать крестьянамъ, заставить ихъ предположить, что изслѣдователь пріѣхалъ не съ пустыми руками, а съ нѣкоторымъ запасомъ свѣдѣній о ихъ благосостояніи, и что поэтому ему *нельзя* говорить всякаго вздора, какой на умъ взбредетъ. Въ этихъ видахъ изслѣдователь всегда старался предварительно приступа къ подворной описи добыть точныя свѣдѣнія о размѣрахъ земледѣльческаго хозяйства и о торговыхъ операціяхъ двухъ—трехъ выдающихся по своей зажиточности крестьянъ, что не представляло затрудненій, такъ какъ подобные крестьяне всегда извѣстны по цѣлой волости, а иногда и далеко за ея предѣлами. Значительную помощь оказывали въ этомъ смыслѣ и подворные списки, составленные волостными правленіями, такъ какъ списки эти, хотя и часто совершенно не вѣрные, давали однако возможность судить о степени относительнаго благосостоянія того или другаго домохозяина. Изобличеніе пытавшихся вводить изслѣдователя въ обманъ крестьянъ въ значительной мѣрѣ облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьяне изслѣдованной мѣстности *не умѣютъ послѣдовательно лгать*, — не могутъ согласовать всей совокупности своихъ показаній: если крестьянинъ покажетъ меньшую противъ дѣйствительности общую цифру десятинъ посѣва, то на вопросы о количествѣ посѣва отдѣльныхъ хлѣбовъ онъ непремѣнно дастъ такія частныя показанія, сумма которыхъ не сойдется съ ранѣе показанною имъ общею цифрою; въ другихъ случаяхъ окажется несоразмѣрность между количествомъ надѣльной и арендованной земли и размѣрами запашки; между размѣрами посѣва и затратой на уборку хлѣба; между размѣрами запашки и количествомъ рабочаго скота и пр. и пр.

Если по тѣмъ или инымъ признакамъ замѣчалась ложность въ показаніяхъ, то изслѣдователь, смотря по обстоятельствамъ, поступалъ различно: иногда оказывалось достаточнымъ прервать дающаго ложное показаніе домохозяина и предложивъ ему «подумать», «опамятоваться», временно перейти къ опросу другихъ лицъ; когда такой крестьянинъ чрезъ полчаса вызывался вторично, то обыкновенно оказывалось, что при первомъ опросѣ онъ «забылъ» про участокъ земли, распаханный въ какомъ нибудь урочищѣ, «запамятовалъ о грузѣ хлѣба, отвезенномъ на продажу къ такой-то ярмаркѣ», «обчелся» при счетѣ своего скота, не понялъ заданнаго ему вопроса: «мы люди не грамотные», говорилось обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, «сразу и не смекнемъ». Если утайки замѣчались не за отдѣльными лицами, а имѣли поголовный характеръ въ связи съ поведеніемъ схода, свидѣтельствующій о предварительнымъ соглашеніи, то спросивъ 10—15 домохозяевъ, изслѣдователь совершенно пріостанавливалъ работу и, разъяснивъ крестьянамъ, что ихъ показанія не вводятъ

его, изслѣдователя, въ заблужденіе, что упорное скрываніе истины можетъ привести къ вреднымъ для нихъ самихъ послѣдствіямъ, и внушивъ имъ «подумать» и «посовѣтовать» между собой, удалялся изъ сборнаго помѣщенія; чрезъ нѣсколько времени обыкновенно являлись представители схода «съ повинною»; подворная опись начиналась съ самаго начала, и при такомъ повторномъ опросѣ въ значительномъ большинствѣ случаевъ получались достаточно добросовѣстныя показанія; если же крестьяне и послѣ того упорствовали на прежнихъ ложныхъ показаніяхъ, то опись прекращалась окончательно.

Важнымъ орудіемъ для раскрытія истиннаго положенія описываемаго подворно населенія служило то обстоятельство, что описи всегда производились въ присутствіи всѣхъ домохозяевъ селенія, какъ крестьянъ старожиловъ, такъ и ссыльно-поселенцевъ. Весьма возможно, что если бы у крестьянъ было больше солидарности и сознанія общности своихъ мѣстныхъ интересовъ, то никакія средства не могли бы отклонить ихъ отъ дачи ложныхъ показаній, разъ это было ими заранѣе условлено; полное отсутствіе такой солидарности и, наоборотъ, — сильная разрозненность крестьянъ сослужили успѣху изслѣдованія вообще и подворныхъ описей въ частности большую службу. Не говоря уже о междудеревенской розни, часто дававшей изслѣдователю возможность въ одномъ селеніи узнавать всю подноготную про экономическія условія другаго смежнаго селенія,— въ составѣ населенія каждой отдѣльной общины оказывался обыкновенно рядъ группъ, имѣющихъ совершенно противорѣчивые частные интересы и потому другъ другу враждебныхъ; прежде всего въ этомъ смыслѣ выдѣлялась группа ссыльно-поселенцевъ (гдѣ только таковые есть), затѣмъ группы «бѣдноты» и «справныхъ» хозяевъ—богачей. Враждебное отношеніе первыхъ двухъ изъ названныхъ группъ къ членамъ послѣдней обыкновенно приводило къ тому, что «справные», — лица наиболѣе заинтересованныя въ утайкѣ при подворной описи степени своего благосостоянія, *не имѣли возможности* его утаивать: при попыткахъ въ этомъ смыслѣ между бѣдняками начинался ропотъ; изъ заднихъ рядовъ раздавались разныя остроты и замѣчанія, а «кто посмѣлѣе», чаще всего кто нибудь изъ ссыльныхъ, прямо заявлялъ изслѣдователю о ложности показаній «богатѣя». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ виду явно преднамѣренной лживости показаній, производство описи пріостанавливалось и сходу предлагалось «одуматься», между «богатѣями» и «бѣднотой» сейчасъ же начинались пререканія; на богатыхъ сыпались нападки въ родѣ: «вы и такъ намъ жить не даете, да и тутъ всю тягость (платежи) на насъ свалить хотите», и въ результатѣ представители схода являлись къ изслѣдователю «съ повинною»: мы дескать и сами рады бы правду сказывать, да богатые намъ не давали, а теперь ты насъ вразумилъ,— мы ужъ имъ хлопать (лгать) не дадимъ. Чтобы лучше воспользоваться этою рознью, я послѣ первыхъ нѣсколькихъ описей сталъ требовать отъ собранія крестьянъ, чтобы они, лично присутствуя при описи, вмѣстѣ съ

тѣмъ назначали изъ своей среды трехъ —четырехъ «довѣренныхъ» или «понятыхъ», между которыми непремѣнно были бы представители и «бѣдноты» и ссыльныхъ,—и эти довѣренные были весьма полезны какъ въ самомъ ходѣ подворнаго опроса, такъ и для оцѣнки степени достовѣрности его результатовъ.

Въ результатѣ всего изложеннаго можно сказать, что если изслѣдователямъ не всегда удавалось получать путемъ подворныхъ описей вполнѣ точныя данныя, то они всегда знали *степень достовѣрности* послѣднихъ, благодаря чему, какъ было уже указано выше, имѣли возможность исключить изъ разработки тѣ изъ подворныхъ описей, достовѣрность которыхъ оказалась недостаточною. По нѣкоторымъ селеніямъ изъ числа тѣхъ, въ которыхъ опись, вообще говоря, удалась, оказались недостовѣрными и данныя о продажѣ хлѣба, такъ что, напримѣръ, по Ишимскому округу разработка этихъ данныхъ произведена всего по 82 изъ тѣхъ девяноста переписанныхъ подворно селеній, данныя по которымъ вошли въ общую разработку.

Обратимся теперь къ вопросу о значеніи полученныхъ этимъ путемъ подворныхъ описей. Вопросъ этотъ, достаточно выясненный наукою и практикой по отношенію къ поголовнымъ подворнымъ описямъ, непремѣнно долженъ быть поставленъ по отношенію къ работѣ тобольскихъ изслѣдователей, такъ какъ послѣдніе производили описи не поголовно, а лишь въ избранныхъ селеніяхъ, признанныхъ типическими. Необходимо долженъ поэтому возникнуть вопросъ, въ какой степени цифровые выводы, полученные изъ произведенныхъ описаннымъ, такъ сказать, выборочнымъ порядкомъ подворныхъ описей, могутъ считаться характерными для цѣлыхъ представляемыхъ переписанными подворно селеніями мѣстностей. Отвѣта на этотъ вопросъ надо искать не столько въ апріорныхъ соображеніяхъ, сколько a posteriori,—въ степени соотвѣтствія извлеченныхъ изъ подворныхъ описей данныхъ съ данными, полученными изъ другихъ источниковъ. Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ дать пока только по отношенію къ одному Ишимскому округу, отчетъ по которому уже законченъ печатаніемъ; сопоставленіе результатовъ произведенныхъ въ этомъ округѣ подворныхъ описей и въ частности порайоннаго распредѣленія выведенныхъ изъ нихъ относительныхъ и среднихъ величинъ съ тою харастеристикою районовъ, которая является результатомъ разработки, съ одной стороны, данныхъ, извлеченныхъ изъ поселенныхъ хозяйственныхъ описаній, а съ другой—данныхъ о формахъ податныхъ раскладокъ, о размѣрахъ недоимокъ и т. п., позволяетъ намъ придти по этому вопросу къ весьма благопріятному заключенію: за немногими ничтожными исключеніями выводы, сдѣланные изъ данныхъ той и другой категоріи, совершенно совпадаютъ между собой. Было бы, конечно, лучше, если бы подворныя описи были произведены во всѣхъ селеніяхъ округа; но такъ какъ въ виду изложенныхъ въ началѣ настоящаго очерка условій это было невозможно, то произведенныя опи-

саннымъ «выборочнымъ» способомъ описи должны быть признаны имѣющими весьма важное значеніе для характеристики округа.

Но если, какъ мы только что сказали, выводы изъ произведенныхъ выборочнымъ порядкомъ подворныхъ описей совпадаютъ съ выводами изъ данныхъ, полученныхъ иными путями, то не являются ли подворныя описи излишнею роскошью, и нельзя ли было бы всё изслѣдованіе свести къ однимъ поселеннымъ описаніямъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ несомнѣнно долженъ быть данъ отрицательный. Подворныя описи были бы необходимы даже въ томъ случаѣ, если бы онѣ только повторяли языкомъ цифръ то же самое, что говорятъ поселенныя описанія,—были бы необходимы потому, что придаютъ всей работѣ бо́льшую стойкость и вѣсъ, такъ какъ оставляютъ гораздо меньше простора субъективному усмотрѣнію изслѣдователя, которое при составленіи и особенно при разработкѣ поселенныхъ описаній могло играть большую роль. Но содержаніе подворныхъ описей далеко не ограничивается такимъ повтореніемъ: онѣ дали возможность исправлять и дополнять данныя, получавшіяся изъ поселенныхъ описаній, и дать правильное освѣщеніе ряду общихъ вопросовъ, которые иначе остались бы совершенно не выясненными; къ числу такихъ вопросовъ надо прежде всего отнести вопросъ программы: «составляетъ ли земледѣліе источникъ дохода, или же служитъ лишь средствомъ продовольствія и вполнѣ ли?» При всѣхъ попыткахъ получить отвѣты на этотъ вопросъ путемъ общихъ опросовъ и бесѣдъ получались крайне сбивчивыя и неточныя свѣдѣнія; чаще всего приходилось даже въ наиболѣе хлѣбородныхъ волостяхъ слышать заявленія въ родѣ: «какая ужъ наша пашня! съ осени на подать десятокъ—другой пудовъ хлѣба продашь, а весной болѣе того купишь»,—и только изъ подворной описи обнаруживалось, что хлѣбопашество, въ общемъ, даетъ значительный избытокъ хлѣба. Подобнымъ же образомъ только подворныя описи во многихъ случаяхъ дали понятіе объ истинномъ значеніи и размѣрахъ промысловыхъ заработковъ, объ избыткѣ или недостаткѣ рабочей силы сравнительно съ размѣрами хлѣбопашества; онѣ дали возможность прослѣдить и выяснить тончайшія различія въ господствующихъ въ разныхъ мѣстностяхъ сѣвооборотахъ; онѣ во многихъ случаяхъ пролили вѣрный свѣтъ на вопросъ о степени достаточности сѣнокосныхъ угодій и лѣсовъ; мало того, благодаря неумѣнію крестьянъ послѣдовательно лгать, онѣ часто давали возможность исправить данныя крестьянами при поселенныхъ опросахъ завѣдомо-ложныя показанія о размѣрахъ душевыхъ надѣловъ, объ урожаяхъ, о высотѣ заработной платы и т. п. Повторяю: значеніе подворныхъ описей, какъ средства для собиранія свѣдѣній и для провѣрки данныхъ, полученныхъ другимъ путемъ, было въ высшей степени важно и существенно.

Изъ всего изложеннаго ясно, что *второй* объѣздъ являлся основною частію хозяйственно-статистическаго изслѣдованія. Что касается до *третьяго* объѣзда, то онъ имѣлъ, такъ сказать, дополнительный ха-

рактеръ: при третьемъ объѣздѣ посѣщались такія селенія, въ которыхъ изслѣдователь при первыхъ двухъ посѣщеніяхъ встрѣтилъ къ себѣ особое довѣріе, выражавшееся въ особенно добросовѣстныхъ и охотно дававшихся показаніяхъ; въ селеніяхъ этихъ вызывались поименно тѣ крестьяне, которые при прежнихъ посѣщеніяхъ обратили на себя вниманіе изслѣдователя своею толковостью и дѣйствительнымъ сочувствіемъ дѣлу изслѣдованія, и путемъ бесѣдъ съ ними выяснялись наиболѣе тонкіе и трудные вопросы, какъ напр., вопросы о размѣрахъ потребленія хлѣба и т. п. продуктовъ, о приходѣ и расходѣ по скотоводству, о степени выгодности того или другаго промысла или заработка, о чередованіи урожаевъ и пр.

Кромѣ свѣдѣній, собиравшихся лично, изслѣдователи имѣли возможность пользоваться содѣйствіемъ волостныхъ правленій, на которыя было возложено доставленіе свѣдѣній о размѣрахъ разнаго рода платежей и повинностей, о ревизскомъ составѣ населенія, о причисленіяхъ ссыльныхъ, копій съ приговоровъ о передѣлахъ и податныхъ раскладкахъ и т. п. свѣдѣній, подлежавшихъ извлеченію изъ книгъ и дѣлъ волостныхъ архивовъ; но кромѣ того, сознавая значеніе, которое могло бы имѣть представленіе, хотя бы по нѣкоторымъ вопросамъ (о населеніи, о размѣрахъ хлѣбопашества и скотоводства, о числѣ домохозяйствъ, имѣющихъ промысловые заработки), цифръ, основанныхъ на поголовной подворной описи всего населенія округа, изслѣдователи потребовали отъ волостныхъ правленій составленія краткихъ списковъ домохозяевъ, съ отмѣтками о составѣ домохозяйствъ, о числѣ платежныхъ единицъ, о размѣрахъ засѣваемой площади и о числѣ скота,—списковъ, которые, какъ было указано выше, должны были служить вмѣстѣ съ тѣмъ точкою опоры при производствѣ самими изслѣдователями подробныхъ подворныхъ описей. Къ сожалѣнію, изъ доставленныхъ волостными правленіями изслѣдователямъ вороховъ графленой бумаги, очень немногое оказалось пригоднымъ для пользованія; такъ, по Ишимскому округу оказалось возможнымъ воспользоваться только копіями съ приговоровъ и по нѣкоторымъ волостямъ—вѣдомостями о хлѣбозапасныхъ магазинахъ и свѣдѣніями о волостныхъ сборахъ; затѣмъ, даже вѣдомости о податяхъ и недоимкахъ,—дѣло, казалось бы, кому и знать, какъ не волостнымъ правленіямъ,—по большинству волостей оказались такъ плохо составленными, что за свѣдѣніями о размѣрахъ податнаго оклада и количествѣ недоимокъ пришлось обратиться въ казенную палату и уѣздное казначейство; совершенно недостовѣрными и непригодными для пользованія,—отчасти можетъ быть, благодаря не вполнѣ точной постановкѣ разосланныхъ по волостямъ вопросныхъ пунктовъ, оказались и подворные списки; не говоря уже о ни съ чѣмъ не сообразныхъ цифрахъ запашекъ и количествѣ скота, они не даютъ понятія даже о населенности округа, такъ какъ по свѣркѣ съ моими подворными описями, въ нихъ почти вездѣ оказалось значительное количество пропусковъ, мѣстами доходящее *до четверти всего наличнаго*

числа дворовъ. По Туринскому и Тобольскому округамъ, гдѣ волостнымъ правленіямъ были предложены къ руководству печатныя формы вѣдомостей, доставленныя ими свѣдѣнія оказались гораздо болѣе удовлетворительными. Такъ, по Туринскому округу заключающіяся въ подворныхъ спискахъ свѣдѣнія объ общемъ составѣ населенія, съ распредѣленіемъ его по полу, и о размѣрахъ посѣвовъ, съ распредѣленіемъ ихъ по хлѣбамъ,—по свѣркѣ съ собственными подворными описями изслѣдователя, оказались настолько близкими къ истинѣ, что ихъ найдено было возможнымъ ввести въ разработку, и такимъ образомъ отчетъ по изслѣдованію Туринскаго округа будетъ опираться по названнымъ двумъ вопросамъ не только на выборочныя, но и *на полныя* данныя и по всему округу.

Александръ Кауфманъ.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ ЗА УЧАСТІЕ ВЪ СЛУЖЕБНОМЪ ПОДЛОГѢ.

Текущая судебная практика выдвигаетъ за послѣднее время рядъ случаевъ участія частныхъ лицъ въ подлогахъ, совершенныхъ по службѣ должностными лицами. Отвѣтственны ли они за участіе въ этомъ преступленіи, если отвѣтственны, то на какомъ основаніи, въ какомъ объемѣ, и, что важнѣе всего для практики, по какой статьѣ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ? Попытаемся разрѣшить эти вопросы.

I.

Отвѣтственность частнаго лица за участіе въ преступленіи по службѣ составляетъ вопросъ спорный какъ въ наукѣ уголовнаго права, такъ и въ дѣйствующихъ уголовныхъ законодательствахъ. Изъ области научной литературы мы можемъ для примѣра указать, какъ на сторонниковъ отвѣтственности частныхъ лицъ, на Гельшнера, Гейера, Меркеля. Первый [1]) изъ нихъ беретъ за отправную точку то положеніе, что всякое дѣяніе, признаваемое закономъ наказуемымъ, является таковымъ по отношенію къ каждому субъекту, все равно, способенъ ли онъ выполнить это дѣяніе въ качествѣ виновника, или нѣтъ. Поэтому изъ того, что служебное преступленіе можетъ быть совершено только должностнымъ лицемъ, никакъ не слѣдуетъ, чтобы недолжностное лице могло считать его дозволеннымъ для себя. «Его воля (т. е. воля частнаго лица), замѣчаетъ Гельшнеръ, чтобы совершилось служебное преступленіе, есть нравственно-виноватая воля, и она становится юридически-виноватой и наказуемой, если она осуществится, какъ содѣйствующая такому преступленію» (Sein Wille dass ein Amtsdelict verübt werde ist ein sittlich schuldhafter und wird zum rechtlich schuldhaften und strafbaren, wenn er sich als mitwirkend zu solchem Delicte bethätigt).

Гейеръ [2]) точно также полагаетъ, что если недолжностное лице склоняетъ чиновника къ совершенію преступленія по службѣ, то лицо это

является подстрекателемъ, обладая всѣми тѣми условіями, которыя входятъ въ понятіе подстрекательства. Въ этомъ же направленіи высказался профессоръ Меркель [3]) въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ общей части русскаго уголовнаго уложенія. «Кто склонялъ, говоритъ онъ, должностное лицо къ совершенію какого либо злоупотребленія по должности, тотъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ свою причинную долю въ нарушеніи общихъ интересовъ и правоваго порядка, заключающемся въ этомъ злоупотребленіи. Отчего же не вмѣнить ему въ вину эту его долю? Всѣ общія условія виновности существуютъ въ его дѣяніи. Такимъ образомъ, принципіально есть полное основаніе разсматривать сводницу при прелюбодѣяніи, какъ соучастницу прелюбодѣя, хотя она и не можетъ совершить нарушенія вѣрности по отношенію къ оскорбленному супругу; равнымъ образомъ, можно признать соучастниками: священника, содѣйствовавшаго двоебрачію, лицо женскаго пола, сдѣлавшее возможнымъ выполненіе изнасилованія, врача, оказывающаго помощь дѣтоубійству (гдѣ субъектомъ предполагается мать ребенка)».

Изъ сторонниковъ противоположнаго воззрѣнія достаточно указать въ нашей литературѣ Н. С. Таганцева [4]). «Если дѣяніе, говоритъ онъ, можетъ быть юридически учинено только лицами, занимающими какой либо служебный постъ въ государствѣ или исполняющими какія либо опредѣленныя обязанности, то лица, содѣйствовавшія такому дѣянію, но сами не находящіяся въ тѣхъ условіяхъ, въ коихъ находился выполнитель, не могутъ и отвѣчать за такое дѣяніе, *если учиненное ими не составляетъ самостоятельнаго преступнаго дѣянія*. Точно такъ же лицо, помогавшее сожительству неженатаго съ незамужнею, не подлежитъ наказанію; но если подобнымъ лицомъ оказался бы отецъ, продавшій свою дочь, то онъ отвѣчаетъ за квалифицированное сводничество» (Лекціи, выпускъ II, стр. 934).

Такое же различіе въ разрѣшеніи занимающаго насъ вопроса замѣчается и въ дѣйствующихъ законодательствахъ. Code pénal въ art. 59 требуетъ, чтобы участники (complices) преступленія или проступка наказывались тѣмъ же наказаніемъ, что и самые совершители (auteurs) этого преступленія или проступка, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ законѣ содержится по сему предмету иное постановленіе.

Буквальное примѣненіе этой статьи къ случаямъ участія частнаго лица, напримѣръ, въ служебномъ подлогѣ, вызываетъ излишнюю строгость, противъ которой возражалъ Буатаръ [5]). «Зачѣмъ, говоритъ онъ, если лицо не совершало преступленія, а лишь ободряло, помогало или облегчало его совершеніе, оно будетъ наказано строже, чѣмъ если бы оно приложило руку къ его совершенію, и притомъ наказано строже во имя свойствъ, которыя ему чужды?»

Германское уголовное уложеніе содержитъ въ § 50 постановленіе о томъ, что если законъ увеличиваетъ или уменьшаетъ отвѣтственность за какое нибудь дѣяніе по личнымъ качествамъ дѣйствующаго или по отно-

шенію къ потерпѣвшему, то эти особенныя обстоятельства вмѣняются только тому изъ соучастниковъ, по отношенію къ коему они существуютъ; къ такимъ обстоятельствамъ, по разъясненію судебной практики, относятся: прежняя судимость, родственныя отношенія къ жертвѣ преступленія, возрастъ и т. д. Зато по разъясненію Reichsgericht'а правило, изложенное въ § 50, не относится до тѣхъ случаевъ, когда особое положеніе виновнаго обусловливаетъ преступность дѣянія. Поэтому, какъ это признано рѣшеніемъ Reichsgericht'а отъ 22 іюля 1882 года, участникомъ служебнаго проступка можетъ быть и не служащее лицо.

Кодексъ венгерскій установилъ въ § 74, что личныя свойства или отношенія одного изъ совершителей или участниковъ, исключающія наказуемость совершеннаго дѣянія, или же смягчающія или увеличивающія наказаніе, не принимаются въ разсчетъ относительно остальныхъ совершителей или участниковъ. Подобное же постановленіе содержитъ въ себѣ § 50 голландскаго кодекса.

Наше дѣйствующее уложеніе не даетъ прямыхъ указаній по интересующему насъ вопросу. Проектъ русскаго уголовнаго уложенія (въ послѣдней его редакціи) опредѣляетъ въ статьѣ 43, что «особыя личныя отношенія и условія, *опредѣляющія*, усиливающія или уменьшающія наказуемость кого либо изъ соучастниковъ, не вліяютъ на отвѣтственность другихъ». Въ первоначальномъ проектѣ говорилось только объ обстоятельствахъ, усиливающихъ и уменьшающихъ отвѣтственность, но такая постановка вызвала противъ себя возраженія. Въ виду этихъ возраженій, коммиссія включила въ статью 43 личныя отношенія и обстоятельства, опредѣляющія наказуемость, разумѣя подъ ними какъ тѣ, отъ которыхъ зависитъ преступность дѣянія, такъ и тѣ, которыя устраняютъ наказуемость кого либо изъ соучастниковъ.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту говорится по этому предмету слѣдующее [6]: «если подобныя (т. е. личныя) условія не только вліяютъ на мѣру отвѣтственности, но отъ ихъ наличности зависитъ и самая преступность дѣянія, заключающаяся именно въ нарушеніи этихъ особенныхъ обязанностей, какъ, напр., при нѣкоторыхъ служебныхъ нарушеніяхъ, то всѣ остальные соучастники, не находящіеся въ подобныхъ условіяхъ, не могутъ быть признаны и отвѣтственными за нихъ».

Начало, принятое проектомъ, было уже принято нашею судебною практикою. Руководящимъ въ этомъ вопросѣ является извѣстное Высочайше утвержденное 4 ноября 1873 года мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу Мусницкаго, Янковскаго и Косарева. «Изъ дѣла видно, говорится въ этомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, что Янковскій, по силѣ свидѣтельскихъ показаній и другихъ уликъ, положительно изобличается въ сообществѣ съ судебнымъ слѣдователемъ Мусницкимъ въ подлогѣ, состоявшемъ въ томъ, что онъ, Янковскій, удостовѣрилъ своею подписью сдѣланную будто бы Мусницкимъ, въ его присутствіи, повѣрку показаній подсудимыхъ Емичева и Прозорова, тогда

какъ на самомъ дѣлѣ такой провѣрки произведено не было. Признавая вполнѣ правильными соображенія министра юстиціи, что *участіе частнаго лица въ преступленіи по службѣ можетъ быть почитаемо преступнымъ и подлежащимъ взысканію лишь въ томъ случаѣ, когда учиненное должностнымъ лицомъ служебное противозаконное дѣяніе является вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ преступленіемъ*, и что въ подобныхъ случаяхъ частное лицо должно быть подвергаемо наказанію не по закону противъ преступленія должности, а по тому, который опредѣляетъ взысканіе за общее преступленіе, коему соотвѣтствуетъ данное преступленіе по должности, государственный совѣтъ нашелъ, что къ винѣ Янковскаго слѣдуетъ примѣнить 294 ст. уложенія о наказаніи, какъ соотвѣтствующую для частныхъ лицъ ст. 362 уложенія, по коей осужденъ Мусницкій; ибо и та и другая статьи предусматриваютъ одно и то же преступленіе, а именно: подлогъ въ оффиціальномъ документѣ, а не въ частномъ письмѣ или бумагѣ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что первая преслѣдуетъ виновныхъ въ томъ частныхъ, а послѣдняя должностныхъ лицъ». Приведенныя соображенія были повторены затѣмъ правительствующимъ сенатомъ въ рѣшеніяхъ уголовнаго кассаціоннаго департамента по дѣламъ Саркисова 1880 года № 40 и Мельницкихъ 1884 года № 13

II.

Изъ приведенныхъ выше направленій мы считаемъ наиболѣе правильнымъ рѣшеніемъ вопроса объ отвѣтственности частныхъ лицъ за участіе въ служебномъ преступленіи то, которое сдѣлано государственнымъ совѣтомъ по дѣлу Мусницкаго, Янковскаго и Косарева. Нельзя забывать одного изъ основныхъ положеній уголовнаго права — nullum crimen sine lege. Къ тому же, какъ справедливо замѣтилъ Буатаръ въ приведенной выше цитатѣ, зачѣмъ наказывать частное лицо строже во имя свойствъ, которыя ему чужды? Поставленный нами вопросъ объ отвѣтственности частнаго лица за участіе въ подлогѣ, совершенномъ по службѣ должностнымъ лицомъ, сводится такимъ образомъ къ тому, соотвѣтствуетъ ли это участіе какому либо общему преступленію. При утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса, разрѣшится въ утвердительномъ смыслѣ и вопросъ объ отвѣтственности частнаго лица.

Участіе частнаго лица въ служебномъ подлогѣ предполагаетъ, очевидно, участіе въ *составленіи какого либо оффиціальнаго акта или документа.* Поэтому, для анализа наказуемости участія частнаго лица въ должностномъ подлогѣ намъ необходимо установить составъ общаго подлога оффиціальныхъ документовъ и составить его съ составомъ должностнаго подлога. Думаемъ, что это далеко не безполезно какъ съ точки зрѣнія legis latae, такъ отчасти въ видахъ legis ferendae. Не безполезно оно, потому что вопросъ этотъ получилъ, по нашему мнѣнію, совершенно невѣрное разрѣшеніе въ нашей судебной практикѣ. Между тѣмъ

въ жизни судебнымъ учрежденіямъ приходится весьма часто встрѣчаться съ нимъ. Достаточно сказать, что большинство должностныхъ подлоговъ не обходится безъ участія частныхъ лицъ, ради которыхъ они обыкновенно и совершаются. Безнаказанность, которую зачастую проводятъ по отношенію къ частнымъ лицамъ, несправедлива не только съ точки зрѣнія общественной совѣсти, но и съ точки зрѣнія нашего дѣйствующаго уголовнаго закона, какъ мы постараемся доказать.

Обращаемся къ составу общаго подлога оффиціальнаго акта. Подложность такого документа можетъ быть двоякая: или внѣшняя, или внутренняя. Внѣшняя подложность можетъ заключаться: 1) или въ ложномъ показаніи документа исходящимъ отъ того или другаго должностнаго лица, присутственнаго мѣста или учрежденія, которое въ дѣйствительности такого документа не составляло и не выдавало, 2) или въ измѣненіи подлиннаго документа. *Внутренняя подложность заключается въ неправильномъ изложеніи въ документѣ какихъ либо фактовъ или обстоятельствъ.* Отвѣтственность частныхъ лицъ за подлоги въ самой внѣшности документа (составленіе вымышленнаго акта и измѣненіе настоящаго) не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній ни въ нашемъ законѣ, ни на практикѣ.

Сомнѣнія возникаютъ лишь по поводу участія частнаго лица во внутренней подложности оффиціальнаго документа. Искаженіе истины въ оффиціальномъ актѣ при самомъ его составленіи, неправильное ея изложеніе въ немъ—это именно тѣ виды подлоговъ, которые не могутъ быть совершены частными лицами безъ посредства, сознательнаго или безсознательнаго, должностныхъ лицъ.

Сознательное совершеніе оффиціальнаго акта съ искаженіемъ въ немъ фактовъ и обстоятельствъ должностнымъ лицомъ составляетъ должностной подлогъ. По смыслу 362 ст. уложенія о наказаніяхъ, прекрасно разобранной оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената А. Ф. Кони въ заключеніи по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка, подлогъ этотъ, говоря словами почтеннаго оратора [7]), можетъ проявиться двояко: «должностное лицо можетъ *создать* въ исходящихъ отъ него, совершенныхъ при его участіи или хранящихся у него актахъ и документахъ—*искаженіе истины*, введя въ нихъ ложь посредствомъ тѣхъ или другихъ соотвѣтствующихъ дѣйствій. Оно можетъ *скрыть въ нихъ истину*, утаивъ правду или сознательно не соблюдая тѣхъ гарантій и условій, при которыхъ эти акты или документы считаются согласными съ дѣйствительностью. Въ первомъ случаѣ должностное лицо предпринимаетъ активныя дѣйствія, чтобы учинить что либо въ ущербъ правдѣ, во второмъ случаѣ оно дѣйствуетъ пассивно — не учиняя того, что бы слѣдовало сдѣлать въ интересѣ правды».

Въ этихъ двухъ формахъ должностнаго подлога частное лицо можетъ несомнѣнно принять весьма дѣятельное участіе, напримѣръ, путемъ подговора или склоненія должностнаго лица. Помимо того частное лицо мо-

жетъ, не вовлекая должностное лицо въ совершеніе подлога, воспользоваться лишь его невѣдѣніемъ, нерадѣніемъ, неосмотрительностью и включить черезъ его посредство невѣрныя свѣдѣнія въ оффиціальный документъ. Отвѣчаетъ ли частное лицо за такой подлогъ?

Въ нашей литературѣ Н. А. Неклюдовъ [8]), говоря о томъ, что лжесвидѣтельство, словесные и письменные ложные счеты и вообще ложныя показанія частныхъ лицъ не могутъ быть почитаемы подлогомъ, замѣчаетъ, что «изъ этого правила можетъ быть допущено только одно исключеніе, и именно: ложное показаніе можетъ быть преслѣдуемо какъ подлогъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно служитъ основаніемъ для составленія должностнымъ лицомъ оффиціальнаго акта и потому можетъ быть разсматриваемо, какъ участіе въ служебномъ подлогѣ» (Руководство, т. IV, стр. 200). Затѣмъ Н. Неклюдовъ перечисляетъ отдѣльные случаи, когда въ нашемъ законѣ ложное показаніе при составленіи оффиціальнаго акта карается какъ участіе въ подлогѣ. Случаи эти онъ сводитъ къ слѣдующимъ пяти: 1) участіе частнаго лица въ подлогахъ лицъ должностныхъ, наказуемое по 294 ст. уложенія о наказаніи; 2) участіе частныхъ лицъ въ подлогахъ нотаріусовъ и соотвѣтствующихъ имъ учрежденій, наказуемое по 1690 ст. уложенія; 3) ложныя показанія при составленіи актовъ состоянія, наказуемыя по 1441 ст. уложенія; 4) участіе свидѣтелей въ подложныхъ актахъ, наказуемое по 1696 ст. уложенія и 5) спеціальные случаи, указанные въ законѣ (593, 598, 599 ст. уложенія о наказаніяхъ).

Въ приведенномъ мнѣніи почтеннаго комментатора мы не можемъ согласиться съ слѣдующимъ его положеніемъ. Онъ полагаетъ, что наказуемость участія частнаго лица въ подлогѣ есть будто бы изъятіе изъ общаго правила, что частный подлогъ есть непремѣнно только внѣшняя поддѣлка акта. Это совершенно справедливо по отношенію къ частнымъ актамъ, но невѣрно по отношенію къ актамъ оффиціальнымъ. Для этихъ послѣднихъ внутренняя поддѣлка есть несомнѣнно одинъ изъ способовъ совершенія частнаго подлога. Правда, въ этомъ случаѣ участіе частнаго лица конкуррируетъ съ другимъ преступленіемъ, именно съ лжесвидѣтельствомъ. Но въ сущности эта конкурренція разрѣшается весьма просто.

Тамъ, гдѣ оффиціальный актъ только констатируетъ показаніе частнаго лица, не устанавливая при этомъ никакихъ юридическихъ послѣдствій, гдѣ такимъ образомъ дѣятельность частнаго лица составляетъ главное, а оффиціальная оболочка есть лишь придатокъ, тамъ мы имѣемъ дѣло съ лжесвидѣтельствомъ. Напротивъ того, тамъ, гдѣ документъ устанавливаетъ извѣстныя правоотношенія, тамъ ложныя показанія частнаго лица, заносимыя въ такой актъ, становятся участіемъ въ подлогѣ. Лучше всего эта разница ощущается на томъ положеніи, въ которое поставлено на томъ и другомъ случаѣ должностное лицо къ такимъ ложнымъ показаніямъ. Въ первомъ случаѣ оно обязано занести это показаніе, хотя было бы убѣждено въ его лживости (напримѣръ, судебный слѣдователь

заноситъ въ протоколъ завѣдомо ложное показаніе свидѣтеля), а во второмъ, если оно убѣждено въ лживости показанія, оно обязано не включать такое показаніе въ актъ подъ страхомъ личной отвѣтственности. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что частное лицо, участвовавшее въ невѣрномъ включеніи въ оффиціальный актъ, устанавливающій извѣстныя правоотношенія, какихъ либо свѣдѣній, должно подлежать отвѣтственности за это участіе, какъ за участіе въ общемъ не должностномъ подлогѣ. Съ точки зрѣнія Н. Неклюдова такая отвѣтственность мыслима лишь какъ изъятіе особо установленное въ законѣ. Мы же считаемъ, что такая отвѣтственность есть общее правило вытекающее изъ наказуемости частнаго подлога оффиціальныхъ документовъ.

III.

Наша судебная практика относительно отвѣтственности частныхъ лицъ за участіе во внутреннемъ подлогѣ оффиціальныхъ актовъ проявила два рѣзко обозначившіяся направленія, изъ которыхъ одно предшествовало другому. Прежняя практика держалась того взгляда, что участіе частнаго лица во внутреннемъ подлогѣ оффиціальнаго документа наказуемо съ точки зрѣнія общаго подлога такихъ документовъ. Не говоря уже о приведенномъ выше Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта по дѣлу Янковскаго, Косарева и Мусницкаго, по которому такое участіе было подведено подъ 294 статью улож. о нак., можно указать на кассаціонныя рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената по дѣламъ Френкеля (1873 года, № 318) и Саркисова (1880 г., № 40). По первому изъ этихъ дѣлъ участіе частнаго лица въ подлогѣ крестьянскаго приговора, выразившееся въ принятіи завѣдомо подложнаго приговора и въ выдачѣ его за дѣйствительный, было подведено подъ 362 и 1698 ст. улож. о нак. По второму изъ этихъ дѣлъ къ частному лицу соучастнику въ подлогѣ предписаній судебнаго слѣдователя была примѣнена 294 ст. улож. о нак.

Въ позднѣйшей кассаціонной практикѣ произошло коренное уклоненіе отъ указаннаго направленія; сенатъ пришелъ къ тому выводу, что участіе частнаго лица въ служебномъ подлогѣ, выразившееся *во внесеніи невѣрныхъ свѣдѣній въ оффиціальный документъ, не наказуемо съ точки зрѣнія общаго недолжностнаго подлога.* Такой взглядъ высказанъ въ рѣшеніи по дѣлу кронштадтскаго коммерческаго банка (1883 г., № 27) и съ особенною рельефностью въ рѣшеніи по дѣлу о злоупотребленіяхъ таганрогской таможни (1885 г., № 28).

Въ первомъ изъ этихъ рѣшеній сенатъ указалъ, что такъ какъ преступленіе служебнаго подлога, заключающагося во внесеніи въ актъ завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній, съ точки зрѣнія общихъ уголовныхъ законовъ не влечетъ за собою признаніе акта подложнымъ, то и за участіе въ таковомъ подлогѣ, выразившееся въ пріобрѣтеніи или употребленіи

таковыхъ актовъ, частное лицо не подлежитъ отвѣтственности ни по ст. 1690, ни по ст. 1697.

Во второмъ рѣшеніи сенатъ пошелъ еще далѣе. «Включеніе чиновникомъ, говорится въ рѣшеніи по дѣлу таганрогской таможни, въ составляемые имъ докладъ, рапортъ, протоколъ, журналъ и другой какой либо оффиціальный документъ завѣдомо ложныхъ свѣдѣній составляетъ, на основаніи 362 ст. улож., подлогъ по службѣ; подъ подлогомъ же, совершеннымъ частными лицами въ оффиціальныхъ бумагахъ, законъ, по смыслу 291 — 294 ст. улож., разумѣетъ: во первымъ, подложное составленіе таковыхъ бумагъ; во вторыхъ, злонамѣренную подчистку, поправку или иную перемѣну въ оныхъ, и въ третьихъ, завѣдомое употребленіе такихъ подложно составленныхъ или измѣненныхъ бумагъ. Такимъ образомъ, включеніе со стороны частнаго лица въ оффиціальную бумагу завѣдомо ложныхъ свѣдѣній законъ не относитъ къ разряду подлоговъ и основаніе тому слѣдуетъ, очевидно, полагать въ томъ, что всѣ свѣдѣнія, исходящія отъ частныхъ лицъ, подлежатъ надлежащей провѣркѣ чрезъ опредѣленныхъ для того должностныхъ лицъ, и обнаруженная ими лживость этихъ свѣдѣній должна повлечь за собою отказъ въ домогательствѣ частнаго лица, представленіе же оныхъ должно быть разсматриваемо, какъ средство къ достиженію извѣстной противозаконной цѣли, и сообразно тому наказываемо по мѣрѣ достиженія оной».

Очень интересно сопоставить соображенія, высказанныя по этому вопросу оберъ-прокурорами уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената Н. А. Неклюдовымъ, дававшимъ заключеніе по дѣлу кронштадтскаго банка, и А. Ф. Кони, предъявлявшимъ заключеніе по дѣлу таганрогской таможни.

Н. А. Неклюдовъ [9]) высказывалъ слѣдующее: «ни въ самой 362 ст., ни въ выведенныхъ въ обвинительномъ актѣ 1690 и 1697 ст. улож., ни въ другихъ какихъ либо постановленіяхъ нашего свода законовъ, не содержится указанія на то, чтобы пользованіе или употребленіе актовъ, заключающихъ въ себѣ завѣдомо ложныя свѣдѣнія (я буду называть ихъ ложными документировками), отождествлялось нашимъ закономъ, хотя бы даже по отношенію къ самимъ должностнымъ лицамъ, съ пользованіемъ или сбытомъ подложныхъ документовъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ виду этого, самъ собою возникаетъ вопросъ: можно ли такія ложныя документировки приравнивать къ актамъ подложнымъ и подвергать частныхъ лицъ за пользованіе первыми той отвѣтственности, которая установлена за пользованіе послѣднихъ? Я думаю, что этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ иначе какъ отрицательно, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 4 ноября 1873 года, по дѣлу Мусницкаго, Янковскаго и Косарева, разъяснено, что участіе частныхъ лицъ въ преступленіи по службѣ можетъ быть почитаемо преступнымъ и подлежащимъ наказанію лишь въ томъ единственномъ случаѣ, когда учиненное должно-

стнымъ лицомъ служебное преступленіе запрещено въ то же время и общими уголовными законами, причемъ частное лицо подвергается наказанію, какъ за участіе въ томъ общемъ преступленіи, коему соотвѣтствуетъ учиненное должностнымъ лицомъ служебное преступленіе. По разуму этого разъясненія, сбытъ частными лицами завѣдомо ложныхъ документировокъ, могъ бы преслѣдоваться какъ сбытъ фальшивыхъ документовъ лишь въ томъ единственномъ случаѣ, когда бы общія узаконенія о подлогахъ считали бы подлогомъ не только составленіе фальшивыхъ актовъ, но и включеніе въ документы завѣдомо ложныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ такого общаго вида подлога не существуетъ, ибо подъ подложными документами въ смыслѣ ст. 1690—1692 улож., какъ то разъяснено сенатомъ—разумѣются лишь документы составленные отъ имени не участвовавшихъ въ составленіи ихъ лицъ или же фальшиво измѣненные документы настоящіе. Такъ въ рѣшеніи 1870 года за № 1220, по дѣлу Ахназарова выражено весьма опредѣлительно, что включеніе опекуномъ ложныхъ свѣдѣній въ акты по опекѣ, составляетъ не подлогъ, а особое приготовленіе къ мошенничеству или присвоенію чужаго имущества. Но если ложныя документировки частныхъ лицъ не могутъ быть разсматриваемы какъ акты подлинные, то очевидно, что и сбытъ подобныхъ документировокъ не можетъ быть преслѣдуемъ какъ сбытъ фальшивыхъ документовъ. Къ тому же самому заключенію приводитъ и разсмотрѣніе постановленій о повѣркѣ актовъ, содержащихся въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Согласно 541 ст. этого устава повѣрка акта можетъ имѣть мѣсто только въ слѣдующихъ случаяхъ: въ случаѣ заявленія сомнѣнія въ подлинности акта и въ случаѣ заявленія спора о подлогѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ единственною цѣлью повѣрки является изслѣдованіе «подлинности» акта. Ясно, что и уставъ гражданскаго судопроизводства разумѣетъ подъ подложными актами не ложныя документировки, а фальшивые документы въ собственномъ смыслѣ, ибо подлинность ложныхъ документировокъ никакому сомнѣнію не подлежитъ и повѣрки ихъ со стороны подлинности не требуетъ. Такъ, напримѣръ, должностныя лица кронштадтскаго банка только потому и привлечены къ отвѣтственности за выпускъ вкладныхъ билетовъ какъ за подлогъ по службѣ, что именно они, а не кто либо иной, безъ ихъ вѣдома, выпускали означенные билеты, стало быть относительно подлинности этихъ билетовъ никакого сомнѣнія во время производства дѣла не существовало, а потому и признавать ихъ подложными, во вредъ гражданскимъ истцамъ, окружный судъ не имѣлъ ни права, ни основанія. Да и само по себѣ понятно, что нельзя ставить на одну доску подложные акты и ложныя документировки. Актъ подложный всегда недѣйствителенъ не только со стороны его подлинности, но и со стороны его содержанія; поэтому онъ не можетъ никогда установить или создать какія бы то ни было подлежащія осуществленію, а тѣмъ болѣе понудительному исполненію юридическія отношенія, права или

обязанности, ибо quod ab initio vitiosum est.... Вслѣдствіе сего акты этого рода подлежатъ изъятію изъ обращенія въ силу самаго закона. Напротивъ того, ложная документировка есть прежде всего документъ во истину подлинный, а иногда дѣйствительный и по самому своему содержанію; таковы, напримѣръ, тѣ акты, въ коихъ просто умолчано («скрыто»—ст. 362 уложенія) объ одномъ какомъ либо фактѣ, все же остальное изложено вѣрно. На этихъ остальныхъ фактахъ могутъ быть основаны сдѣлки частныхъ лицъ, права и обязанности, не имѣющія никакого отношенія къ опущенному въ актѣ обстоятельству;—въ такомъ случаѣ эти права и обязанности, какъ основанныя на добровольномъ соглашеніи сторонъ, не опороченномъ подлогомъ или обманомъ, безспорно будутъ подлежать даже понудительному осуществленію. А какъ доказательствомъ этихъ правъ и обязанностей служитъ исключительно только сама ложная документировка, то понятно, что невозможно и изымать ее изъ обращенія, якобы предметъ недѣйствительный въ силу самого закона».

Такой взглядъ, изложенный ораторомъ со свойственнымъ ему талантомъ, едва ли выдерживаетъ критику. Нельзя считать равнозначущими по объему выраженія подлинный и дѣйствительный. Подлинный актъ не есть еще актъ дѣйствительный; равнымъ образомъ подложный актъ не обозначаетъ еще, чтобы актъ былъ непремѣнно не подлиннымъ. Совершенно не понятно разграниченіе, которое развивалъ Н. А. Неклюдовъ, актовъ подложныхъ съ точки зрѣнія служебной и частной. Документъ подложный съ одной точки зрѣнія—оказывается не подложнымъ съ другой. Мы думаемъ, что такое искусственное разграниченіе есть плодъ невѣрной отправной точки. Актъ оффиціальный, заключающій въ себѣ внутреннюю ложь, не можетъ сдѣлаться правдивымъ для частныхъ лицъ. Онъ остается подложнымъ съ какой бы точки зрѣнія мы на него ни смотрѣли. Соображенія, приведенныя Н. А. Неклюдовымъ о томъ, что съ признаніемъ ложныхъ документировокъ документами подложными разрушились бы тѣ правоотношенія, которыя возникли на почвѣ этихъ актовъ, ровно ничего не доказываютъ. Конечно, такія правоотношенія должны быть признаны ничтожными, если только они возникли на основаніи ложныхъ фактовъ, помѣщенныхъ въ актѣ. Къ тому же актъ можетъ быть признанъ подложнымъ только въ части. Слѣдовательно, тѣ правоотношенія, которыя будутъ основаны на другой части того же акта, сохранятъ свою силу.

Совершенно иной взглядъ развивалъ А. Ф. Кони въ заключеніи по дѣлу таганрогской таможни. «Присяжные засѣдатели, говорилъ онъ [10]), признали купца Вальяно виновнымъ въ томъ, что онъ вошелъ въ соглашеніе съ чиновникомъ, который, для доставленія ему выгоды на счетъ казны, включилъ въ отвѣтный листокъ завѣдомо ложныя цифры и Вальяно это ложное увѣреніе скрѣпилъ своею подписью. Чиновникъ, который согласился, по мнѣнію жалобщика—наказуемъ, купецъ, который согласилъ—не наказуемъ потому, что одинъ—чиновникъ, а другой—купецъ, потому

что одинъ служитъ казнѣ, а другой обогащается на счетъ казны. Но казна, такимъ образомъ, становится похожею на обширную и чрезвычайно дурно обороняемую крѣпость. Ее можно защищать только, если всѣ сторожевые посты, охраняющіе входы, будутъ исправны и бдительны Иначе, она доступна внѣшнему врагу. Эти посты—чиновники. Но между ними есть слабые духомъ, есть «рабы лѣнивые и лукавые», которые, въ свою очередь, беззащитны относительно льстивыхъ склоненій и заманчивыхъ соглашеній. Они сдаютъ свои посты непріятелю. Что же дѣлать? Крѣпость беззащитна, охрана предаетъ.... Можно карать эту охрану, говоритъ кассаторъ. Конечно, можно, но развѣ это все? А непріятель, сорганизовавшій эту охрану на измѣну своему долгу,—онъ остается внѣ отвѣта, онъ ничѣмъ лично не рискуетъ, побѣдоносно идя учинять «потокъ и разграбленіе» казны? Можно ли примириться съ этимъ отвѣтомъ, когда казна, этотъ колоссъ, собранный по крупинкамъ, есть достояніе цѣлаго народа, есть плодъ его труда, его лишеній, есть жизненный нервъ для внутреннихъ преобразованій, для выхода изъ внѣшнихъ затрудненій! Вотъ почему, вопреки категорическому увѣренію кассатора, что за щитомъ уложенія о наказаніяхъ онъ неуязвимъ, я полагаю, что жалоба его подлежитъ оставленію безъ послѣдствій». Необходимо замѣтить, что Вальяно былъ приговоренъ харьковскою судебною палатою за соучастіе въ должностномъ подлогѣ по 362 ст. уложенія о наказаніи. Правительствующій сенатъ не внялъ однако на этотъ разъ заключенію оберъ-прокурора и въ рѣшеніи своемъ высказался въ смыслѣ ненаказуемости частнаго лица за участіе въ подложныхъ документировкахъ.

IV.

На западѣ вопросъ этотъ рѣшается совсѣмъ иначе и несравненно правильнѣе.

Code pénal говоритъ въ art. 147, что «будутъ наказаны срочными каторжными работами всѣ прочія лица (въ предыдущемъ параграфѣ говорится о должностныхъ лицахъ), которыя совершатъ подлогъ въ документѣ оффиціальномъ (authentique) и публичномъ, или же въ документѣ торговомъ или банковомъ, или посредствомъ составленія фальшивыхъ или измѣненія настоящихъ документовъ, или подписей, или посредствомъ составленія договоровъ, распоряженій, обязательствъ или освобожденій отъ оныхъ (obligations ou décharges), или посредствомъ включенія ихъ въ акты послѣ ихъ составленія, или посредствомъ добавленія или измѣненія условій (clauses), заявленій (déclarations) или фактовъ, ради которыхъ тѣ акты были составляемы или которые они должны были удостовѣрять». Буатаръ, комментируя эту статью, поясняетъ, что измѣненіе фактовъ или заявленій въ актахъ, которые должны были быть удостовѣрены ими (т. е. актами), можетъ имѣть мѣсто или посредствомъ измѣненія письма этихъ актовъ (то, что мы называемъ внѣшнимъ под-

логомъ) или посредствомъ ложныхъ заявленій, сдѣланныхъ должностнымъ лицамъ, которыя составляютъ эти акты (то, что мы называемъ внутреннимъ подлогомъ или фальшивой комментировкой). Постановленіе подобное art. 147 Code pénal содержится въ art. 196 бельгійскаго уголовнаго уложенія.

Германское уложеніе содержитъ въ XXIII раздѣлѣ о подлогѣ документовъ (Urkundenfälschung) слѣдующій образцовый по формулировкѣ параграфъ 271: «кто умышленно будетъ причиною того (bewirkt), что имѣющіе существенное значеніе для правъ или правовыхъ отношеній заявленія, сдѣлки (Verhandlungen) или факты будутъ занесены въ публичные документы, книги или реестры, какъ дѣйствительно сдѣланные или имѣвшіе мѣсто, между тѣмъ какъ они вовсе сдѣланы не были, или не имѣли мѣста или же были сдѣланы или совершены инымъ образомъ, или лицомъ присвоившимъ непринадлежащее ему качество (Eigenschaft) или же совершенно другимъ лицомъ, будетъ наказанъ тюрьмою до 6 мѣсяцевъ или денежнымъ штрафомъ до 1,000 талеровъ». Въ комментаріяхъ [11]) къ этому параграфу содержится разъясненіе, что онъ караетъ интеллектуальный подлогъ въ противоположность матеріальному. При этомъ интеллектуальный подлогъ карается только въ публичныхъ документахъ, но отнюдь не въ частныхъ.

§ 271 соотвѣтствуетъ въ раздѣлѣ XXVIII германскаго уголовнаго уложенія о преступленіяхъ и преступникахъ по службѣ § 348 слѣдующаго содержанія: «чиновнику, который, будучи уполномоченъ на составленіе публичныхъ документовъ, умышленно невѣрно (falsch) документируетъ въ кругу своего вѣдомства факты, имѣющіе существенное юридическое значеніе, или же занесетъ ихъ невѣрно въ публичные реестры или книги,— наказывается тюрьмою на время не менѣе 1 мѣсяца». Какъ было замѣчено выше, частныя лица въ случаѣ участія съ должностнымъ лицомъ въ должностномъ подлогѣ по разъясненію германской судебной практики отвѣчаютъ не по § 271, а по § 348. § же 271 примѣняется въ томъ случаѣ, если они ввели должностное лицо при составленіи оффиціальнаго документа въ заблужденіе. Наказаніе, установленное §§ 271 и 348, возвышается до цухтгауза согласно §§ 272 и 349 въ томъ случаѣ, если фальшивыя документировки сдѣланы въ намѣреніи доставить себѣ или другому имущественную выгоду или причинить другому вредъ.

Венгерское уголовное уложеніе въ отдачѣ и подлогѣ документовъ въ § 400 предусматриваетъ случай умышленнаго содѣйствія тому, чтобы ложные факты, обстоятельства или заявленія, имѣющіе значеніе для правъ или правоотношеній другаго, были занесены въ публичную книгу или въ иной публичный документъ.

Такимъ образомъ иностранныя законодательства караютъ участіе частныхъ лицъ въ ложныхъ документировкахъ, и оффиціальные документы, содержащіе такія документировки, они признаютъ подложными.

V.

Обратимся къ разрѣшенію этого вопроса по дѣйствующему праву. Прежде всего необходимо остановиться на 382 ст. улож. о нак., которой правительствующій сенатъ не принялъ въ соображеніе въ рѣшеніяхъ по дѣламъ кронштадтскаго банка и таганрогской таможни. 382 статья содержитъ слѣдующее постановленіе: «лиходатели, изобличенные въ склоненіи состоящихъ въ службѣ государственной или общественной похитить, скрыть, истребить, или же въ чемъ либо измѣнить одну или нѣсколько изъ принадлежащихъ къ дѣламъ бумагъ, или же сдѣлать другой сего или инаго рода подлогъ, подвергаются высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ за подлоги или похищеніе сего рода въ статьяхъ 362 и 364 сего уложенія».

По поводу этой статьи еще покойный Лохвицкій [12]) замѣтилъ, что она излишня, такъ какъ она не относится ко взяточничеству, а составляетъ подстрекательство къ подлогу; то же высказано въ замѣчаніяхъ чиновъ судебнаго вѣдомства на дѣйствующее уложеніе [13]). Содержаніе этой статьи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что она караетъ подстрекательство къ подлогу, причемъ способу этого подстрекательства (взятка) было бы неправильно давать ограничительное толкованіе. Въ этомъ убѣждаютъ мотивы, послужившіе въ 1844 году къ включенію этой статьи въ дѣйствующее уложеніе. 382 статья уложенія соотвѣтствуетъ 404 статьѣ проекта уложенія о наказаніяхъ 1844 года. Въ объясненіяхъ къ этой статьѣ говорится слѣдующее [14]): «побужденіе должностнаго лица къ подлогу должно подвергать виновнаго наказанію *не столько еще за самое лиходательство, сколько за склоненіе къ важнѣйшему по службѣ преступленію*». На этомъ основаніи мы полагаемъ, что 382 ст. уложенія обнимаетъ собою всѣ случаи интеллектуальнаго участія частнаго лица въ служебномъ подлогѣ и что статья эта не должна быть ограничиваема однимъ внѣшнимъ признакомъ лиходательства.

Помимо соображеній, основывающихся на 382 ст. улож. о нак., къ тому же выводу приводятъ статьи, опредѣляющія наказуемость общаго подлога оффиціальныхъ актовъ. Правительствующій сенатъ въ цитированномъ выше рѣшеніи по дѣлу Таганрогской таможни совершенно вѣрно призналъ, что общіе виды этихъ подлоговъ указаны въ 291—294 статьяхъ уложенія. Изъ сопоставленія этихъ статей видно, что они караютъ составленіе подложныхъ актовъ, измѣненіе актовъ настоящихъ и предъявленіе подложныхъ документовъ. Практика наша дала слишкомъ буквальное толкованіе слову «составленіе», понимая его въ томъ смыслѣ, что частное лицо должно быть непремѣнно физическимъ поддѣлывателемъ. Конечно съ этой точки зрѣнія только внѣшняя поддѣлка оффиціальнаго акта можетъ оказаться наказуемой для частнаго лица.

Однако неправильность этой точки зрѣнія раскроется, если сопоставить

294 статью съ 1441 статьею уложенія. 1441 статья говоритъ: «за всякій какого либо рода подлогъ въ актахъ о рожденіи, бракосочетаніи или смерти, какъ подлинныхъ, такъ и въ выдаваемыхъ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ сихъ актовъ, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ въ 294 ст. сего уложенія за подлоги въ оффиціальныхъ бумагахъ. Когда же такой подлогъ учиненъ тѣми лицами, на коихъ по закону возложено составленіе актовъ состоянія, или храненіе или выдача оныхъ, то виновные въ семъ преступленіи подвергаются наказанію, опредѣленному въ 362 ст. сего уложенія за подлоги по службѣ». Статья эта весьма характерна. Она устанавливаетъ для частныхъ лицъ отвѣтственность по 294 статьѣ, а для должностныхъ лицъ по 362 статьѣ. На практикѣ не втрѣчается сомнѣній въ томъ, что статья эта обнимаетъ собою не только случаи внѣшняго подлога актовъ, но распространяется и на ложныя документировки. Примѣромъ этихъ послѣднихъ можетъ служить очень распространенный въ жизни случай невѣрныхъ метрическихъ записей относительно родителей ребенка. Къ такому подлогу для частныхъ лицъ всегда примѣняется 1441 статья уложенія. По взгляду, высказанному Н. Неклюдовымъ, окажется, что такой документъ, въ которомъ невѣрно записаны родители ребенка, не будетъ подложнымъ, такъ какъ онъ подлинный. Едва ли нужно доказывать противное.

Если мы обратимся къ мотивамъ, по которымъ 1441 статья была введена въ 1844 году въ уложеніе, то въ нихъ мы найдемъ слѣдующее объясненіе [15]: «*для полноты закона мы признали не излишнимъ* особенно упомянуть въ семъ мѣстѣ о подлогахъ въ актахъ состоянія». По мысли составителей проекта статья эта не заключаетъ въ себѣ ничего новаго сравнительно съ 294 статьею уложенія и введена лишь «*для полноты закона*». Слѣдовательно, она отнюдь не изъятіе, какъ полагаетъ Н. А. Неклюдовъ, а есть повтореніе того же преступленія, которое предусмотрѣно въ 294 статьѣ и которое обнимаетъ ложныя документировки въ оффиціальныхъ актахъ. Полагая такимъ образомъ, что дѣйствующее уложеніе караетъ участіе частнаго лица въ подлогѣ оффиціальнаго документа, въ подлогѣ какъ внѣшнемъ, такъ и внутреннемъ, мы думаемъ, что несомнѣнное указаніе на наказуемость частнаго лица за участіе во внутреннемъ подлогѣ такого документа даетъ 382 ст. улож. о нак.; независимо отъ этого такое участіе наказуемо и по 291—294 ст. уложенія.

Въ заключеніе мы не можемъ не обратить еще разъ вниманіе на искусственность опредѣленія подложности документа, установившуюся въ кассаціонной практикѣ въ зависимости отъ того, какъ и въ чемъ эта подложность выразилась. Если подлогъ состоитъ въ ложной документировкѣ, то, говорятъ, документъ не подложенъ для частныхъ лицъ, но подложенъ для должностныхъ лицъ. Мы, напротивъ того, думаемъ, что если документъ подложенъ, то онъ подложенъ какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ.

---

1) Hälshner. Das gemeine deutsche Strafrecht, изд. 1881 г., стр. 376 и слѣд.

2) Geyer. Theilnahme Mehrerer an einem Verbrechen und Begünstigung. Handbuch Holdzendorff'a, изд. 1871 г., стр. 337 и слѣд.

3) Замѣчанія проф. Меркеля на проектъ общей части русскаго угол. уложенія помѣщены въ переводѣ въ Журналѣ Гражд. и Угол. Права за 1883 годъ, кн. 8.

4) Н. Таганцевъ. Курсъ русскаго уголовнаго права. Выпускъ III, стр. 105; его же Лекціи по русскому угол. праву. Выпускъ II, стр. 934.

5) Boitard. Leçons de droit criminel, 1867 годъ, стр. 177.

6) Объяснительная записка, стр. 472.

7) А. Ф. Кони. Судебныя рѣчи, изд. 1888 года, стр. 696.

8) Н. А. Неклюдовъ. Опытъ разграниченія подлога въ актахъ и документахъ отъ остальныхъ соприкасающихся съ нимъ преступленій, Журналъ Гражд. и Уголов. Права, 1879 годъ, кн. 5; его же, Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Т. IV, стр. 195 и слѣд.

9) Заключеніе Н. Неклюдова по дѣлу Кронштадтскаго Банка было помѣщено въ прибавленіи къ № 48 Судебной Газеты за 1883 годъ.

10) Указ. трудъ, стр. 641.

11) Olshausen. Kommentar zum Strafgesetzbuch für das deutsche Reich. 7 Lieferung, стр. 1082.

12) А. Лохвицкій. Курсъ русскаго уголовнаго права. 1867 годъ, стр. 406.

13) Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства. Т. II' стр. 161.

14) Проектъ уложенія о наказаніяхъ 1844 года, стр. 145.

15) Проектъ 1844 года, стр. 608.

И. Щегловитовъ.

ПОРЯДОКЪ ИЗМѢНЕНІЯ ПОДСУДНОСТИ.

(Ст. 518 устава уголовнаго судопроизводства).

Измѣненіе подсудности есть важнѣйшее процессуальное дѣйствіе, въ силу котораго опредѣленіемъ компетентнаго и коллегіальнаго *судебнаго установленія*, а въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ *маловаженыхъ* преступленій по должности (ст. 1066—1069 устава уголовнаго судопроизводства) постановленіемъ *начальства*, оконченное производствомъ, но еще не рѣшенное по существу, слѣдственное или, говоря вообще, уголовное дѣло (ибо не по всѣмъ дѣламъ производится предварительное слѣдствіе — ст. 545, 546, 1087, 1089 того же устава) изъемлется изъ вѣдѣнія того *судебнаго* установленія, въ которомъ оно производилось, и передается, для рѣшенія по существу, въ иное судебное, высшее или низшее, или въ административное установленіе (ст. 166, 518, 523, 1087, 1091 устава уголовнаго судопроизводства), согласно или вопреки заключенію прокурора и по разрѣшеніи въ послѣднемъ случаѣ разномыслія съ прокуроромъ (1 п. 893 ст., 488, 1092 устава уголовнаго судопроизводства).

Заключеніе прокурора объ измѣненіи подсудности можетъ быть: а) *письменное*, если онъ же предлагаетъ дѣло суду или начальству обвиняемаго должностнаго лица съ своимъ заключеніемъ (ст. 518, 523, 1091 устава уголовнаго судопроизводства), или б) *словесное* при разбирательствѣ дѣла по существу, когда самимъ судомъ или участвующими въ дѣлѣ лицами возбужденъ вопросъ о подсудности дѣла, могущій вліять на его процессуальный исходъ (рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго департамента сената 1868 г., № 301, Копылева, и ст. 166, 549, 752, 753 и др. устава уголовнаго судопроизводства).

Съ измѣненіемъ подсудности по тѣмъ и другимъ заключеніямъ прокурора не слѣдуетъ смѣшивать словесныя заключенія прокурора въ распорядительныхъ засѣданіяхъ уголовнаго суда (ст. 141, 151 учрежденія судебныхъ установленій) и въ судебныхъ засѣданіяхъ гражданскаго

суда, когда, между прочимъ, даются и заключенія о подсудности по дѣламъ лицъ несовершеннолѣтнихъ, умалишенныхъ, казенныхъ управленій и т. д. (ст. 179, 234, 244, 343, 1191, 1294, 1343 устава гражданскаго судопроизводства), принимаемыя или отвергаемыя судомъ, а также и въ случаѣ обнаруженія въ гражданскомъ дѣлѣ уголовныхъ обстоятельствъ (подложность документовъ и проч.—ст. 110, 555—565 устава гражданскаго судопроизводства). Иногда требуется пріостановить дѣло въ гражданскомъ порядкѣ, въ гражданскомъ судѣ, для предварительнаго разсмотрѣнія возникающихъ изъ него вопросовъ въ уголовномъ порядкѣ (ст. 8 устава гражданскаго судопроизводства); иногда же, наоборотъ, требуется пріостановить уголовное дѣло для предварительнаго разсмотрѣнія возникающихъ изъ него вопросовъ о гражданскихъ правахъ въ гражданскомъ порядкѣ (ст. 27 устава уголовнаго судопроизводства). Такое какъ бы раздвоеніе въ процессуальномъ отношеніи одного и того же дѣла, причемъ оно разсматривается сперва въ уголовномъ, а затѣмъ уже въ гражданскомъ судѣ, или — наоборотъ, не означаетъ еще измѣненія подсудности, ибо и при такомъ параллельномъ, хотя и неодновременномъ разсмотрѣніи дѣла въ разныхъ судахъ, по существу своему оно не перестаетъ быть подсуднымъ одному суду: либо—гражданскому, либо—уголовному,—и только въ отношеніи отдѣльныхъ, частныхъ, но существенно важныхъ для правильнаго рѣшенія дѣла, вопросовъ оно разсматривается въ разныхъ судахъ, образуя какъ бы отдѣльное, частное производство одного и того же дѣла—гражданскаго или уголовнаго.

Итакъ, подъ измѣненіемъ подсудности слѣдуетъ понимать окончательную передачу дѣла для рѣшенія по существу въ *иной* судъ или въ административное установленіе.

Но измѣненіе подсудности возможно и при передачѣ дѣла въ *тотъ* же судъ, какъ скоро онъ функціонируетъ на *иныхъ* основаніяхъ. Понятно, что и въ отношеніи судоустройства, и порядка производства дѣлъ, и способа обжалованія приговоровъ, окружный судъ, вѣдающій дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей,—уже не тотъ судъ, который вѣдаетъ дѣла безъ ихъ участія; а судебная палата безъ участія сословныхъ представителей, въ качествѣ первой инстанціи,—не та палата, которая вѣдаетъ дѣла съ участіемъ сословныхъ представителей. Если лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ состоянія, по нынѣ дѣйствующему закону (ст. 201 устава уголовнаго судопроизводства съ изъятіями въ 201[1] ст. по закону 7 іюля 1889 г.), составляетъ демаркаціонную грань, отдѣляющую подсудность дѣлъ окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей отъ подсудности дѣлъ безъ ихъ участія и отъ подсудности нѣкоторыхъ дѣлъ судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, то и передача дѣла по *санкціонированному* судебною коллегіею заключенію прокурора объ измѣненіи подсудности въ *тотъ же судъ*, дѣйствующій безъ участія присяжныхъ засѣдателей, будетъ измѣненіемъ подсудности. И дѣйствительно: до передачи дѣла на рѣше-

ніе суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей оно подлежало бы рѣшенію того же суда, въ которомъ, однако, съ коронными судьями участвовали бы, въ качествѣ судей, и присяжные засѣдатели, — и приговоръ такого суда подлежалъ бы обжалованію лишь въ кассаціонномъ порядкѣ; тогда какъ теперь, съ передачею дѣла въ тотъ же судъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, приговоръ послѣдняго суда можетъ быть обжалованъ въ судебную палату въ аппелляціонномъ порядкѣ, а приговоръ палаты, въ качествѣ аппелляціонной инстанціи, можетъ быть обжалованъ въ правительствующій сенатъ въ кассаціонномъ порядкѣ. То же слѣдуетъ замѣтить и о подсудности нѣкоторыхъ дѣлъ, по которымъ наказаніе соединено съ лишеніемъ правъ, судебной палатѣ съ сословными представителями. Для интересовъ обвиняемаго не все равно: судиться ли ему въ окружномъ судѣ или въ мировомъ, военномъ, духовномъ, волостномъ судѣ или у земскаго начальника;—судиться ли ему въ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или безъ ихъ участія;—въ судебной ли палатѣ съ сословными представителями или въ той же палатѣ, но безъ сословныхъ представителей, или — съ присяжными. Отъ правильнаго опредѣленія подсудности,—другими словами: отъ правильной квалификаціи судебными установленіями преступленія [1]) по фактическимъ признакамъ, соотвѣтствующимъ въ юридическомъ опредѣленіи той или другой статьѣ карательнаго закона,—зависитъ и принятіе надлежащей мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда по 416 ст. устава уголовнаго судопроизводства, и примѣненіе самаго наказанія. Всѣ неправильности этого рода, могущія напрасно стѣснить личность обвиняемаго [2]), могутъ быть обжалованы и во время производства предварительнаго слѣдствія (ст. 491—508, 893 устава уголовнаго судопроизводства), и по преданіи суду—въ кассаціонномъ порядкѣ (ст. 912 устава).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ не для чего разсматривать въ судебномъ порядкѣ такое дѣло, которое можетъ или должно быть разсмотрѣно и рѣшено въ административномъ порядкѣ: полицейскою властью, казеннымъ установленіемъ или начальствомъ, при обвиненіи кого либо въ маловажномъ преступленіи по должности (ст. 1220, 1214 устава уголовнаго судопроизводства и приложеніе къ ней, 1087 ст. того же устава, примѣчаніе къ 69 ст. уложенія о наказаніяхъ), и если такое дѣло возникло въ судебномъ установленіи, то должна быть измѣнена подсудность по заключенію прокурора.

Понятно, что по всѣмъ вопросамъ этого рода, относящимся до подсудности, требуется *письменное* заключеніе прокурора, какъ охранителя

---

[1]) См. мою статью «О постановкѣ вопросовъ на судѣ» въ *Журн. гражд. и угол. права* 1888 г., кн. 3.

[2]) См. мои замѣтки «Жалобы и протесты» въ томъ же журналѣ 1885 г., кн. 8, и 1887 г., кн. 9.

и эксперта законовъ, на основаніи 518 ст. устава уголовнаго судопроизводства. Вотъ почему и важно для судебной практики установить *надлежащій* порядокъ измѣненія подсудности, не зависящій отъ произвола прокурора. Между тѣмъ, съ поврежденіемъ судебныхъ уставовъ ихъ позднѣйшими редакторами, и самая практика представляетъ теперь важныя отклоненія отъ духа и основныхъ принциповъ этого устава. Разсмотримъ же одинъ изъ такихъ случаевъ извращенія смысла 518 ст. устава уголовнаго судопроизводства, представляющій тѣмъ бо́льшій юридическій интересъ, что опредѣленіе судебной палаты по этому вопросу отнынѣ можетъ и, по всей вѣроятности, будетъ служить прецедентомъ для совершенно ошибочной практики въ округѣ этой палаты.

Вслѣдствіе сообщенія пензенской духовной консисторіи и предложенія прокурора, бывшій псаломщикъ Петръ Сократовъ былъ привлеченъ къ слѣдствію по обвиненію въ богохульствѣ (ст. 177 уложенія о наказаніяхъ). Затѣмъ прокуроръ, на основаніи 523 ст. устава уголовнаго судопроизводства, предложилъ окружному суду оконченное слѣдствіемъ дѣло о Сократовѣ: а) *съ заключеніемъ* товарища прокурора *о прекращеніи слѣдствія* по обвиненію Сократова въ богохульствѣ (177 ст. уложенія), каковое дѣло, въ случаѣ преданія Сократова суду судебною палатою, подлежало бы разбирательству окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и б) съ *обвинительнымъ актомъ* товарища прокурора по обвиненію того же Сократова въ кощунствѣ (2 ч. 182 ст. уложенія), каковое дѣло, по предмету обвиненія, подлежало окружному суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Въ распорядительномъ засѣданіи, 11 декабря 1889 г., окружный судъ, выслушавъ словесное заключеніе прокурора и не соглашаясь съ нимъ, нашелъ, что *таковое направленіе дѣла* (съ актомъ и съ заключеніемъ о прекращеніи слѣдствія относительно одного и того же преступнаго дѣянія Сократова) *равносильно предложенію объ измѣненіи подсудности*, хотя мнѣніе прокурорскаго надзора, въ данномъ случаѣ, и выражено не въ формѣ заключенія, установленнаго для сего закономъ (ст. 518); а таковое заключеніе, въ виду рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента сената 1886 г., № 33, подлежитъ разсмотрѣнію судебной палаты, какъ относящееся до преступленія, влекущаго за собою лишеніе правъ состоянія,—и потому окружный судъ опредѣлилъ: означенное дѣло о Сократовѣ съ заключеніемъ и обвинительнымъ актомъ возвратить прокурору при копіи сего опредѣленія.

Уваживъ частный протестъ товарища прокурора на это опредѣленіе суда, саратовская судебная палата опредѣленіемъ, отъ 12 марта 1890 г., выразила: 1) «что по силѣ 2 п. 543 ст. устава уголовнаго судопроизводства производство въ окружномъ судѣ начинается по обвинительному акту прокурора, непосредственно предложенному суду; 2) что согласно 5 п. 520 ст. въ обвинительномъ актѣ означается, какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія; 3) что

таковое опредѣленіе признаковъ преступленія возлагается на прокурора, причемъ квалификація, данная по изслѣдуемому событію судебнымъ слѣдователемъ, не лишаетъ прокурорскій надзоръ права не соглашаться съ слѣдователемъ и обязываетъ его квалифицировать это преступное дѣяніе въ обвинительномъ актѣ болѣе точнымъ образомъ (рѣшеніе сената 1880 г., № 15); 4) что по 527 ст. устава уголовнаго судопроизводства окружный судъ по обвинительному акту прокурора приступаетъ къ производству дѣла по предписаннымъ для сего правиламъ; 5) что на основаніи 547 ст. того же устава, хотя судъ имѣетъ право войти въ провѣрку правильности даннаго прокуроромъ направленія по предмету подсудности дѣла, но, какъ разъяснилъ уголовный кассаціонный департаментъ въ рѣшеніи 1882 г., № 21, обязанъ въ этомъ случаѣ руководствоваться тѣми фактическими данными, которыя установлены въ обвинительномъ актѣ, не входя въ провѣрку съ фактической стороны выводовъ обвинительнаго акта обстоятельствами дѣла, выяснившимися на предварительномъ слѣдствіи, ибо таковая провѣрка составляетъ задачу судебнаго, а не предварительнаго слѣдствія; 6) что посему пензенскій окружный судъ, по предложенному ему прокурорскимъ надзоромъ обвинительному акту о преданіи псаломщика Сократова суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей по 2 ч. 182 ст. уложенія, не имѣлъ основанія, въ виду лишь того, что судебнымъ слѣдователемъ дѣяніе Сократова квалифицировано 177 ст. уложенія, отказываться отъ разсмотрѣнія настоящаго дѣла по предложенному обвинительному акту, тѣмъ болѣе (?!), что прокурорскій надзоръ никакого письменнаго заключенія объ измѣненіи подсудности сего дѣла не предлагалъ, и въ приложеніи имъ заключенія о прекращеніи слѣдствія о Сократовѣ по 177 ст. уложенія вовсе не предстояло и надобности (!); 7) что выводы частнаго протеста товарища прокурора о непримѣнимости къ настоящему дѣлу указаннаго окружнымъ судомъ въ его опредѣленіи рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента сената 1886 г., № 33, представляются заслуживающими уваженія» (!).

Прежде, чѣмъ подвергнуть критикѣ опредѣленіе судебной палаты, обратимся къ самому опредѣленію правительствующаго сената, состоявшемуся 30 сентября 1886 г. по вопросу о встрѣченныхъ затрудненіяхъ въ судебной практикѣ при примѣненіи 518 и 528 ст. устава уголовнаго судопроизводства, изд. 1883 г. Въ этомъ рѣшеніи уголовнаго кассаціоннаго департамента сената 1886 г., № 33, между прочимъ, выражено, что измѣненіе 277, 523 ст. устава уголовнаго судопроизводства закономъ 3 мая 1883 г. [3]) было вызвано желаніемъ законодателя освободить судебныя палаты «отъ непосредственнаго разсмотрѣнія множества представленій судебныхъ слѣдователей и заключеній прокурорскаго надзора о прекращеніи и пріостановленіи дѣлъ о преступленіяхъ, влекущихъ за

3) О недостаткахъ этого закона см. мою замѣтку въ *Журн. гр. и угол. пр.* 1884 г., кн. 4.

собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, ускорить разрѣшеніе этихъ и прочихъ производящихся въ палатахъ дѣлъ, и допущено вслѣдствіе того убѣжденія, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ и по дѣламъ о важныхъ преступленіяхъ можетъ быть предоставлено окружнымъ судамъ не только безъ вреда, но и съ пользою для правосудія, если вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить потерпѣвшимъ отъ преступленій лицамъ право обжалованія такихъ опредѣленій окружнаго суда и уполномочить судебныя палаты, въ случаѣ полученія ими свѣдѣній о неправильности сихъ опредѣленій, требовать такія дѣла и состоявшіяся по нимъ опредѣленія окружныхъ судовъ къ своему разсмотрѣнію, такъ какъ распредѣленіе между окружными судами массы подлежащихъ разсмотрѣнію судебныхъ палатъ этой категоріи дѣлъ должно имѣть своимъ послѣдствіемъ, при указанныхъ условіяхъ, болѣе успѣшное и болѣе тщательное разсмотрѣніе ихъ»... «Что же касается вопроса о причинахъ, по которымъ порядокъ разсмотрѣнія заключеній *объ измѣненіи подсудности* дѣлъ и заключеній о раздѣленіи предметовъ изслѣдованія оставленъ новымъ законоположеніемъ безъ измѣненія, то по отношенію къ *первымъ* онъ разрѣшается тѣмъ соображеніемъ, что вопросъ объ измѣненіи подсудности дѣла имѣетъ большую важность въ сравненіи съ вопросомъ о прекращеніи или пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія. Неправильное измѣненіе подсудности дѣла неизбѣжно соединено съ вредными для правосудія послѣдствіями, заключающимися въ неправильномъ замедленіи окончанія судебнаго процесса и происходящемъ отъ того отягченіи участи подсудимаго. Неправильно направленное дѣло отъ судебнаго слѣдователя, напримѣръ, въ мировыя судебныя установленія, можетъ пройти обѣ инстанціи этихъ установленій и затѣмъ, по разсмотрѣніи въ кассаціонномъ порядкѣ, обратиться вновь къ надлежащей подсудности въ общія судебныя мѣста, то есть къ тому же порядку производства, въ которомъ оно началось. Поэтому правильность разрѣшенія возбужденнаго по дѣлу вопроса объ измѣненіи его подсудности, въ особенности въ томъ случаѣ, когда преслѣдованіе возникло по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, должна быть наибольшимъ образомъ обезпечена, вслѣдствіе чего необходимо, чтобы такіе вопросы, возникающіе по важнымъ дѣламъ, были разрѣшаемы непосредственно наиболѣе компетентною мѣстною властью, то есть судебною палатою». Относительно же оставленія безъ измѣненія закономъ 3 мая 1883 г. порядка разсмотрѣнія заключеній о раздѣленіи предметовъ изслѣдованія (ст. 515 и 516 устава уголовнаго судопроизводства), нерѣдко соединенныхъ съ вопросами о подсудности, сенатъ выразилъ, что таковыя заключенія возможны лишь тогда, когда по тому же дѣлу, по которому они предъявляются, составленъ и обвинительный актъ; если же обвинительный актъ подлежитъ разсмотрѣнію судебной палаты, то и относящееся къ тому же дѣлу заключеніе о раздѣленіи предметовъ изслѣдованія какъ по прежнему, такъ и по нынѣ установленному порядку, подлежитъ раз-

смотрѣнію судебной палаты, тѣмъ болѣе, что разсмотрѣніе одного и того же дѣла въ разныхъ судахъ не допускается». И потому, какъ сказано въ означенномъ рѣшеніи сената, «заключенія прокурорскаго надзора объ измѣненіи подсудности и о раздѣленіи предметовъ изслѣдованія (515, 516 ст. устава уголовнаго судопроизводства) подлежатъ разсмотрѣнію судебной палаты въ томъ случаѣ, когда они относятся къ дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, или—окружнаго суда, когда относятся къ дѣламъ, имѣющимъ своимъ предметомъ преступленія менѣе важныя».

Нынѣ, въ виду закона 7 іюля 1889 г., измѣнившаго 200 и 201 ст. устава уголовнаго судопроизводства, окружному суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей подсудны и дѣла, по которымъ виновному угрожаетъ *ограниченіе* правъ—лишеніе *нѣкоторыхъ особенныхъ правъ*, а потому и заключенія объ измѣненіи подсудности и о раздѣленіи предметовъ изслѣдованія (ст. 518), на основаніи 523 ст. устава уголовнаго судопроизводства, подлежатъ разсмотрѣнію судебной палаты лишь по дѣламъ, по которымъ виновному угрожаетъ потеря всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ состоянія.

Итакъ, если прекращеніе уголовныхъ дѣлъ по всѣмъ преступленіямъ, по 523 ст. устава уголовнаго судопроизводства, въ видахъ облегченія судебныхъ палатъ, закономъ 3 мая 1883 г. возложено на окружные суды, то въ отношеніи измѣненія подсудности и раздѣленія предметовъ изслѣдованія оставленъ прежній порядокъ по 518 ст., что объясняется особою важностью процессуальныхъ вопросовъ этого рода.

И мы, согласно съ судебною палатою, находимъ, что окружный судъ обязанъ принять къ производству дѣло по обвинительному акту прокурора, который въ этомъ актѣ обязанъ квалифицировать преступное дѣяніе указаніемъ на соотвѣтствующій ему карательный законъ, по крайней мѣрѣ, въ его родовыхъ признакахъ, причемъ прокуроръ вправѣ и не согласиться съ ошибочною квалификаціею того же дѣянія, сдѣланною судебнымъ слѣдователемъ. Мы согласны и съ тѣмъ, что судъ обязанъ приступить къ производству дѣла по предписаннымъ для сего правиламъ и опредѣлить порядокъ, въ которомъ оно подлежитъ дальнѣйшему производству (ст. 547 устава), то есть: въ общемъ или въ частномъ порядкѣ обвиненія, съ участіемъ присяжныхъ или безъ участія ихъ. Всѣ эти положенія, основанныя на законѣ, каждое въ отдѣльности, совершенно правильны. Мы не раздѣляемъ только приведенныхъ судебною палатою двухъ положеній, подъ цифрами 6 и 7, и сдѣланнаго ею изъ совокупности всѣхъ положеній вывода, ибо, по нашему мнѣнію, товарищъ прокурора хотя и былъ вправѣ квалифицировать преступное дѣяніе Сократова, подводя его въ обвинительномъ актѣ подъ дѣйствіе 2 части 182 ст. уложенія, а не подъ 177 статью уложенія, какъ полагалъ судебный слѣдователь, но при этомъ слѣдовало предложить суду и утвержденное судебною палатою письменное заключеніе объ измѣненіи подсуд-

ности, а не заключеніе о прекращеніи слѣдствія о богохульствѣ, въ каковомъ заключеніи не было надобности и по мнѣнію самой судебной палаты, и потому, съ нашей точки зрѣнія, къ настоящему дѣлу вполнѣ примѣнимо и приведенное въ опредѣленіи окружнаго суда рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 1886 г. № 33. Но если бы даже признать правильными и послѣднія два положенія судебной палаты, шестое и седьмое, то изъ этого нельзя еще заключить, чтобы, при вѣрности всѣхъ положеній, взятыхъ судебною палатою изъ устава уголовнаго судопроизводства, и сдѣланный ею выводъ былъ бы несомнѣнно правиленъ. И, въ самомъ дѣлѣ, судебная палата своимъ опредѣленіемъ какъ бы *разрѣшаетъ прокурору*, въ нарушеніе 518 ст. устава уголовнаго судопроизводства, *произвольно измѣнять подсудность* безъ согласія суда, который, не имѣя права оспаривать только опредѣленія палаты о подсудности (ст. 549 устава уголовнаго высудопроизводства), въ настоящемъ случаѣ не имѣлъ бы возможности выразить свой взглядъ на подсудность предложеннаго ему дѣла, безъ заключенія прокурора и безъ опредѣленія палаты объ измѣненіи подсудности, и былъ бы вынужденъ принять къ своему производству завѣдомо ему не подсудное дѣло. Въ этомъ ошибочномъ направленіи судебная палата пошла дальше самого прокурора, нарушившаго требованіе 518 ст. устава уголовнаго судопроизводства, ибо и прокуроръ, предложивъ суду обвинительный актъ о Сократовѣ по обвиненію его въ кощунствѣ (2 части 182 ст. уложенія), одновременно предложилъ о томъ же дѣяніи Сократова, подведенномъ судебнымъ слѣдователемъ подъ понятіе о богохульствѣ (ст. 177 уложенія), и заключеніе о прекращеніи слѣдствія. Судебная палата утверждаетъ, что такое заключеніе о прекращеніи слѣдствія излишне, какъ скоро прокуроръ квалифицируетъ преступленіе Сократова по признакамъ кощунства, и что окружному суду тутъ нечего разсуждать, а слѣдовало только, на основаніи 2 п. 543 ст. устава уголовнаго судопроизводства, принять къ своему производству дѣло съ предложеннымъ ему актомъ о кощунствѣ. Но, если бы законодатель допустилъ возможность такого направленія дѣла, какое было дано товарищемъ прокурора, то есть, чтобы съ обвинительнымъ актомъ о кощунствѣ было бы предложено *тому* же суду для разсмотрѣнія и заключеніе о прекращеніи слѣдствія о богохульствѣ *въ видахъ измѣненія подсудности одного и того же преступнаго дѣянія Сократова*, то таковой произвольный процессуальный порядокъ былъ бы допущенъ законодателемъ въ обходъ и даже въ совершенное устраненіе имъ же установленнаго въ 518 ст. устава уголовнаго судопроизводства правила, въ силу котораго прокуроръ «не можетъ» (слѣдовало бы выразиться: *не въ правѣ*, ибо фактически, какъ показываетъ разбираемое нами опредѣленіе палаты, такія нарушенія закона возможны) собственною властью ни измѣнить порядка подсудности, ни прекратить или пріостановить слѣдствіе, ни раздѣлить предметы изслѣдованія безъ согласія на то суда или судебной палаты (ст. 523 устава

уголовнаго судопроизводства). Тогда ни въ какихъ случаяхъ не было бы надобности и въ заключеніи объ измѣненіи подсудности, ибо достаточно было бы практиковать употребленный товарищемъ прокурора способъ дѣйствія, то есть предлагать суду обвинительный актъ и заключеніе о прекращеніи слѣдствія въ отношеніи *одного и того же* обвиняемаго лица и совершеннаго имъ преступнаго дѣянія. Между тѣмъ едва ли возможно оспаривать правило, что заключеніе *о прекращеніи* слѣдствія должно быть составляемо и предлагаемо суду по 523 статьѣ устава на предметъ погашенія обвиненія въ какомъ либо *другомъ* преступленіи, а не въ томъ, по которому составленъ и предложенъ суду обвинительный актъ. Въ данномъ случаѣ обвиненіе въ богохульствѣ фактически было бы прекращено не судомъ, а прокуроромъ, который вздумалъ обвинять Сократова въ кощунствѣ. Выводъ судебной палаты ошибоченъ еще и въ томъ отношеніи, что, по истинному разуму закона, прокуроръ не долженъ предлагать суду заключенія объ измѣненіи подсудности при квалификаціи имъ преступленія только *въ предѣлахъ подсудности*. Для поясненія этого моего вывода приведу примѣръ: положимъ, что, по полицейскому дознанію, нѣкто А. обвиняется и привлеченъ къ слѣдствію въ кражѣ со взломомъ изъ обитаемаго зданія (ст. 1647 уложенія), за что онъ подлежалъ бы отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ; между тѣмъ, по полученіи дѣла отъ судебнаго слѣдователя по 478 ст. устава уголовнаго судопроизводства, прокуроръ усмотрѣлъ, что было бы правильнѣе привлечь того же А. по обвиненію въ кражѣ со взломомъ, съ оружіемъ и по уговору съ другими лицами (ст. 1654 уложенія), за каковую кражу онъ подлежалъ бы лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы. Въ этомъ случаѣ, и по нашему мнѣнію, прокуроръ не долженъ предлагать суду заключенія объ измѣненіи подсудности, ибо имъ сдѣлана болѣе точная квалификація преступленія А. *въ предѣлахъ предъявленной ему при слѣдствіи подсудности*, и обвиняемый А., какъ за кражу со взломомъ изъ обитаемаго зданія, такъ и за таковую же кражу съ оружіемъ и по уговору съ своими соучастниками, будетъ судиться въ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Но вотъ другой примѣръ: нѣкая А. обвинялась полиціей и привлечена къ слѣдствію за предумышленное убійство своего незаконнаго ребенка (ст. 1451 улож.); но прокуроръ находитъ возможнымъ обвинять ее только въ сокрытіи тѣла своего мертворожденнаго младенца (2 ч. 1460 ст. уложенія). Въ этомъ случаѣ, съ нашей точки зрѣнія, прокуроръ былъ бы обязанъ предложить суду обвинительный актъ о преданіи А. суду окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей по 2 ч. 1460 ст. уложенія и утвержденное судебною палатою заключеніе объ измѣненіи подсудности, которымъ было бы погашено привлеченіе той же А. къ слѣдствію по обвиненію въ предумышленномъ убійствѣ своего ребенка (ст. 1451 уложенія), ибо еслибъ она была предана суду за убійство, то судилась бы съ участіемъ присяжныхъ засѣ-

дателей. Если бы вмѣсто утвержденнаго палатою заключенія объ измѣненіи подсудности было бы предложено суду, при обвинительномъ актѣ по 2 ч. 1460 ст. уложенія, и заключеніе о прекращеніи слѣдствія по 1451 ст. на разсмотрѣніе суда, то и таковое направленіе дѣла было бы всетаки болѣе согласно съ закономъ, чѣмъ допущенное судебною палатою по дѣлу Сократова, ибо въ концѣ концовъ оно приведетъ къ измѣненію подсудности съ согласія суда, и требованіе 518 ст. устава уголовнаго судопроизводства въ этомъ случаѣ всетаки будетъ соблюдено. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія судебной палаты, прокуроръ обязанъ предложить суду только актъ по обвиненію А. въ преступленіи, предусмотрѣннымъ 2 ч. 1460 ст. уложенія, а окружный судъ, на основаніи 2 п. 543 ст. устава уголовнаго судопроизводства, обязанъ безпрекословно принять такое дѣло съ актомъ къ своему производству и дать ему ходъ въ порядкѣ слушанія дѣлъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, игнорируя фактъ привлеченія той же А. къ слѣдствію, хотя и за тотъ же самый преступный фактъ, но по обвиненію въ дѣтоубійствѣ. Кѣмъ же въ этомъ случаѣ будетъ прекращено обвиненіе въ дѣтоубійствѣ?—Юридически никѣмъ, а фактически, но съ юридическими послѣдствіями (ибо содержаніе подъ стражей, какъ мѣра пресѣченія по 416 ст. устава уголовнаго судопроизводства, при обвиненіи А. въ сокрытіи трупа, должно быть замѣнено другою, легчайшею мѣрою)—прокуроромъ въ нарушеніе 518 ст. устава уголовнаго судопроизводства, а не окружнымъ судомъ и не судебною палатою, которая чаще всего и не будетъ знать о таковомъ направленіи дѣла, ибо обвиненіе поставлено прокуроромъ по 2 ч. 1460 ст. уложенія, не восходя въ судебную палату для преданія суду,—и дѣло, принятое судомъ по 2 п. 543 ст. устава уголовнаго судопроизводства, будетъ разбираться въ окружномъ судѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Но прекращеніе слѣдственнаго дѣла можетъ исходить только отъ коллегіальнаго судебнаго установленія, которое иначе будетъ поставлено въ необходимость оправдать подсудимую, напримѣръ, по обвиненію въ сокрытіи трупа своего мертворожденнаго младенца, если бы судъ былъ того мнѣнія, что подсудимую слѣдовало бы обвинять въ дѣтоубійствѣ, а не въ сокрытіи трупа младенца. Положимъ, что если преданіе суду исходило не отъ прокурора, а отъ судебной палаты, какъ обвинительной камеры, то по обнаруженіи новыхъ обстоятельствъ, не бывшихъ въ виду палаты при преданіи суду, но вліяющихъ на дальнѣйшее направленіе дѣла, окружный судъ могъ бы поступить, примѣняясь къ 549 ст. устава уголовнаго судопроизводства, т. е. представить о семъ палатѣ, которая вправѣ отмѣнить свое опредѣленіе о преданіи суду, возвратить дѣло къ дослѣдованію и затѣмъ вновь предать того же обвиняемаго суду по обвиненію въ болѣе важномъ преступленіи. Но и въ таковомъ распоряженіи окружнаго суда не предстояло бы надобности, еслибъ судъ имѣлъ въ виду утвержденное палатою заключеніе о прекращеніи слѣдствія, или, по меньшей мѣрѣ, согласился бы съ заключеніемъ прокурора о прекращеніи

слѣдствія, не восходившимъ въ судебную палату, по обвиненію А. въ дѣтоубійствѣ и съ измѣненіемъ подсудности того же дѣла, которое будетъ предложено суду съ актомъ по обвиненію той же А. въ сокрытіи трупа мертворожденнаго младенца. Въ этомъ случаѣ окружный судъ уже съ большею свободою и правильностью могъ бы примѣнить 549 ст. устава уголовнаго судопроизводства, по обнаруженіи на судебномъ слѣдствіи солидныхъ основаній для обвиненія А. въ дѣтоубійствѣ, каковыхъ основаній онъ раньше не усматривалъ. Тогда, и за прекращеніемъ обвиненія въ дѣтоубійствѣ *съ согласія суда*, дѣло о дѣтоубійствѣ, по обнаруженіи на судѣ, при обвиненіи А. по 2 ч. 1460 ст. уложенія, новыхъ доказательствъ, достаточныхъ для преданія суду, могло бы быть возобновлено съ разрѣшенія судебной палаты на основаніи 542 ст. устава уголовнаго судопроизводства, а обвиненіе по 2 ч. 1460 ст. уложенія о наказаніяхъ подлежало бы прекращенію за невозможностью дважды судить А. за одно и то же преступное дѣяніе, которое при вторичномъ разсмотрѣніи обвинительною властью только иначе квалифицировано, чѣмъ при первомъ разсмотрѣніи, когда оно было подведено подъ дѣйствіе 2 ч. 1460 ст. уложенія.

Итакъ, нашъ законъ (ст. 518 устава уголовнаго судопроизводства) не допускаетъ ни малѣйшаго произвола со стороны прокурора въ отношеніи измѣненія подсудности. Для таковаго измѣненія во всѣхъ случаяхъ требуется *санкція* окружнаго суда или судебной палаты (ст. 523 устава). Въ этомъ отношеніи ограничено даже высшее коллегіальное установленіе—судебная палата, какъ обвинительная камера и апелляціонная инстанція. И отъ судебной палаты, при преданіи кого либо суду, требуется указаній фактическихъ обстоятельствъ преступленія, которыя, при квалификаціи его, въ опредѣленіи соотвѣтствовали бы признакамъ, обусловливающимъ составъ преступленія, предусмотрѣннаго карательнымъ закономъ; иначе же подсудимый будетъ лишенъ возможности опровергать на судѣ факты, изъ которыхъ слагается понятіе о приписываемомъ ему преступленіи, а кассаціонный сенатъ будетъ лишенъ возможности провѣрить правильность опредѣленія палаты о преданіи суду. Слѣдовательно, не произвольное усмотрѣніе прокурора, а констатированное судомъ измѣненіе юридической оцѣнки фактовъ, изъ которыхъ слагается преступленіе, можетъ вліять на измѣненіе подсудности. Вотъ что выражено въ рѣшеніи уголовнаго кассаціоннаго департамента сената 1882 г., № 21 (по дѣлу двор. Рогалева): «Въ качествѣ высшей судебной инстанціи, палатѣ несомнѣнно принадлежитъ право исправлять допущенную судомъ первой степени неправильность въ направленіи дѣла по предмету подсудности онаго, хотя бы на таковую неправильность и не было указываемо въ апелляціонныхъ жалобахъ или протестахъ; но и по отношенію къ этому предмету судебная палата, какъ апелляціонная инстанція, не можетъ выходить изъ тѣхъ предѣловъ, которые установлены для судебнаго приговора требованіями 751 ст. устава уголовнаго судопроизводства. Такимъ

образомъ, судебная палата, разрѣшая дѣло въ аппелляціонномъ порядкѣ, имѣла бы право отмѣнить приговоръ суда первой степени, еслибъ ею усмотрѣно было, что фактическія основанія обвиненія, предъявленнаго окружному суду обвинительнымъ актомъ прокурора или установленныя приговоромъ суда первой степени, соотвѣтствуютъ признакамъ преступленія подсуднаго суду высшаго разряда».

Измѣненіе подсудности, какъ процессуальное дѣйствіе, совершаемое съ согласія уполномоченнаго на то коллегіальнаго судебнаго установленія (ст. 518, 523 устава уголовнаго судопроизводства), имѣетъ нѣкоторое сходство съ измѣненіемъ подсудности, которое производится единоличною властью слѣдователя съ вѣдома прокурора, когда онъ примѣняетъ къ производимому, но еще не оконченному имъ, слѣдствію 482 ст. устава уголовнаго судопроизвадства, ибо что иное означаетъ въ этомъ случаѣ передача дѣла, по инціативѣ слѣдователя и, можетъ быть, вопреки мнѣнію прокурора, въ мировой, военный, волостной или духовный судъ? На таковое же измѣненіе подсудности уполномочены и мировые судьи. руководствующіеся 117 статьею устава уголовнаго судопроизводства, которая какъ бы соотвѣтствуетъ 482 ст. Но подобно тому, какъ прокуроръ не вправѣ предложить ни судебному слѣдователю, ни мировому судьѣ о передачѣ производимаго ими дѣла по 482 или 117 статьѣ, по подсудности, въ иное судебное установленіе,—онъ же не вправѣ своею властью измѣнить и подсудность поступившаго къ нему оконченнаго слѣдствія; но, руководствуясь 518 ст. устава уголовнаго судопроизводства, онъ вправѣ только предложить заключеніе окружному суду или судебной палатѣ, смотря по тому—предметъ обвиненія составляетъ ли преступленіе, за которое полагается наказаніе безъ лишенія или съ лишеніемъ правъ, а судъ вправѣ *согласиться* съ этимъ заключеніемъ и, такъ сказать, санкціонировать *предположенное* прокуроромъ измѣненіе подсудности дѣла, или же *не согласиться* съ заключеніемъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ прокурору окружнаго суда остается только опротестовать такое опредѣленіе суда, въ частномъ порядкѣ, по 893 ст. устава уголовнаго судопроизводства. Итакъ, въ виду возможности обжалованія сторонами или опротестованія опредѣленія о подсудности, окружный судъ не утверждаетъ, а только соглашается или не соглашается съ письменнымъ заключеніемъ прокурора объ измѣненіи подсудности. Вотъ почему неправильно поступаютъ нѣкоторые окружные суды, дѣлающіе надписи на заключеніяхъ прокурора объ утвержденіи ихъ въ распорядительномъ засѣданіи. Опредѣленія же судебной палаты, какъ обвинительной камеры и высшей судебной инстанціи, по вопросамъ о подсудности суть опредѣленія окончательныя; ими *утверждаются* заключенія прокурора,—и жалобы и протесты на таковыя опредѣленія по 893 ст. устава уголовнаго судопроизводства не допускаются, а они могутъ быть обжалованы и опротестованы лишь въ кассаціонномъ порядкѣ (ст. 912 устава уголовнаго судопроизводства).

Положимъ, что *иное* судебное установленіе (мировой судья, военный слѣдователь, волостной, духовный судъ и т. д.) не раздѣляетъ мнѣнія судебнаго слѣдователя, передавшаго ему, по подсудности, дѣло на основаніи 482 ст. уст. угол. суд. Тогда возникнетъ пререканіе о подсудности, которое и должно быть рѣшено уполномоченнымъ на то коллегіальнымъ судебнымъ установленіемъ (39 и др. ст. уст. угол. суд.). Процессуальное положеніе такого неоконченнаго слѣдственнаго дѣла, породившаго споръ о подсудности, будетъ аналогично съ положеніемъ оконченнаго производствомъ дѣла, уже признаннаго по 518 и 523 ст. уст. угол. суд. подсуднымъ *иному* суду, если этотъ *иной* судъ, обязанный принять дѣло къ своему производству, при разбирательствѣ дѣла по существу, усмотрѣлъ бы, что оно ему неподсудно. Въ этомъ случаѣ *иному* судебному установленію пришлось бы возвратить или отослать дѣло въ подлежащее судебное установленіе, руководствуясь, смотря по процессуальному его положенію, 117, 39, 40, 232—245, 482 ст. уст. угол. суд. Слѣдовательно, опредѣленіе компетентнаго судебнаго установленія объ измѣненіи подсудности не есть нѣчто непреложное и навсегда обязательное: при *измѣнившихся* обстоятельствахъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго хода и разсмотрѣнія дѣла въ *иномъ* установленіи, въ особенности по возбужденіи и разрѣшеніи пререканій о подсудности, такое опредѣленіе можетъ быть и отмѣнено либо тѣмъ же, либо высшимъ судебнымъ установленіемъ,— лишь бы для вторичнаго или послѣдующаго измѣненія подсудности обнаружились бы новыя и притомъ уважительныя основанія. Опредѣленія же окружнаго суда или судебной палаты о подсудности обязательны для даннаго установленія, пока не измѣнились обстоятельства дѣла, на основаніи которыхъ они постановлены, пока не обнаружены другія основанія для юридической оцѣнки и квалификаціи того же преступленія. Въ этомъ отношеніи судебная практика представляетъ не мало случаевъ неоднократнаго измѣненія подсудности одного и того же дѣла, которое иногда переходитъ изъ одного установленія въ другое, но всякій разъ не иначе, какъ съ разрѣшенія компетентнаго суда, а не по произвольному усмотрѣнію и распоряженію прокурора.

Валер. Волжинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. М. Kovalevsky. *Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété.* Stockholm. 1890 (Publications de la fondation Lorén, № 2).

Новая книга бывшаго профессора московскаго университета еще разъ показываетъ, какую большую утрату понесъ этотъ послѣдній въ лицѣ М. М. Ковалевскаго. Книга состоитъ изъ 15 лекцій, читанныхъ авторомъ на французскомъ языкѣ въ Стокгольмѣ. Среди русскихъ ученыхъ М. М. Ковалевскій, какъ извѣстно, является однимъ изъ главныхъ представителей теоріи естественной эволюціи и ея дѣтища сравнительно-историческаго метода, съ которымъ у него, какъ у соціолога, склоннаго къ широкимъ и къ смѣлымъ обобщеніямъ, соединяется примѣненіе историко-этнографическаго метода и метода переживаній (survivals). Высказывая свое profession de foi, какъ представителя теоріи естественной эволюціи, авторъ замѣчаетъ, что изученіе прошедшаго и настоящаго, чтобы предвидѣть будущее, составляетъ la plus belle ambition dans le domaine de la théorie (p. 3), что процессъ, съ точки зрѣнія этой теоріи, опредѣляется, какъ le développement ininterrompu et spontané des germes féconds semés depuis des siècles par nos aïeux (p. 3). Изученіе эволюціи семьи и собственности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней приводитъ автора къ констатированію окончательной побѣды инстинкта индивидуализма, обусловливающаго стремленіе къ индивидуальной свободѣ, къ индивидуальной семьѣ, къ индивидуальной собственности (срв. pp. 126, 128). Перестройка соціальныхъ отношеній потребовала разрушенія земельной общины, установленія индивидуальной (земельной) собственности (срв. pp. 184—5). Частная собственность вообще, за все время съ момента своего появленія, подвергалась извѣстнымъ ограниченіямъ, навѣяннымъ то интересами родовъ (famille), то интересами общинъ или классовъ (p. 200). Такъ должно быть и впредь: того потребуетъ необходимость реформы соціальныхъ отношеній,—и авторъ рѣзко высказывается за право государства вмѣшаться въ область частной собственности. Je pense

que le droit d'ingérence et de contrôle doit être reconnu à l'Etat, говоритъ М. М. Ковалевскій въ одномъ—и je crois donc que l'ingérence de l'Etat dans la disposition de la propriété ne fera que se développer de jour en jour, въ другомъ мѣстѣ (p. 201). Мы видимъ, такимъ образомъ, что нашъ авторъ не стоитъ въ сторонѣ отъ того движенія, которое въ наши дни пріобрѣтаетъ все бо́льшую и бо́льшую силу въ заатлантической республикѣ и переходитъ въ Англію, движенія съ національзаціей земли и промышленности на знамени, распущенномъ *Генри Джорджемъ* и *Эдуардомъ Беллами* (см. статьи *М. Я. Герценштейна* «Къ вопросу о національзаціи земли» въ Русской Мысли 1888, № 9 и *И. И. Янжула* «Новая фантазія на старую тему» въ Вѣстникѣ Европы 1890, №№ 4 и 5; срв. также рец. на книгу *Sidney Webb* Socialism in England, ib, № 3, стр. 444). Предлагая своимъ стокгольскимъ слушателямъ настоящій курсъ, авторъ имѣлъ въ виду дать сжатую критику уже существующихъ теорій о происхожденіи семьи и собственности, синтезъ данныхъ, пріобрѣтенныхъ за послѣднее время этнографическою наукой и показать значеніе для соціологіи внимательнаго изученія народностей Кавказа и славянскаго міра. М. М. Ковалевскій старается своимъ курсомъ убѣдить стокгольскихъ слушателей въ томъ, что toute nouvelle tentative pour établir une thèse sociologique ne pourra donc valoir que sous la condition d'introduire dans le champ de nos recherches la vie orientale, particulièrement celle du monde slave (p. 2, срв. еще p. 94), и что изученіе указанныхъ народностей дало ему возможность окончательно доказать существованіе матріархата у арійцевъ [1]). Остановимся въ краткихъ чертахъ на основныхъ пунктахъ курса. Отстраняя безусловно гипотезу о существованіи доисторической орды (d'une promiscuité illimitée), авторъ первичной формой общежитія считаетъ *матріархатъ*. знакомый семитамъ и народностямъ арійскаго племени (см. p. 27 полемику по этому поводу съ Г. С. Меномъ и p. 28 съ Starcke de Kopenhagen), такъ что слѣдуетъ отбросить всякую идею о возможности существеннаго различія въ разви-

---

[1]) И дѣйствительно, въ текстѣ курса мы постоянно встрѣчаемъ ссылки на кавказскія или славянскія народности: на первыя, см. pp. 20, 43, 53, 50, 70, 76, 79, 89, 101, 103, 110, 115, 124, 136; на вторыя, см. pp. 34, 41, 42, 43, 55, 58, 63, 70, 81, 86, 90, 93, 96, 106, 108, 113, 120, 133, 139, 152, 163. Говоря о матріархатѣ у древнихъ славянъ, авторъ цитируетъ начальную лѣтопись и 1 ст. Русской Правды. Мы считаемъ необходимымъ прибавить къ этому тотъ фактъ, что въ древне-русскомъ правѣ обращалось особенное вниманіе на происхожденіе по матери: стоитъ припомнить терминъ «робичича» въ устахъ Рогнѣды и постановленіе объ отвѣтственности за оскорбленіе въ томъ случаѣ, когда «баба была въ золотѣ». Что касается ссылокъ на кавказскія народности, то съ многими изъ нихъ читатели «Ю. В.» знакомы по статьямъ М. М. Ковалевскаго, напечатаннымъ въ №№ 2 и 12 за 1888 годъ («Пшавы» и «Родовое устройство Дагестана») Ю. В. и въ № 1 Этнографическаго Обозрѣнія за 1890 г. («Дагестанская Народная Правда»).

тіи семьи у представителей наиболѣе цивилизованной части человѣческаго рода и у народностей дикихъ или краснокожихъ (p. 38). Семьи матріархальная, патріархальная (родъ) и наконецъ индивидуальная суть не что иное, какъ три различныя фазы одного и того же развитія. Власть мужа и отца только съ трудомъ зарождалась въ матріархальномъ общежитіи; ея окончательное зарожденіе повело къ установленію рода (la famille patriarcale), который, какъ доказываетъ славянскій міръ, очень медленно уступаетъ свое мѣсто индивидуальной семьѣ. Если при опредѣленіи первичной формы общежитія автору пришлось спорить съ *Г. С. Мэномъ*, то при характеристикѣ первичнаго типа собственности столкновеніе произошло съ *Фюстель де Куланжемъ*, утверждающимъ la priorité de la propriété individuelle. Отрицая первобытную индивидуальную собственность, авторъ проводитъ теорію d'une évolution spontanée du communisme agraire au sein du société patriarcale et de l'éclosion non moins naturelle de propriété privée. Таковъ общій взглядъ разсматриваемаго курса. Теперь отмѣтимъ нѣкоторыя частности. Древнѣйшая фаза семейной организаціи—единоутробная и экзогамическая семья, не признающая иной связи, кромѣ поліандрической (le mariage par groupe et la filiation par la mère pp. 16, 24). Слѣдующая фаза—патріархатъ—является необходимымъ слѣдствіемъ того порядка вещей, который выработался среди матріархата. Ничтожная связь, соединявшая супруговъ, переходитъ мало по малу въ постоянную, отверждающуюся наконецъ извѣстными религіозными обрядами. Какъ только совершилось это отвержденіе союза женщины и мужчины посредствомъ извѣстной религіозной формы, тотчасъ первобытная власть матери эволюціонируетъ появленіемъ новой силы, власти мужа и отца, которая долго еще находится въ зачаточномъ состояніи (pp. 43, 45). Отвѣчая Г. С. Мэну, по которому самая слабая сторона приверженцевъ матріархата заключается въ объясненіи перехода матріархата въ патріархатъ, М. М. Ковалевскій замѣчаетъ, что le phénomène des mutations qui se sont effectuées au sein de la famille est un phénomène complexe: il se ramène à plusieurs changements consécutifs dont les causes sont distinctes (p. 44). Съ окончательнымъ установленіемъ понятія, выраженнаго римскими юристами въ словахъ «pater est quem nuptiæ demonstrant», и является патріархатъ. Одновременно съ эволюціей матріархата эволюціонируетъ собственность изъ первичнаго коммунизма земельнаго и имущественнаго (meubles). Какимъ образомъ зарождается принципъ частной собственности, когда въ пору этого первичнаго коммунизма производство и потребленіе общее (p. 53)? Нельзя же принять объясненіе, связывающее появленіе частной собственности съ тѣмъ, что l'homme concevant la différence qui existe entre lui et les choses de la nature finit par se les approprier (p. 54)? Нѣтъ,—частное пріобрѣтеніе, по мнѣнію М. М. Ковалевскаго, является результатомъ приложенія индивидуальнаго труда (la théorie qui rapporte au travail l'origine de la propriété particulière, p. 55), хотя вовсе не слѣдуетъ представлять себѣ дѣло такъ, какъ будто

все, пріобрѣтенное индивидуальнымъ трудомъ, цѣликомъ попадаетъ въ руки пріобрѣтателя. Значитъ, предметомъ частной собственности прежде всего явились вещи, производство которыхъ связано съ индивидивидуальными усиліями. Эволюція патріархата и начинается въ тотъ моментъ, когда лишь одна земля остается не раздѣленною и когда l'esprit d'initiative privée, по выраженію автора, уже привелъ къ раздѣленію движимости. Вторая фаза соціальной эволюціи—семья патріархальная—представляетъ собою общину лицъ, связанныхъ происхожденіемъ отъ одного родоначальника, живущую подъ одной кровлей и сообща устраивающую свое благосостояніе (p. 68). Эта родовая община есть вмѣстѣ съ тѣмъ и община религіозная съ своеобразнымъ культомъ предковъ, который появляется лишь съ момента образованія рода (p. 82). Власть мужа и отца въ этомъ періодѣ обширна, но, не будучи установленіемъ первобытнымъ, она далеко не абсолютна, она подчинена общему совѣту членовъ рода (см. pp. 94, 98, 117). Такимъ образомъ, М. М Ковалевскій является противникомъ мнѣнія о всемогуществѣ отца въ эпоху патріархата, восходящаго къ полигаміи и заканчивающаго моногаміей (p. 101). Характерная черта патріархата, его внутренней организаціи это—полное подчиненіе индивида общинѣ и ея представителю (chef de la communauté, p 126), результатъ котораго полное уничтоженіе индивидуальной свободы. Здѣсь и надо искать причины разложенія патріархальной семьи, выражающагося прежде всего въ ослабленіи принципа имущественной нераздѣльности. Родовая община не знаетъ раздѣловъ и права наслѣдованія. Считая la communautè familiale древнѣе земельной общины, авторъ признаетъ (p. 90), что cette conclusion nous aurait suscité naguère encore des contradicteurs nombreux; on admettait exclusivement la commune agricole comme le plus ancien mode de proprieté. Раздѣлъ и отвержденіе права наслѣдованія знаменуютъ собою смѣну патріархата индивидуальной семьей съ авторитетомъ и равноправностью обоихъ супруговъ, покоящихся на взаимномъ договорѣ и обязательствѣ (pp. 150, 152, 160). Эта индивидуальная семья должна стать великою школой альтруизма, de cet altruisme, qui révolutionnera le monde (p. 161). Раздѣлъ и возможность отчужденія создаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ земельную общину, причина распаденія которой намъ уже извѣстна. Мы не останавливаемся на любопытной главѣ «le mir russe et sa dissolution», полагая основныя воззрѣнія на этотъ счетъ автора достаточно извѣстными. Въ заключеніе укажемъ еще разъ на смѣлость автора въ обобщеніяхъ, на широту его взглядовъ, на выдержанность и стройность его теоріи; нельзя также пройти молчаніемъ и учено-популярное изложеніе книги, дозволяющее рекомендовать ее безъ особенныхъ стѣсненій. Какъ не пожалѣть, что этотъ курсъ былъ прочитанъ *московскимъ* профессоромъ не среди *русскаго* студенчества, а въ Стокгольмѣ среди *иноземной* молодежи.

В. Н. С—ъ.

Ernest Lehr. *Eléments de droit civil russe (Russie, Pologne, Provinces baltiques).* Tome deuxième. Paris. 1890 (XX+573 pp.).

Первый томъ названнаго сочиненія вышелъ въ 1877 г. и содержалъ въ себѣ семейственное и вещное право и часть наслѣдственнаго права. Предполагавшіяся частичныя реформы въ правахъ по завѣщаніямъ и обязательствамъ побудили автора пріостановиться съ своей работой; учрежденіе же въ 1882 году редакціонной коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія внушило ему опасеніе, что трудъ, посвященный изученію X тома нашего свода, пропадетъ понапрасну. Но послѣ изданія 1 ч., X т. въ 1887 г. авторъ убѣдился, что знакомство съ правомъ Свода Законовъ еще долго будетъ представлять практическій интересъ, и потому приступилъ къ окончанію своей работы Въ нынѣ вышедшемъ второмъ томѣ содержится: наслѣдованіе по завѣщаніямъ, обязательственное право, законы объ удостовѣреніи, укрѣпленіи и доказательствѣ правъ; и въ особомъ приложеніи—авторское право, законы объ усыновленіи и о выморочныхъ имуществахъ. Задача автора—дать руководство юристамъ-практикамъ, не владѣющимъ русскимъ языкомъ; при этомъ авторъ параллельно знакомитъ ихъ съ общимъ правомъ Россіи и мѣстнымъ правомъ Прибалтійскихъ губерній; сравненій съ польскимъ правомъ въ настоящемъ томѣ нѣтъ, въ виду тождества соотвѣтствующихъ нормъ съ наполеоновскимъ кодексомъ, который предполагается читателю извѣстнымъ. Страницы, посвященныя общему праву Россіи, суть не что иное, какъ свободный переводъ статей 1 ч. X т. и выписокъ изъ кассаціонныхъ рѣшеній, преимущественно тѣхъ, которыя помѣщены въ изданіи Боровиковскаго. Статьи закона и выписки изъ рѣшеній перемѣшаны другъ съ другомъ. Въ общемъ изложеніе статей закона и переводъ выписокъ изъ рѣшеній сдѣланъ правильно; изрѣдка, однако, попадаются и ошибки довольно грубыя. Такъ, на стр. 47 авторъ увѣряетъ, что нашъ законъ вовсе не упоминаетъ о субституціи наслѣдника, между тѣмъ какъ по прим. къ 1011 статьѣ она категорически запрещена; или на стр. 69 авторъ невнимательно перевелъ ст. 1066[8] 1 ч. X т., вслѣдствіе чего получается, будто и отказъ суда въ утвержденіи завѣщанія публикуется въ Сенатскихъ Объявленіяхъ; на той же страницѣ ст. 1066[11] передана такъ, что рѣшительно невозможно возстановить ея истинный смыслъ. Во всякомъ случаѣ, однако, несмотря на эти и другія погрѣшности, сочиненіе г. Лера, не имѣя научнаго значенія, можетъ представлять интересъ для иностранцевъ, какъ справочная книга.

М. Б.

Энрико Ферри. *Преступленія и преступники въ наукѣ и въ жизни.* Переводъ съ итальянскаго. Одесса. 1890 г., стр. 54. Ц. 40 к.

Лежащая передъ нами брошюра итальянскаго профессора Энрико Ферри, автора Nuovi orizzonti и ученика Ц. Ломброзо, представляетъ собою двѣ

лекціи, читанныя въ Болонскомъ университетѣ по особому приглашенію тамошняго студенчества, пожелавшаго ознакомиться съ ученіемъ уголовной позитивной школы прямо изъ устъ виднаго представителя послѣдней. Въ виду такого происхожденія, онѣ носятъ на себѣ характеръ страстной апологіи ученія позитивной школы въ уголовномъ правѣ и разоблаченія тѣхъ инсинуацій, какія позволяла себѣ противная школѣ критика. Вся первая лекція живо вводитъ читателей въ пониманіе происхожденія и развитія теорій позитивной школы. «Въ области преступленій и наказаній позитивная школа не представляетъ абсолютной новизны; она скорѣе есть лишь различная форма, новое примѣненіе того общаго обновленія мысли, которое въ столь разнообразныхъ и живыхъ формахъ проявилась въ XIX столѣтіи». Авторъ разумѣетъ широкое примѣненіе въ научныхъ изслѣдованіяхъ послѣдняго времени экспериментальнаго метода. Вся новизна позитивной школы въ уголовномъ правѣ и заключается почти исключительно въ примѣненіи экспериментальнаго метода къ изученію преступныхъ явленій, въ этомъ—и вся революція противъ вопіющихъ односторонностей классической школы. Послѣ движенія, возбужденнаго итальянскими антрополого-криминалистами, уже не можетъ быть рѣчи объ одномъ изученіи преступленія, какъ законченнаго юридическаго феномена, безъ тщательнаго ознакомленія съ самимъ преступникомъ, съ его психо-физической организаціей, съ окружающей его средой; не можетъ быть рѣчи о свободѣ воли, какъ основаніи для уголовнаго кодекса или о наказаніяхъ, какъ дѣйствительныхъ факторахъ въ дѣлѣ врачеванія преступленій. Итакъ, «методъ и цѣль позитивной школы заключаются въ изученіи естественнаго генезиса преступленія до опредѣленія его юридическихъ свойствъ и юридическихъ послѣдствій». Установивъ это положеніе, авторъ во второй лекціи обращается къ характеристикѣ сущности главныхъ элементовъ, добытыхъ позитивною школой и затѣмъ къ послѣдствіямъ и юридически-соціальнымъ выводамъ, вытекающимъ изъ этихъ элементовъ. Здѣсь интереснѣе всего толкованіе Э. Ферри роли уголовной антропологіи въ теоріяхъ позитивной школы. Позитивная школа вовсе не представляетъ ни одного союза между уголовной антропологіей и уголовнымъ правомъ, ни подчиненія уголовнаго права антропологіи. «Уголовная антропологія, говоритъ Э. Ферри,—одно изъ орудій нашего научнаго движенія, черпающаго свои наблюденія и факты не изъ одной только области антропологіи, а и психологіи, статистики и соціологіи». Признавая справедливость, конечно, не абсолютную, положенія Кэтле «общество приготовляетъ приступленіе, а преступникъ лишь выполняетъ его», авторъ приводитъ насъ къ авторитету священнаго писанія, по которому человѣкъ не можетъ быть судьею человѣка [1]): отсюда по смыслу новой школы не можетъ быть наказанія

[1]) Э. Ферри, вѣроятно, разумѣетъ здѣсь извѣстныя слова евангелиста Матѳея «не судите, да не судими будете» (гл. VII, зач. 20).

въ обычномъ пониманіи этого термина. Общество *не* наказываетъ преступниковъ, а защищается отъ нихъ различными предохранительными мѣрами (см. перечисленіе ихъ на стр. 50). «Каждый изъ насъ, говоритъ Э. Ферри, можетъ совершить преступленіе, можетъ убить кого нибудь въ порывѣ бурной страсти, и тогда преступленіе *можетъ* остаться безнаказаннымъ, какъ это часто и дѣлаетъ *здравый смыслъ* присяжныхъ засѣдателей, выносящихъ такимъ преступникамъ *оправдательный* приговоръ». Всякое преступленіе надо прежде всего изучить какъ естественное и соціальное явленіе, а потомъ уже какъ юридическое.

Вопросъ русскаго государственнаго хозяйства въ статистической разработкѣ.

Временникъ центральнаго статистическаго комитета М—ва внутр. дѣлъ, 1889 г., № 10.—Матеріалы по вопросу о стоимости обработки земли въ Европейской Россіи; № 11—Цѣны на землю въ Европейской Россіи по продажамъ, сдѣланнымъ въ 1882 г. и 1887 г.; № 12—Опытъ разсчета стоимости пшеницы, ржи, овса и ячменя въ производствѣ и въ отношеніи пользованія сборомъ —Старшаго редактора, *В. Аленицына*. Спб. 1889 г.

Въ ряду вопросовъ, имѣющихъ громадную важность, какъ для нашего государства и общества, такъ и для экономической науки, одно изъ первыхъ мѣстъ должно принадлежать вопросу о размѣрахъ и распредѣленіи національнаго земельнаго дохода. Вопросъ этотъ и привлекалъ къ себѣ многихъ изслѣдователей, но до сихъ поръ изучались или отдѣльныя стороны его или же онъ подвергался изученію по отдѣльнымъ мѣстностямъ Россіи. Разсмотрѣнію же во всей своей совокупности вопросъ о размѣрахъ и распредѣленіи земельнаго дохода въ цѣлой Россіи еще не подвергался, что и составляло пробѣлъ въ нашей статистико-экономической литературѣ.

Къ восполненію этого именно пробѣла направленъ цѣлый рядъ новыхъ изданій Ц. Ст. Комитета, выписанныхъ въ заголовкѣ и разработанныхъ (г. Аленицынымъ) по порученію предсѣдателя Высочайше учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія.

Изданія эти имѣютъ нѣсколько различный характеръ и значеніе. Въ то время, какъ одни служатъ лишь для доставленія данныхъ по отдѣльнымъ частямъ общаго вопроса о земельномъ доходѣ, послѣднее изданіе, именно: «Опытъ разсчета стоимости пшеницы, ржи, овса и ячменя въ производствѣ и въ отношеніи пользованія сборомъ», по словамъ предисловія, «представляетъ собою работу теоретическаго характера, состоящую сплошь изъ цифръ вычисленныхъ» [1]).

---

[1]) Опытъ, с. I.

Вычисленія производились, какъ увидимъ ниже, на основаніи данныхъ, заключающихся частью въ остальныхъ изданіяхъ этой группы, частью же въ другихъ оффиціальныхъ работахъ и, по словамъ того же предисловія, «представляютъ, по существу (?), выводы изъ матеріаловъ, въ надежности которыхъ Ц. Ст. Комитетъ не имѣетъ основаній сомнѣваться». Въ виду этого обстоятельства, «а также и того, что работа эта является первою попыткою проложить путь къ статистической разработкѣ одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ русскаго государственнаго хозяйства, комитетъ находитъ обнародованіе ея вполнѣ полезнымъ и современнымъ». Предисловіе заканчивается выраженіемъ увѣренности комитета въ томъ, что указанная работа, несмотря на возможные недочеты, «восполнитъ важный пробѣлъ въ области русской статистики и представитъ въ то же время основаніе для дальнѣйшихъ и болѣе обширныхъ работъ по вопросу о продуктивной рентѣ на землю» [2]).

Въ виду дѣйствительно важнаго значенія вопросовъ, подвергаемыхъ разсмотрѣнію въ работѣ г. Аленицына, и въ виду крайне лестнаго о ней отзыва центральнаго статистическаго комитета, мы остановимся здѣсь, главнымъ образомъ, на разборѣ этой именно работы, касаясь остальныхъ изданій, перечисленныхъ въ заголовкѣ, лишь по стольку, по скольку ихъ данныя служили для цѣлей «опыта» г. Аленицына.

Основною задачею «Опыта» является нахожденіе размѣровъ «продуктивной ренты», которая приводится затѣмъ въ отношеніе къ стоимости земли. Насколько важное значеніе придавалось этой сторонѣ работы, видно изъ слѣдующихъ словъ предисловія: «пересмотръ таблицъ и картограммъ опредѣленно показываетъ, что этой работѣ удалось стать на совершенно новую почву, а именно, впервые привести сложный рядъ различнаго рода вопросовъ о хлѣбѣ *къ одному знаменателю: къ единицѣ цѣнности*, что даетъ возможность поставить въ параллельныя графы тождественныя по своему потенціальному (?) значенію, цифры, которыя иначе относились бы къ предметамъ, не допускающимъ сравненія, а стало быть, ввести въ практику, притомъ въ широкихъ размѣрахъ, пріемъ, представляющійся единственно цѣлесообразнымъ для разъясненія наиболѣе важныхъ, съ государственной точки зрѣнія, вопросовъ хлѣбнаго дѣла» [3]).

Что касается отнесенія размѣровъ ренты къ размѣрамъ фиктивнаго капитала, представляемаго землею, то въ этомъ, конечно, ничего новаго нѣтъ. Давно уже въ политической экономіи установились понятія о процентѣ и множителѣ капитализаціи ренты, и въ очень многихъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ вопросамъ о земельномъ доходѣ, величины эти подвергались нахожденію. Въ чемъ же, спрашивается, заключается та совершенно «новая почва», на которую удалось стать работѣ г. Аленицына? Прежде всего въ томъ, что къ размѣрамъ земельной цѣнности

---

2) Тамъ же, с. I и II.

3) Тамъ же, с. I.

отнесена здѣсь не земельная рента, а нѣчто другое, именно—продуктивная рента. Какому же, однако, понятію отвѣчаетъ этотъ терминъ «продуктивная рента», если не ошибаемся, впервые вводимый г. Аленицынымъ? По словамъ г. Аленицына, названіе это введено имъ для краткости, для обозначенія «ренты на землю, на основаніи стоимости производимаго ею продукта» [4]. Опредѣленія этого мы совершенно не понимаемъ. Въ самомъ понятіи о земельной рентѣ заключается зависимость ея отъ стоимости продукта и этою зависимостью нельзя, слѣдовательно, опредѣлять въ отличіе отъ земельной ренты какую-то особенную продуктивную ренту. При разсмотрѣніи таблицъ, заключающихся въ «Опытѣ» г. Аленицына, обнаруживается, однако, что подъ продуктивною рентою разумѣлось имъ нѣчто имѣющее очень мало общаго съ общепринятымъ значеніемъ понятія о земельной рентѣ въ политической экономіи, причемъ причины, заставившія г. Аленицына ввести новое понятіе, остаются для читателя совершенно не выясненными. Такъ, для нахожденія размѣровъ продуктивной ренты г. Аленицынъ въ число расходовъ, сверхъ оплаты труда, капитала и различныхъ матеріальныхъ издержекъ, вноситъ еще государственный поземельный налогъ, земскіе сборы и даже проценты по банковымъ ссудамъ [5]. Далѣе размѣры ренты опредѣляются отдѣльно для различныхъ культуръ — пшеницы, ржи, овса и ячменя,—хотя одна и та же земля можетъ и даже должна служить для различныхъ культуръ и размѣры ренты должны поэтому опредѣляться для всей совокупности культуръ, примѣняемыхъ въ извѣстной мѣстности. Въ этомъ отношеніи, понятіе о продуктивной рентѣ напоминаетъ нѣсколько одно изъ понятій той отрасли политической экономіи, которая занимается спеціально изученіемъ сельско-хозяйственныхъ явленій—сельско хозяйственной экономіи,—а именно понятіе *о доходности отдѣльныхъ культуръ*. Но о послѣднемъ понятіи г. Аленицынъ нигдѣ не упоминаетъ, и неизвѣстно для чего обогащаетъ экономическую науку созданіемъ новаго, совершенно излишняго термина.

Размѣры «продуктивной ренты», характеристика которой только что сдѣлана, относились затѣмъ къ «земельному капиталу». Мы должны прежде всего отмѣтить здѣсь довольно оригинальные взгляды автора на то, «что нужно разумѣть подъ земельнымъ капиталомъ». Принять для него цифры, выражающія *истинную* стоимость земли, опредѣляемую ея доходностью, г. Аленицынъ находитъ практически невозможнымъ потому, что установка истинной стоимости земли не мыслима въ предѣлахъ работы, имѣющей цѣлью опредѣленіе той доходности, исходя изъ которой

---

4) Тамъ же, с. III.

5) Не понятно, кромѣ того, почему введя для владѣльческихъ земель проценты по банковымъ ссудамъ, г. Аленицынъ не ввелъ въ расходъ для крестьянскихъ земель выкупныхъ платежей, имѣющихъ также характеръ процентовъ по ипотечному долгу.

только и было бы возможно опредѣлить истинную земельную стоимость. Противъ такого аргумента возразить, конечно, нечего; но авторъ находитъ примѣненіе истинной стоимости земли для нахожденія земельнаго капитала неправильнымъ еще и теоретически, подкрѣпляя свое мнѣніе слѣдующими соображеніями: «доходность или убыточность хозяйства опредѣляется вовсе не одними свойствами земли, а всею совокупностью свойствъ управленія хозяйствомъ, такъ, что если сумму доходовъ или дефицитовъ разсматривать, какъ процентъ на извѣстный капиталъ, то опредѣляемый по этому проценту капиталъ вовсе не будетъ выраженіемъ истинной стоимости *земли*, а, если можно такъ выразиться, стоимостью *земли и свойствъ управленія вмѣстѣ*, причемъ для уясненія сравнительнаго соотношенія обоихъ факторовъ не существуетъ никакихъ критеріевъ» [6]. Приведенная здѣсь тирада обнаруживаетъ въ писателѣ, пролагающемъ новые пути въ разработкѣ важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ, смѣшеніе массовыхъ явленій съ индивидуальными. Дѣйствительно, если бы мы по размѣрамъ чистаго дохода того или другого отдѣльнаго владѣнія захотѣли опредѣлить его «истинную стоимость», то въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришли бы неизбѣжно къ ошибочному результату отъ того, что доходъ въ этихъ случаяхъ вслѣдствіе особыхъ хозяйственныхъ способностей владѣльца—«свойствъ управленія»—отличается отъ среднеобычнаго. Обстоятельство это, важное по отношенію къ отдѣльнымъ хозяйствамъ, лишено, однако, всякаго значенія для всей совокупности хозяйствъ, такъ какъ обычная средняя (нормальная) доходность земель, а потому и «истинная стоимость», не представляютъ собою чего либо зависящаго исключительно отъ свойствъ самой земли, но также отъ общаго уровня техническихъ познаній и экономическаго положенія населенія, которыми опредѣляются средніе для данной мѣстности: системы хозяйства, полеводства и сѣвооборота, техническіе пріемы земледѣлія и т. п., входящіе по терминологіи г. Аленицына въ понятіе «свойствъ управленія». Важно только, чтобы на результатъ исчисленія не вліяли бы колебанія «свойствъ управленія», зависящія отъ индивидуальныхъ качествъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, что устраняется производствомъ выводовъ изъ систематическихъ наблюденій надъ массою отдѣльныхъ хозяйствъ, т. е., примѣненіемъ такъ называемаго статистическаго метода.

Въ виду указанныхъ соображеній, изъ которыхъ не всѣ можно признать основательными, г. Аленицынымъ, «вполнѣ оставляя въ сторонѣ вопросъ о размѣрахъ абсолютной доходности земельнаго капитала, признано было соотвѣтствующимъ принять, какъ норму для опредѣленія стоимости земли подъ хлѣбами, залоговую ея стоимость; тѣмъ болѣе, что при отношеніи къ землѣ, какъ къ капиталу, именно залоговая стоимость представляетъ рядъ признаковъ, по которымъ ее можно считать настоящею нормою для разсчета этого капитала. Дѣло въ томъ, что будучи

---

6) Тамъ же, с. X и XI.

потенціаломъ (?!), измѣряемымъ извѣстною (?) единицею мѣры, живой и *совершенный* капиталъ, кромѣ свойства роста, т. е., давать прибыль, долженъ отличаться еще предѣльною степенью подвижности, или иначе, способностью къ переходу въ каждое желаемое время во всякій другой видъ. Земельный же капиталъ приближается къ типу совершеннаго капитала лишь подъ условіемъ разсчета его по залоговой стоимости (своего рода, по курсу), ибо только тогда онъ можетъ быть въ любое время реализированъ для какого угодно дѣйствія и переведенъ въ какой-угодно другой видъ» [7]). Кромѣ совершенно неумѣстнаго употребленія вовсе неподходящихъ терминовъ интегральнаго исчисленія, здѣсь обращаетъ на себя полное отсутствіе у автора пониманія такихъ основныхъ понятій политической экономіи, какъ о капиталѣ. Вѣдь подъ понятіе автора о «живомъ и совершенномъ» капиталѣ подойдутъ только одни деньги, которыя составляютъ только историческую категорію капитала, и притомъ ближе всего кредитныя деньги (реализируются во всякое время «по курсу»), которыя, по мнѣнію многихъ авторитетныхъ экономистовъ, и къ капиталу не причисляются; то же, что всѣми рѣшительно экономистами безспорно относится къ капиталу, какъ, напримѣръ, фабричныя и заводскія зданія и машины, по мнѣнію автора, составятъ лишь не «совершенный» капиталъ. Но если бы взгляды автора на «совершенные» и не «совершенные» капиталы были даже вполнѣ справедливы, то и тогда для насъ остается совершенно непонятнымъ, почему для выраженія стоимости земли нужно искать непремѣнно «живой и совершенный капиталъ»?

Съ этой совершенно ошибочной точки зрѣнія г. Аленицынъ дѣлаетъ, однако, предпочтеніе залоговой стоимости земли передъ продажною, такъ какъ «разсчитанный по ней, т. е., по продажной стоимости, земельный капиталъ не имѣетъ признака предѣльной подвижности, ибо продажа земли требуетъ благопріятныхъ условій и возможна не во всякое время». Любопытно отмѣтить еще, что по мнѣнію г. Аленицына «несомнѣнно точныя данныя» о продажной стоимости земли «имѣются въ нотаріальныхъ архивахъ и крѣпостныхъ столахъ» [8]). Въ предисловіи къ спеціальной работѣ г. Аленицына, посвященной вопросу о «цѣнахъ на землю въ Европейской Россіи» (№ 11), таже мысль высказана въ еще болѣе сильныхъ выраженіяхъ. «Матеріалы для настоящей работы совершенно (?) не представляютъ основаній для ихъ критики, ибо въ своемъ первоначальномъ видѣ они являются сокращенною выборкою изъ имѣющихся въ нотаріальныхъ архивахъ и крѣпостныхъ столахъ актовъ о продажѣ и покупкѣ земельныхъ участковъ въ 1882 и 1887 годахъ. Въ виду того, что въ этихъ выборкахъ занесенъ каждый случай отчужденія какого бы то ни было земельнаго участка въ указанные выше годы, является очевиднымъ, что предлагаемая работа есть сводъ и результатъ обработки статистиче-

---

7) Тамъ же, с. XI.

8) Тамъ же.

скихъ данныхъ извѣстнаго (?) порядка, о неточности или неполнотѣ которыхъ не можетъ быть никакой рѣчи: напротивъ, матеріалы такого достоинства относятся къ безусловно рѣдкимъ въ статистической практикѣ вообще и повсюду» [9]). По вопросу о пригодности актовыхъ данныхъ для опредѣленія продажныхъ цѣнъ на землю писано было много; матеріалъ этотъ подвергнутъ такой всесторонней критикѣ, что говорить объ его «несомнѣнной точности» можно или при очень маломъ знакомствѣ съ русскою статистическою литературой, или при сознательномъ стремленіи искозить истину. Не имѣя основаній заподозрить г. Аленицына въ послѣднемъ, мы должны остановиться на первомъ предположеніи. Незнакомствомъ г. Аленицына съ характеромъ тѣхъ данныхъ, которыя онъ разрабатывалъ, можно объяснить также и самый выборъ лѣтъ, избранныхъ для разработки. Въ виду того, что между 1882 и 1887 годами произошелъ значительный упадокъ цѣнъ на хлѣбъ, выборъ остановился на этихъ именно годахъ, причемъ въ результатѣ получилось, что, несмотря на упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ, цѣны на землю за этотъ промежутокъ времени не пали, но даже повысились въ среднемъ на 1 десятину на 8 р. 16 к. (отъ 26 р. 41 к. въ 1882 г. до 34 р. 57 к. въ 1887 г.). Выводъ этотъ имѣлъ бы очень важное значеніе, если бы мы не знали, что между 1882 г. и 1887 г. произошло 9 октября 1883 года изданіе новой табели законныхъ оцѣнокъ земли, примѣнительно къ которымъ, вслѣдствіе совершенно понятныхъ побужденій, показываются въ большинствѣ актовъ цѣны на продаваемую землю. Благодаря такому выбору лѣтъ, невозможно рѣшить, произошло ли между 1882 и 1887 годами дѣйствительное поднятіе цѣнъ на землю, или же произошло только кажущееся поднятіе, вслѣдствіе того, что въ 1887 г. *актовыя* цѣны стали ближе къ дѣйствительнымъ, чѣмъ въ 1882 году.

Любопытны тѣ основанія, по которымъ г. Аленицынъ считалъ себя въ правѣ игнорировать совершенно всѣ работы, касающіяся вопроса о земельномъ доходѣ, за исключеніемъ оффиціальныхъ статистическихъ изданій. «Матеріалы инаго рода, разсѣянные по различнымъ источникамъ, представляли рядъ свѣдѣній, которыми затруднительно было пользоваться, ибо они никогда не подвергались взаимному сопоставленію, а потому о степени ихъ достовѣрности судить было нельзя» [10]). Гдѣ же, однако, нужно было искать тѣхъ сопоставленій, о которыхъ говоритъ здѣсь г. Аленицынъ? Ужъ, конечно, не въ тѣхъ работахъ, какъ, напримѣръ, земскихъ оцѣночныхъ изслѣдованіяхъ, которыя впервые доставляли данныя по извѣстнымъ вопросамъ. Упрекъ въ отсутствіи сопоставленій съ другими данными можетъ относиться только къ тѣмъ работамъ, которыя, появляясь позднѣе, могли и дѣйствительно должны были составляться только послѣ предварительнаго знакомства съ опубликованными ранѣе дан-

---

9) Цѣны на землю, с. I.

10) Опытъ, с. IV.

ными и способами ихъ полученія. Такъ, напримѣръ, если бы г. Аленицынъ потрудился ознакомиться предварительно съ земско-статистическою литературою, то во II и III томахъ сборника по Московской губерніи нашелъ бы подробныя указанія о способахъ критики актовыхъ данныхъ о продажныхъ цѣнахъ на землю и не сдѣлалъ бы тѣхъ элементарныхъ ошибокъ, о которыхъ мы только что говорили.

Такое же отсутствіе правильнаго критическаго освѣщенія замѣчается по отношенію ко всѣмъ рѣшительно даннымъ, служившимъ для составленія «опыта разсчета». Чрезвычайно оригинальнымъ способомъ доказывается, напримѣръ, «надежность данныхъ», заключающихся въ изданіяхъ центральнаго статистическаго комитета «Урожаи» и «Распредѣленіе земль по угодьямъ». Основаніемъ для этого служила работа г. Борковскаго «Очеркъ свѣдѣній о вывозѣ, ввозѣ и цѣнахъ хлѣбовъ ржанаго, пшеничнаго, ячменя и овса и потребленія этихъ продуктовъ», помѣщенная въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (отд. стат., томъ VI, 1889, стр. 397—413). «Исходя изъ данныхъ, имѣющихся въ министерствѣ путей сообщенія, о количествѣ, съ одной стороны, хлѣбныхъ грузовъ, идущихъ за границу, а съ другой, о количествѣ хлѣба, передвигающагося въ предѣлахъ государства,—слѣдовательно, свободнаго и обращающагося въ продажѣ, г. Борковскій рѣшился сдѣлать попытку разсчета количества хлѣба, причитающагося на продовольствіе 1 жителя. Вычитая, поэтому, сумму количества хлѣба, какъ вывозимаго за границу, такъ равно и обращающагося въ продажѣ, изъ количества сбора хлѣба за соотвѣтствующій годъ, по свѣдѣніямъ «Урожаевъ» центральнаго статистическаго комитета, г. Борковскій разсчиталъ, сколько изъ получающагося остатка приходится на 1 душу, пользуясь цифрами населенія, выработанными также комитетомъ. Въ результатѣ вычисленія, при которомъ различные хлѣба, за исключеніемъ ржи, были пересчитаны по коэффиціенту сравнительной питательности на рожь, получилось, что на продовольствіе одного жителя приходится около 12 пудовъ ржи въ годъ ($11,_{97}$ п.)» [11]). Цифра эта, опредѣленная, главнымъ образомъ, на основаніи данныхъ центральнаго статистическаго комитета, оказалась довольно близкою къ нормѣ (1 четверть озимаго и $0,_5$ четверти яроваго хлѣба), которую принимаетъ съ 1883 года центральный статистическій комитетъ при разсчетахъ о количествѣ хлѣба, необходимаго на продовольствіе. Норма эта имѣетъ совершенно случайное происхожденіе, установившись издавна въ административной практикѣ при опредѣленіи количества запасовъ хлѣба, необходимаго на продовольствіе, но не одного жителя, а одной *ревизской души*.

Изъ этой близости результатовъ вычисленія г. Борковскаго къ величинѣ, имѣющей совершенно случайное происхожденіе, независимое отъ

[11]) Не имѣя подъ руками работы г. Борковскаго, мы излагаемъ ея содержаніе словами г. Аленицына. (Опытъ, с. IV и V).

какихъ бы то ни было статистическихъ работъ, трудно, конечно, сдѣлать какой нибудь опредѣленный выводъ, но г. Аленицынъ думаетъ очевидно совершенно иначе, полагая, что «г. Борковскій весьма простымъ, по существу, пріемомъ доказалъ, что цифры, представляемыя «урожаемъ» и «распредѣленіемъ земель по угодьямъ» (на основаніи которыхъ «урожаи» вычисляются),—а также и цифры населенія,—отличаются весьма значительною степенью точности». Не останавливаясь особенно на неубѣдительности такихъ аргументовъ, которая слишкомъ элементарна (по совпаденію двухъ величинъ, изъ которыхъ одна является совершенно случайною, заключается о совпаденіи десятковъ тысячъ другихъ данныхъ), мы замѣтимъ слѣдующій еще болѣе смѣлый выводъ, который дѣлаетъ отсюда же г. Аленицынъ: «въ виду обнаруженной (!) этимъ путемъ надежности данныхъ «урожаевъ» и «распредѣленія земель по угодьямъ», устраняется, по словамъ г. Аленицына, всякое основаніе считать рискованнымъ и разсчетъ подобный настоящему (т. е. разсчетъ г. Аленицына), такъ какъ онъ прежде всего строился именно на названныхъ матеріалахъ. Напротивъ, при доказанной (?) нынѣ большей достовѣрности основаній для него, можно полагать, что неизбѣжныя неточности и недочеты въ данныхъ другаго рода, входящихъ въ работу, какъ элементы для разсчета, не могутъ въ сильной степени повліять на надежность выводовъ и измѣнить характеристики статистическихъ типовъ настолько, чтобы уклоненія отъ дѣйствительности оказались значительными» [12]).

Послѣ этихъ бѣглыхъ замѣчаній о теоретическихъ воззрѣніяхъ и общихъ методическихъ пріемахъ г. Аленицына, обратимся къ болѣе подробному разсмотрѣнію технической стороны «Опыта разсчета». Данныя этого разсчета сгруппированы въ четырехъ основныхъ таблицахъ, отдѣльно по каждому изъ четырехъ разсматриваемыхъ хлѣбовъ, и сводной—по всѣмъ этимъ хлѣбамъ вмѣстѣ. Конструкція основныхъ таблицъ представляется совершенно одинаковою, и въ нихъ для каждой губерніи приводятся отдѣльно для владѣльческихъ и надѣльныхъ крестьянскихъ земель, а также для тѣхъ и другихъ вмѣстѣ слѣдующія данныя: 1) стоимость земли подъ даннымъ хлѣбомъ (съ паромъ); 2) данный хлѣбъ стоитъ себѣ (общая сумма стоимости распадается на слѣдующіе расходы: сѣмена, обработка земли и платежи на землю, куда входятъ: государственный налогъ, земскій сборъ и проценты по банковымъ ссудамъ); 3) данный хлѣбъ даетъ: а) на продовольственныя нужды (на продовольствіе и въ запасъ), б) въ продажѣ (внутри государства, подвозъ, за границу, провозъ) и в) всего съ сѣменами; 4) разность и 5) % на земельный капиталъ.

Посмотримъ, какое значеніе имѣетъ каждая изъ этихъ величинъ и какимъ образомъ онѣ были установлены. Первая графа «стоимость земли подъ даннымъ хлѣбомъ (съ паромъ)» представляетъ произведеніе двухъ

---

12) Тамъ же, с. V.

«цифръ»: числа десятинъ земли подъ даннымъ хлѣбомъ съ паромъ и стоимости одной десятины. «Первыя цифры вычислены по даннымъ «распредѣленія земель по угодьямъ» такимъ образомъ, что по количеству пара и количеству земель подъ посѣвами хлѣбовъ,—исключивши кормовыя травы,—опредѣлено количество пара, причитающагося на одну десятину земли, находящейся подъ посѣвомъ. Затѣмъ, помножая цифры земли, занимаемой подъ посѣвъ даннаго хлѣба, на полученный, указаннымъ образомъ, показатель количества пара, вычислено уже и количество пара, приходящагося на тотъ или другой хлѣбъ». Пріемъ этотъ, по мнѣнію самого автора, «несомнѣнно, не можетъ вести къ вполнѣ точнымъ результатамъ, но имѣющіеся матеріалы не даютъ мѣста какому либо другому» [13]). Въ дѣйствительности, пріемъ этотъ является совершенно произвольнымъ, какъ и всякій другой, не основанный на статистическихъ разсчетахъ, способы которыхъ могъ бы найти авторъ въ любомъ курсѣ сельско-хозяйственной экономіи. О томъ, что для величины стоимости земли приняты были ея залоговыя цѣны, было указано выше. Здѣсь мы отмѣтимъ только, что при этомъ для сравненія съ «продуктивною рентою» пахатныхъ земель, введены были стоимости безъ различія угодій, благодаря чему стоимость земель сравнительно съ ихъ «продуктивною рентою» должна была вообще понизиться и притомъ не одинаково для различныхъ мѣстностей, въ зависимости отъ пропорціи различныхъ угодій и ихъ относительной стоимости въ заложенныхъ земляхъ. Такъ какъ величины обоихъ множителей не соотвѣтствовали ихъ дѣйствительному значенію, то и произведеніе ихъ не должно было выражать собою дѣйствительной «стоимости земли подъ даннымъ хлѣбомъ (съ паромъ)».

Изъ величинъ, входящихъ въ составъ второй главной рубрики таблицъ, мы остановимся здѣсь только на стоимости обработки. Источникомъ для опредѣленія этой стоимости служили данныя, заключающіяся въ работѣ № 10 (Матеріалы по вопросу о стоимости земли въ Европейской Россіи). Данныя эти собирались губернскими начальствами, согласно особымъ инструкціямъ, отдѣльно для каждаго уѣзда, причемъ при опредѣленіи приблизительныхъ поуѣздныхъ нормъ предлагалось руководствоваться показаніями свѣдущихъ сельскихъ хозяевъ. О томъ, руководились ли дѣйствительно губернскія начальства показаніями свѣдущихъ сельскихъ хозяевъ и чьими именно, предисловіе умалчиваетъ. Между тѣмъ, мы имѣемъ нѣкоторыя основанія полагать, что и эти данныя собирались тѣмъ же обычнымъ канцелярскимъ путемъ, какимъ вообще собираются «губернскими начальствами» статистическія свѣдѣнія для представленія центральному комитету. Губернскіе статистическіе комитеты предписаніями требуютъ свѣдѣній отъ исправниковъ, тѣ—отъ становыхъ, а становые обращаются за свѣдѣніями въ волостныя правленія. Отъ

[13]) Тамъ же, с. XII и XIII.

степени достовѣрности свѣдѣній, которыя доставлены по данному вопросу волостными правленіями [14]), зависитъ и качество данныхъ въ тѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ сводахъ, которые опубликовываются центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Что касается степени достовѣрности показаній, даваемыхъ волостными правленіями или, правильнѣе, волостными писарями, то вопросъ этотъ трактовался въ нашей литературѣ довольно различно. Различіе взглядовъ по этому вопросу заключается въ томъ, что, по мнѣнію однихъ, всѣ свѣдѣнія, доставляемыя волостными правленіями, безъусловно непригодны, по своей малой достовѣрности, ни для какихъ рѣшительно статистическихъ выводовъ; по мнѣнію же другихъ, нѣкоторыми изъ этихъ свѣдѣній можно пользоваться, хотя при соблюденіи извѣстныхъ предосторожностей. Главныя изъ нихъ заключаются въ томъ, чтобы вопросы, по которымъ требуются свѣдѣнія отъ волостныхъ правленій, были вполнѣ доступны пониманію волостныхъ писарей и не требовали съ ихъ стороны значительнаго труда по составленію отвѣтовъ. Удовлетворяютъ ли, однако, этимъ условіямъ тѣ вопросы, которые требовались центральнымъ статистическимъ комитетомъ для опредѣленія стоимости обработки? Можно ли ожидать, напримѣръ, со стороны волостныхъ писарей знакомства съ урочнымъ положеніемъ на сельско-хозяйственныя работы, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не существуетъ частно-владѣльческаго хозяйства и гдѣ понятіе о десятинахъ является самымъ смутнымъ? И не только волостные писаря, но и грамотное большинство частныхъ владѣльцевъ были бы поставлены въ крайнее затрудненіе нѣкоторыми изъ вопросовъ программы центральнаго статистическаго комитета. Что можно отвѣтить, напримѣръ, на вопросъ о стоимости одного воза навоза въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ навозъ не покупается и не продается, т. е. въ большей части Европейской Россіи? Правда сельско-хозяйственная экономія даетъ различные способы для оцѣнки, такъ называемыхъ, нерыночныхъ продуктовъ; но много ли сельскихъ хозяевъ знакомы съ сельско-хозяйственной экономіей? Да, и въ сельско-хозяйственной экономіи вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ и допускающихъ весьма различныя толкованія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію матеріала, заключающагося въ названномъ изданіи центральнаго статитистическаго комитета, мы должны замѣтить прежде всего, что данныя о стоимости обработки разработаны здѣсь по тремъ различнымъ «категоріямъ», и для стоимости обработки выведены три различныя величины: низшая, высшая и средняя. Для вывода послѣдней употреблялся довольно оригинальный пріемъ, который врядъ ли, однако, вызоветъ подраженія, а именно «по наименьшимъ и наибольшимъ цифрамъ числа рабочихъ дней и стоимости одного рабочаго дня опредѣ-

---

14) Намъ лично пришлось видѣть во многихъ волостныхъ правленіяхъ разграфленные бланки для свѣдѣній, собираемыхъ по порученію коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія.

лены (?) среднее число дней и средняя стоимость дня» [15]). Затѣмъ отдѣльно для наименьшаго числа дней при наименьшей стоимости дня выведена низшая стоимость обработки, при наибольшемъ числѣ дней и наибольшей ихъ стоимости—высшая и, наконецъ, при «среднемъ» числѣ рабочихъ дней и «средней» стоимости одного дня выведена «средняя стоимость обработки». Само предисловіе предостерегаетъ, однако, отъ пользованія полученными такимъ образомъ, средними выводами, находя, что «примѣненіе къ разсчетамъ, въ сколько нибудь значительныхъ (?) размѣрахъ, стоимостей среднихъ, несомнѣнно должно приводить къ невѣрнымъ результатамъ». Замѣчаніе это вполнѣ справедливое относительно тѣхъ особаго рода среднихъ, которыя выводились въ работѣ г. Аленицына, авторъ предисловія пытается распространить вообще на среднія цѣны, причемъ высказываетъ слѣдующія оригинальныя соображенія: средняя стоимость обработки земли основана на средней *цѣнѣ* рабочаго дня, такъ сказать, на его *рыночной* цѣнѣ, которая, какъ само собою понятно, всегда значительно выше той цѣны, по которой дѣлаются сдѣлки при обычныхъ порядкахъ найма рабочихъ. По этой причинѣ среднія стоимости, безъ сомнѣнія, пригодны только какъ руководящія данныя для соображеній, во что можетъ обойтись въ томъ или другомъ частномъ случаѣ обработка земли при спросѣ рабочихъ на рынкѣ (разумѣя слово «рынокъ» въ общемъ и теоретическомъ смыслѣ)» [16]). Какимъ образомъ среднія стоимости труда, выражаемыя рыночными цѣнами, принимая понятіе о рынкѣ въ общемъ и теоретическомъ смыслѣ, могутъ оказываться, и притомъ, *само собою понятно*, всегда выше обычной стоимости труда, понять довольно трудно, если не допустить, что, по мнѣнію автора цитированныхъ строкъ, «общее и теоретическое» понятіе о рынкѣ совпадаетъ съ вульгарнымъ понятіемъ о «базарѣ».

Въ виду указанныхъ соображеній, а также «въ силу стремленія всякаго хозяйства, тѣми или другими путями, къ возможному удешевленію производства хлѣба, ближе всего къ истинной стоимости обработки земли» должны оказаться, по мнѣнію г. Аленицына, «во всякомъ (?) случаѣ, *низшія* стоимости» [17]). Насколько достовѣрны эти послѣднія данныя, примѣняемыя Аленицынымъ во всѣхъ его разсчетахъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ сопоставленій: стоимость обработки земли (безъ удобренія) принята для Виленской губерніи въ 10 руб. 59 к., а для сосѣдней Ковенской слишкомъ вдвое—22 р. 41 к.; для Нижегородской—12 р. 80 к., тогда какъ для сосѣдней Владимірской — 22 р. 97 к. и Костромской—21 р. 87 к. и т. д. Но особенно рѣзко бросаются въ глаза колебанія въ стоимости навоза, возъ котораго оцѣненъ для Виленской губерніи въ 75 коп., а для сосѣднихъ: Минской—въ 13 к., а Витебской—даже въ

15) Матеріалы, с. 2.

16) Тамъ же, с. 2 и 3. См. также «Опытъ», с. XIII и XIV.

17) Матеріалы, с. 2.

11 к., т. е, почти въ 7 разъ менѣе и т. п. Здѣсь приходится вновь пожалѣть о незнакомствѣ автора съ земско-статистическою литературою, и особенно со сборниками по текущей сельско-хозяйственной статистикѣ, въ которыхъ заключается много достовѣрныхъ данныхъ о стоимости различныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Сопоставляя съ ними матеріалъ, доставленный центральному статистическому комитету, г. Аленицынъ имѣлъ бы возможность для очень многихъ случаевъ опредѣлить степень достовѣрности этого матеріала и отбросить тѣ данныя, относительно правильности которыхъ возникали бы основательныя сомнѣнія. Однако, ничего этого, благодаря незнакомству г. Аленицына съ земско-статистическою литературою, имъ не сдѣлано.

Не останавливаясь на разборѣ остальныхъ данныхъ, заключающихся въ этихъ «матеріалахъ» (о распространенности примѣненія машинъ при производствѣ хлѣба и о стоимости машинной работы сравнительно съ ручною), такъ какъ данныя эти въ самомъ предисловіи характеризуются, какъ «приблизительныя», мы отмѣтимъ здѣсь еще крайне неудовлетворительную форму таблицъ, въ которыхъ сгруппированы всѣ эти данныя. Дѣло въ томъ, что, не смотря па существованіе горизонтальной легенды, цифры каждаго столбца имѣютъ, смотря по своему положенію, шесть различныхъ значеній. Благодаря этому, обзоръ таблицъ очень затруднителенъ тѣмъ болѣе, что цифры, различныя по своему значенію, по шрифту другъ отъ друга нисколько не отличаются. Слѣдовало бы или увеличить число столбцовъ таблицы, удлинивъ ее горизонтальную легенду, или, еще лучше, разбить общую таблицу о стоимости обработки на рядъ отдѣльныхъ таблицъ о стоимости каждой отдѣльной работы. Мы обратили вниманіе на это само по себѣ не особенно важное обстоятельсво въ виду того, что прежнія изданія центральнаго статистическаго комитета не заключали въ себѣ такихъ элементарныхъ погрѣшностей въ отношеніи техники изданія таблицъ.

«Матеріалы по вопросу о стоимости обработки» доставляли двоякаго рода выводы, служившіе затѣмъ для дальнѣйшихъ исчисленій въ «Опытѣ разсчета» г. Аленицына. Одинъ изъ этихъ выводовъ долженъ былъ показывать собою величины стоимости обработки одной десятины земли безъ удобренія, другой — стоимости удобренія одной десятины. Перваго рода величины или, по терминологіи г. Аленицына, «показатели стоимости обработки» умножались на площади, занятыя отдѣльными культурами. Для полученія же валовой стоимости обработки къ этому произведенію прибавлялось еще другое произведеніе, а именно: изъ вычисленной площади пара, приходящейся на данную культуру, на «показатель стоимости удобрѣніе». Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію способовъ опредѣленія послѣдняго, мы должны обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое необходимо должно было проозвести весьма значительное преувеличеніе стоимости обработки. Дѣло въ томъ, что вся рожь и пшеница считаны въ данной работѣ озимымы. Обстоятельство это,

неособенно важное въ отношеніи ржи (культура яровой ржи вообще незначительна), должно было оказать весьма существенное вліяніе на исчисленіе стоимости обработки пшеницы, такъ какъ яровая пшеница является, напротивъ, гораздо болѣе распространенною въ Россіи, чѣмъ озимая [18]).

Удобреніе, приходящееся на паръ, исчислялось только для озимыхъ хлѣбовъ, т. е. для ржи и пшеницы или, говоря иначе, только для тѣхъ долей пара, которыя отнесены были, согласно указанному выше разсчету, на культуру этихъ хлѣбовъ. Въ этомъ заключается новаая непослѣдовательность, дѣйствующая, впрочемъ, отчасти въ сторону обратную, чѣмъ указанная выше. Дѣло въ томъ, что, распредѣляя, на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, площадь пара между отдѣльными культурами, необходимо было и всѣ расходы, производимые на эту площадь, распредѣлить между всѣми этими культурами. Между тѣмъ, почему то на долю овса и ячменя изъ стоимости удобренія не отнесено ничего, причемъ приходящіяся на нихъ доли не были отнесены и къ другимъ культурамъ, а по совершенно необъяснимой причинѣ вовсе исчезли изъ всѣхъ дальнѣйшихъ разсчетовъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію слѣдущей части таблицъ: «хлѣбъ даетъ». Общая сумма годичнаго производства каждаго рода хлѣба опредѣлялась на основаніи данныхъ «урожаевъ». Мы указали уже выше на оригинальную аргументацію, употребленную г. Аленицынымъ, въ доказательство полной достовѣрности данныхъ, заключающихся въ «урожаяхъ». Какъ ни мало убѣдительны доказательства г. Аленицына, мы готовы, однако, хотя, конечно, на совершенно другихъ основаніяхъ, признать данныя «урожаевъ» въ общемъ близкими къ истинѣ и пригодными для различныхъ общихъ соображеній, и обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ операцій, которыя производятся надъ этими данными г. Аленицынымъ.

Общая сумма урожая даннаго хлѣба подвергалась, прежде всего, какъ уже выше сказано, расчлененію на хлѣбъ, употребляемый на общественныя нужды (продовольствіе и запасъ) и обращающійся въ продажѣ (внутри государства и за-границу). Особо опредѣлялся, для исключенія изъ общаго итога, чтобы получить хлѣбное производство данной губерніи, хлѣбъ, поступавшій въ данную губернію на продажу или для транзита изъ другихъ губерній. Основаніемъ для расчисленія хлѣба на эти группы служили свѣдѣнія, доставленныя мѣстными начальствами одновременно

---

18) По даннымъ «Распредѣленія земель по угодьямъ» подъ яровою пшеницею, находилось 8.174,000 десятинъ, тогда какъ подъ озимою въ $3^1/_2$ раза меньше всего 2.547,100 дес. Близкія къ этимъ цифры приводятся и въ другомъ изданіи: «Средній урожай въ европейской Россіи за пятилѣтіе 1883—1887 г.», по которому яровою пшеницею занято 8.992,000 дес. и озимою—2.498,000. Обѣ эти работы изданы Центр. Ст. Комитетомъ и потому, казалось-бы, должны быть нѣсколько знакомы одному изъ его старшихъ редакторовъ.

съ охарактеризованными уже выше данными о стоимости обработка земли. Никакой критики этихъ свѣдѣній въ работѣ г. Аленицына не заключается, если не считать замѣчанія, что «эти матеріалы», при всѣхъ своихъ недочетахъ, — ибо свѣдѣнія собраны въ силу требованій дѣла весьма быстро, — отличаются большою подробностью и обильными данными». Мы сомнѣваемся, однако, въ противность мнѣнію г. Аленицына, чтобы свѣдѣнія эти представляли «весьма достаточный фундаментъ для различныхъ соображеній» [19]). На эти сомнѣнія, кромѣ указанія самого г. Аленицына на какіе-ьо «недочеты» въ данныхъ, а отрицательныя указанія (крайне рѣдкія во всѣхъ разбираемыхъ работахъ) дѣлались, повидимому, съ крайнею осмотрительностью, наводитъ еще охарактеризованная выше неудовлетворительность данныхъ о стоимости обработки земли, собранныхъ тѣмъ же путемъ, изъ того же источника.

Каждая изъ величинъ, на которыя расчленялась общая сумма урожая, подвергалась затѣмъ дальнѣйшему расчлененію по категоріямъ хозяйствъ. Въ важнѣйшей части этой работы, именно при опредѣленіи количества хлѣба, потребляемаго на продовольствіе владѣльцами и крестьянами, употреблялся пріемъ, который должно признать совершенно произвольнымъ. Сущность этого пріема заключается въ томъ, что сельское населеніе губерній, опредѣленное по послѣднимъ свѣдѣніямъ статистическаго комитета (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Россіи за 1882 г.), было раздѣлено пропорціонально «цифрамъ» «волостнаго» и «не волостнаго» населенія, собраннымъ и разработаннымъ попутно при поземельномъ обслѣдованіи 1877 г., и вычисленное волостное населеніе принято за населеніе сельскихъ обществъ, а неволостное — за населеніе поселковъ и владѣльческихъ экономій. «Раздѣляя далѣе пропорціонально полученнымъ числамъ и числу населенія городовъ, цифры продовольствія, выведенныя изъ матеріаловъ, доставленныхъ губернскими начальствами, установлены цифры размѣра продовольствія, необходимаго для городовъ, сельскихъ обществъ и населенія владѣльческихъ поселковъ, принятыя далѣе за нормы» [20]).Здѣсь въ сущности цѣлый рядъ произвольныхъ допущеній. Во 1-хъ, для потребленія 87 г. является произвольнымъ пользоваться данными о населеніи 1882 года; во 2-хъ, нельзя «неволостное» насоленіе признать однозначущимъ населенію поселковъ и владѣльческихъ экономій; въ 3-хъ, нѣтъ никакихъ данныхъ для допущенія, чтобы за 10 л. (1877—87 г.) отношеніе между волостнымъ и неволостнымъ не могло значительно измѣниться: при малой численности послѣдней группы населенія въ ней возможно, напротивъ, предполагатъ значительныя колебанія численности; въ 4-хъ, предполагать одинаковыя продовольственныя нормы для одного городскаго жителя, помѣщика и крестьянина, совершенно невозможно, и каждому извѣстно, что и роды потребляемаго хлѣба и количество его подверга-

19) Опытъ, с. XVII.

20) Тамъ же, с. XVIII.

ются существеннымъ измѣненіямъ при переходѣ отъ одной группы населенія къ другой и т. д. Въ виду цѣлаго ряда такихъ совершенно произвольныхъ допущеній, крайне страннымъ является утвержденіе предисловія, что данной работѣ удалось «связать въ опредѣленныя картины ряды явленій, для которыхъ не имѣлось до сихъ поръ отчетливаго представленія, какъ, напримѣръ, о сравнительныхъ нуждахъ на продовольствіе волостнаго и неволостнаго населенія»[21]).

Въ одинаковой степени произвольнымъ является пріемъ, употребленный г. Аленицынымъ, для распредѣленія остатковъ отъ урожая на хлѣбъ, поступающій въ продажу внутри имперіи, и хлѣбъ, идущій за границу. Распредѣленіе это для каждаго изъ годовъ пятилѣтія 1883—87 г. сдѣлано пропорціонально свѣдѣніямъ, доставленнымъ губернскими начальствами, относительно одного 1887 г. Если бы послѣднія свѣдѣнія были бы совершенно точными, то и тогда такого рода пріемъ былъ бы совершенно не правильнымъ, такъ какъ разница въ размѣрѣ урожаевъ вызываетъ постоянныя колебанія въ распредѣленіи хлѣбныхъ грузовъ, и заключать поэтому по даннымъ одного года о распредѣленіи этихъ грузовъ за цѣлые періоды является ни съ чѣмъ рѣшительно несообразнымъ. На пріемѣ, которымъ продаваемый хлѣбъ подвергался дальнѣйшему расчлененію на владѣльческій и крестьянскій, мы останавливаться не станемъ, такъ какъ и самъ г. Аленицынъ находитъ пріемъ этотъ «произвольнымъ».

Въ результатѣ вычисленія введены были, однако, не количества хлѣба, а ихъ стоимости, причемъ «цифры» продовольствія и запаса умножались на низшую цѣну по даннымъ «Временника», 1889 г., № 3, хлѣба, идущаго въ продажу внутри имперіи—на среднюю по тѣмъ же даннымъ и хлѣба, идущаго за границу, на среднюю для губерній «цѣну къ портамъ». Мы совершенно не понимаемъ причинъ, по которымъ стоимость каждой указанной категоріи хлѣба опредѣлялась по совершенно особымъ нормамъ, и предположеніе о томъ, что хлѣбъ, идущій за границу, продается производителемъ по совершенно другой цѣнѣ, чѣмъ тотъ же хлѣбъ, идущій на продажу внутри имперіи или на продовольствіе,—въ нашихъ глазахъ, совершенно произвольно.

Работа г. Аленицына заключаетъ въ себѣ еще уясненіе «интегральной (?) стоимости провоза хлѣбовъ изъ губерній къ пограничнымъ пунктамъ имперіи и подвоза хлѣба отъ совокупности пунктовъ его производства къ совокупности пунктовъ образованія продажной цѣны на него внутри губерній». Опредѣленіе «интегральной» стоимости провоза основано на данныхъ спеціальной работы г. Гильшера. Не имѣя подъ руками этой работы, мы не считаемъ себя въ правѣ судить объ ея достоинствахъ или недостаткахъ. Изъ указаній г. Аленицына видно, что всѣ исчисленія, такъ называемыхъ «показателей интегральной стоимости провоза» сдѣ-

---

21) Тамъ же, с. I и II.

ланы были на основаніи данныхъ о стоимости провоза по желѣзнымъ дорогамъ. Данныя же о стоимости провоза по водянымъ сообщеніямъ, не смотря на громадное количество хлѣбныхъ грузовъ, идущихъ по Волгѣ и другимъ рѣкамъ, исключены были изъ всѣхъ разсчетовъ, что не могло, конечно, не отразиться на ихъ точности.

Опредѣленіе стоимости подвоза сдѣлано было при помощи тѣхъ же показателей г. Гильшера. Они сравнивались съ средними губернскими «цѣнами къ портамъ», и среднее ихъ процентное отношеніе, найденное для цѣлой Россіи, примѣнялось затѣмъ для нахожденія стоимостей подвоза хлѣба къ внутреннимъ рынкамъ изъ данныхъ о среднихъ мѣстныхъ цѣнахъ. Основаніемъ для послѣднихъ исчисленій служило предположеніе, что стоимость передвиженія груза должна оплачиваться приблизительно одинаково на данную единицу разстоянія. Каждому извѣстно, однако, что такое предположеніе очень мало отвѣчаетъ дѣйствительности. Кромѣ того, что грузы передвигаются по различнымъ путямъ сообщенія, по которымъ фрахты далеко не одинаковы, существуютъ еще и такъ называемые *дифференціальные* тарифы, въ силу которыхъ указанное приложеніе показателей *интегральной* стоимости является совершенно неправильнымъ. Въ виду всего этого теряетъ всякое значеніе, въ смыслѣ доказательства точности исчисленій г. Аленицына, сравнительная близость полученныхъ имъ стоимостей подвоза для различныхъ хлѣбовъ. Сдѣланное же изъ этого заключеніе объ очевидности того, что «результаты этого вычисленія опредѣленно и вѣско показываютъ, что современныя оффиціальныя статистическія учрежденія идутъ твердымъ путемъ къ тому, чтобы сдѣлать статистику дѣйствительнымъ орудіемъ разумѣнія государственнаго хозяйства, и что на обращающіяся въ ихъ распоряженіи цифры можно полагаться съ большею увѣренностью» [22]), является совершенно апріорнымъ.

Такого заключенія нельзя ни въ какомъ случаѣ сдѣлать, напримѣръ, по результатамъ исчисленія г. Аленицынымъ размѣровъ продуктивной ренты и % отношенія ея къ земельному капиталу. Результаты эти представлены въ таблицахъ и цѣломъ рядѣ картограммъ. Изъ первыхъ оказывается, напримѣръ, что въ общемъ для европейской Россіи только культура пшеницы и ржи доставляютъ нѣкоторую выгоду, выражаемую $15,_{1}$ и $2,_{7}$% на земельный капиталъ. Отъ культуры же овса и ячменя получается въ общемъ по Россіи убытокъ—($8,_{6}$ и—$2,_{5}$% на земельный капиталъ). При разсмотрѣніи размѣровъ прибылей и убытковъ по отдѣльнымъ губерніямъ, мы видимъ, что размѣры эти превышаютъ нерѣдко самые размѣры земельнаго капитала; такъ, напримѣръ, прибыли отъ культуры пшеницы достигаютъ въ Могилевской губерніи $104,_{7}$%, Минской — $175,_{7}$% и Пермской — даже $207,_{7}$%, для той же губерніи культура ржи доставляетъ прибыли $135,_{7}$% и ячменя — $110,_{4}$%; на-

22) Тамъ же, с. XXI.

противъ, культура овса приноситъ убытки, достигающіе въ Костромской губерніи—133,5% и Новгородской—164% на земельный капиталъ. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ цифръ таблицы обнаруживаются еще большія несообразности. Такъ, напримѣръ, стоимость однихъ сѣмянъ оказывается во многихъ губерніяхъ высшею стоимостью самой земли, занятой даннымъ хлѣбомъ (вмѣстѣ съ паромъ). Такъ, напримѣръ, для пшеницы имѣемъ:

Губерніи.	Стоимость земли.	Стоимость сѣмянъ.
Костромская	300,530	428,829
Новгородская	23,953	33,911
Пермская	1.054,225	3.340 903

Тоже самое повторяется для нѣкоторыхъ губерній относительно ржи, овса и ячменя. При разсмотрѣніи цѣлаго ряда приложенныхъ къ изданію весьма изящно выполненныхъ картограммъ, обнаруживается также множество несообразностей.

Полосы, доставляющія максимальныя прибыли, вездѣ соприкасаются съ полосами, доставляющими значительные убытки, и, наоборотъ, полосы максимальныхъ убытковъ находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ полосами значительныхъ прибылей. Такого рода *правильность* повторяется на всѣхъ рѣшительно картограммахъ, представляющихъ «процентъ прибылей и убытковъ». Такъ, въ общемъ по губерніи отъ четырехъ родовъ хлѣба максимальная прибыль получается въ Пермской губерніи, а сосѣднія съ нею Вятская и Уфимская доставляютъ убытокъ; максимальный убытокъ приходится на Новгородскую губернію, а въ сосѣднихъ съ нею Ярославской, Петербургской и Вологодской получается прибыль, и въ послѣдней губерніи весьма значительная.

Ни одна изъ цѣлаго ряда этихъ картограммъ не показываетъ ни малѣйшаго нарушенія подобной *правильности*, изъ чего можно судить о полной непригодности для какихъ бы то ни было выводовъ разсчетовъ г. Аленицына.

Резюмируя вкратцѣ все сказанное выше о разбираемыхъ изданіяхъ и особенно объ «Опытѣ разсчета» г. Аленицына, мы должны признать, что въ нихъ обнаруживаются:

1) Крайняя шаткость теоретическихъ воззрѣній, что выражается въ особенности во взглядахъ на ренту и земельный капиталъ;

2) Малая достовѣрность первичныхъ данныхъ и особенно о стоимости обработки земли;

3) Отсутствіе всякаго знакомства съ пріемами и результатами критики статистическихъ данныхъ,

и вслѣдствіе этого 4) неправильная оцѣнка достовѣрности разработаннаго матеріала и совершенно неосновательныя похвалы собственной работѣ;

наконецъ, 5) полная непригодность ея для производства экономическихъ выводовъ.

Послѣ всего сказаннаго, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что «первая попытка проложить путь», о которой такъ широковѣщательно говоритъ предисловіе къ работѣ г. Аленицына, не даетъ собою рѣшительно никакого отвѣта ни на одинъ «изъ важнѣйшихъ вопросовъ русскаго государственнаго хозяйства», оставляя всѣ вопросы о русскомъ земельномъ доходѣ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ они находились и до появленія разбиравшихся здѣсь изданій.

Н.

Въ Редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

С. А. Венгеровъ. Критико - біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Выпускъ 25. С.-Петербургъ. 1890 г. отъ 145—192 стр.

Dr. E. M. Dementieff. Die russische Fabrikgesetzgebung. Separatabzug aus Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik, herausgegeben von Dr. Heinrich Braun. Tübingen.

Өедоръ Дыдынскій. Латинско-русскій словарь къ источникамъ римскаго права. Варшава. 1890 г. IV+571 стр.

Н. В. Муравьевъ, прокуроръ Московской Судебной Палаты. Руководство для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники. С.-Петербургъ. 1890 г. 11+96. Цѣна 85 к.

Орловская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи 1889 г. Изданіе Орловскаго Губернскаго Земства. Орелъ. III+190+11+11+VIII. Ц. 50 к.

А. П. Временныя правила о волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Съ приложеніемъ и объясненіемъ узаконеній, на которыя сдѣланы ссылки, и постановленій, которыми волостные судьи обязаны руководствоваться при разбирательствѣ дѣлъ лицъ не крестьянскаго сословія. Изданіе П. М. Мартынова. Москва. 1890 г. VIII+182. Ц. 1 рубль.

С. Ю. Сергѣевъ. Императоръ Вильгельмъ II и вопросы международной политики. С.-Петербургъ. 1890 г. 49.

Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета. Выпускъ I. О задачахъ Комитета, организаціи статистики, способахъ счисленія народонаселенія и статистикѣ населенныхъ мѣстъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Варшава. 1889 г. X+154.

Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета по девяти губерніямъ Царства Польскаго. Выпускъ II. Пренія о программѣ статистики населенныхъ мѣстъ и условіяхъ благосостоянія сельскаго населенія. Характеристика свѣдѣній, собранныхъ по этой программѣ въ 1889 г. Классификація земель по степени плодородія. Этнографическая статистика и пренія о программѣ ея. Проекты инструкцій для веденія статистики населенія. Варшава. 1890. II+280.

А. Л. Форштетеръ, подъ редакціей приватъ - доцента Императорскаго Московскаго Университета В. А. Уляницкаго. Дунай, какъ международная рѣка. Москва. 1890 г. XXXVIII+153. Ц. 1 руб.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Принципъ оппортюнизма въ прокуратурѣ. Критикой на сочиненіе Н. В. Муравьева «Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности» томъ I-й, не былъ разобранъ одинъ существенный вопросъ, затронутый въ этомъ сочиненіи,—вопросъ о допустимости Opportunitäts Princip'а въ дѣятельности прокуратуры. Принципъ оппортюнизма также, какъ и другой принципъ—законности или Legalitäts Princip—два руководящія начала служебной дѣятельности представителей правительства вообще и представителей прокуратуры—въ частности. Отъ характера дѣятельности этихъ представителей правительства зависитъ преобладаніе того или другаго принципа; но, думаемъ мы, слѣдовало бы установить, что Opportunitäts Princip, *какъ принципъ*, совершенно чуждъ прокуратурѣ.

«Терминъ—блюститель законовъ (conservator legis; gardien de la loi; Wächter des Gesetzes) есть одинъ изъ коренныхъ эпитетовъ прокуратуры, выражающій собою одинъ изъ главнѣйшихъ ея аттрибутовъ» (стр. 5),—говоритъ съ полною основательностью авторъ названнаго нами труда. Этотъ характеръ conservator'a legis присвоенъ институту прокураторы историческимъ ходомъ его развитія. Блюститель закона, охранитель его—прокуроръ, въ своей дѣятельности, повидимому, долженъ лишь руководствоваться закономъ—fiat justitia, pereat mundus—не является парадоксомъ для прокуратуры. Прокуроръ, самъ нарушающій законъ—это своего рода contradictio in adjecto, явленіе, глубоко извращающее самую сущность прокурорскаго учрежденія и требующее, поэтому, немедленнаго устраненія (стр. 17). Чѣмъ вѣрнѣе представляются всѣ эти положенія, тѣмъ труднѣе согласовать ихъ съ послѣдующими словами автора. «Кромѣ легальной, есть еше другая точка зрѣнія, нравственно-житейская, которую ни въ какомъ юридическомъ ученіи нельзя упускать изъ виду, подъ опасеніемъ впасть въ излишній ригоризмъ и мертвое доктринерство», «жизнь не ждетъ закона и часто опережаетъ его». «При подобныхъ столкновеніяхъ жизни съ закономъ—множество трудно разрѣши-

мыхъ коллизій и необходимость, для устраненія ихъ, держаться на той, не легко уловимой границѣ, которая отдѣляетъ юриспруденцію отъ юридическаго буквоѣдства» (стр. 18). Далѣе изъ сказаннаго авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что рядомъ съ началомъ законности выдвигается жизнью въ дѣятельности прокуратуры начало умѣстности и цѣлесообразности (opportunitäts princip), не нарушающее принципа законности и ему подчиненное.

Но что такое въ дѣйствительности оппортюнизмъ? Оппортюнизмъ можетъ быть двоякаго рода: личный и правительственный. Объ оппортюнизмѣ перваго рода здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Оппортюнизмъ правительственный до нѣкоторой степени выражается въ законодательствѣ, напримѣръ, въ институтѣ давности и, по нашему мнѣнію, онъ только на столько и допустимъ, на сколько обусловленъ предыдущими положеніями закона, дающими право—по афоризму древнихъ—дѣйствовать въ смыслѣ supplendi, adjuvandi et corrigendi juris gratia. Мнѣніе это основано на томъ, что для всякаго сужденія нуженъ критеріумъ. Критеріумъ этотъ для всякой эпохи можетъ и долженъ быть выработанъ примѣнительно къ обстоятельствамъ мѣста и времени,—но разъ выработанный критеріумъ обязателенъ. Tertium non datus... Такимъ исторически выработаннымъ у каждаго народа критеріумомъ является законъ. Допустивъ Opportunitäts Princip, мы лишимъ себя гарантіи въ вѣрности сужденія и допустимъ личный произволъ, нарушимъ единообразіе въ примѣненіи закона, нарушимъ принципъ равнаго для всѣхъ правосудія и поставимъ *блюстителя закона* въ несвойственную ему роль. Какъ сказано, отъ характера дѣятельности представителей правительства зависитъ преобладаніе того или другаго принципа. Есть дѣйствительно отрасли государственной дѣятельности, гдѣ принципъ оппортюнизма обязательно господствуетъ, напримѣръ, дѣятельность административная. Здѣсь при охраненіи насущныхъ потребностей ежедневнаго общественнаго обихода Legalitäts Princip играетъ подчиненную роль—тѣмъ большую, чѣмъ выше по качеству дѣятельность администраціи. Въ дѣятельности блюстителя закона, наоборотъ, Legalitäts Princip долженъ царить всецѣло, такъ какъ эта дѣятельность — только примѣняющая законъ къ явленіямъ общественности. Истинная законность не есть еще буквоѣдство; между тѣмъ и другимъ — громадная разница. Когда представители парижскаго парламента отвѣтили на ходатайство короля за одного вельможу, что они не могутъ оказать ему «услуги» (откуда и извѣстная фраза: «судьи изрѣкаютъ приговоры, но не оказываютъ услугъ») и подчиниться его требованіямъ, тогда эти представители парламента были, конечно, не буквоѣдами, а лишь не хотѣли быть оппортюнистами. Юридическое буквоѣдство выражается въ стремленіи втиснуть новый жизненный фактъ въ старыя, неподходящія рамки,—стремленіи, въ силу неподвижности, инертности понимать жизнь *ограничительно*, что прямо противорѣчитъ уже цитированному выше афоризму древнихъ о необхо-

димости *дополнять* право. Въ силу принципа законности къ тому же новому явленію будетъ примѣнено право по аналогіи, будетъ расширена область примѣненія права, но всѣ новыя отношенія будутъ урегулированы, измѣнившіяся получать въ правѣ новое выраженіе, право вообще получитъ *распространительное толкованіе* и примѣненіе. Между тѣмъ оппортюнизмъ въ дѣятельности юриста есть стремленіе *ограничительно* примѣнять право къ явленіямъ жизни, съ извѣстными изъятіями, стремленіе поставить что-то другое (можетъ быть и существенное въ данный моментъ, но постороннее правосудію) выше или наравнѣ съ принципомъ законности — руководящимъ началомъ въ примѣненіи права, и этимъ какъ ограничить свою дѣятельность, такъ и поколебать ее въ самомъ основаніи, допустивъ извѣстную эвентуальность и условность. Юристъ въ этомъ случаѣ можетъ принимать въ соображеніе различныя «raisons d'état» и т. п. но все это подрываетъ вѣру въ равное для всѣхъ правосудіе...

Роль современной прокуратуры вѣрнѣе всего выражается, по нашему мнѣнію, въ обозначеніи ея дѣятельности на французскомъ языкѣ словами «ministére public»; такого рода «officium publicum» не допускаетъ и мысли объ оппортюнизмѣ. Признаніе оппортюнизма какъ принципа открываетъ широкій путь компромиссамъ. Если правда, что великая идея, пущенная въ толпу, теряетъ дѣвственность, то и Legalitätsprincip, пущенный въ жизнь, является непримѣнимымъ во всей своей полнотѣ, но, если съ этимъ приходится мириться,—едва ли, однако, это слѣдуетъ признавать за должное. Нѣтъ надобности вмѣсто констатированія извѣстныхъ фактовъ дѣйствительности возводить ихъ въ руководящій принципъ.

М. Головинскій.

Освидѣтельствованіе умственныхъ способностей подсудимаго (о примѣненіи примѣчанія къ 692 ст. устава уголовнаго судопроизводства). Крестьянинъ Краснослободскаго уѣзда, деревни Новой Лепьевки, Терентій Степановъ Жадкинъ, 37 лѣтъ, на основаніи утвержденнаго судебною палатою обвинительнаго акта, опредѣленіемъ отъ 19 декабря 1889 г., былъ преданъ суду по обвиненію въ лжесвидѣтельствѣ, выразившемся въ томъ, что онъ ложно показалъ у мироваго судьи, безъ присяги, а въ мировомъ съѣздѣ—подъ присягой, что онъ, Жадкинъ, въ 1889 году купилъ у крестьянина Журавлева водки на 6 коп., вслѣдствіе чего Журавлевъ и былъ осужденъ за безпатентную торговлю виномъ. По собственному признанію, Жадкинъ ложно показалъ такъ по досадѣ на Журавлева, будучи самъ привлеченъ полиціей къ отвѣтственности за таковую же торговлю. Въ судебномъ засѣданіи окружнаго суда, 31 мая 1890 г., Жадкинъ объяснилъ, что свидѣтельствуя противъ Журавлева, онъ былъ не въ своемъ умѣ; что умъ у него временно мѣшается и объ этомъ былъ даже составленъ общественный приговоръ; что у него

во рту нѣтъ нёба (сифилисъ). Свидѣтели показали: 1) Кондр. Жигановъ,—что Жадкинъ—человѣкъ неразумный и работать не можетъ; что онъ не найдетъ въ полѣ своего загона и потому сдаетъ землю другимъ; что хотя онъ и состоитъ караульнымъ у пожарнаго сарая, но его наняло не сельское общество, а то лицо, которому пожарный сарай сданъ обществомъ; что Жадкинъ держалъ тайный шинокъ, но торговала тамъ его жена; 2) Ив. Велинъ и 3) Тим. Купряшинъ, — что Жадкинъ временно бываетъ не въ своемъ умѣ и объ этомъ былъ составленъ общественный приговоръ; 4) Степ. Копаевъ,—что Жадкинъ—сумасшедшій и въ 1877 году онъ цѣлый годъ находился связаннымъ; какъ сумасшедшій, онъ не былъ взятъ и въ солдаты; по временамъ онъ заговаривается, — и съ нимъ бываютъ припадки — «родимецъ»; 5) Мих. Еськинъ,—что Жадкинъ—человѣкъ не въ своемъ разсудкѣ; что когда его, какъ сумасшедшаго, не приняли въ военную службу, онъ остригъ себѣ волосы на головѣ и говорилъ, что онъ — такой же солдатъ, какъ и всѣ.—По этимъ даннымъ, указывающимъ на ненормальность умственныхъ способностей Жадкина и не бывшимъ въ виду судебной палаты при преданіи его суду, окружный судъ, руководствуясь 549 статьею устава уголовнаго судопроизводства, представилъ дѣло на усмотрѣніе судебной палаты. Но судебная палата, опредѣленіемъ отъ 19 іюня 1890 г., выразила, что окружный судъ былъ обязанъ руководствоваться не 549 ст. устава, а точнымъ смысломъ примѣчанія къ 692 ст. устава уголовнаго судопроизводства, ибо отъ суда зависѣло, не представляя дѣла въ палату, подвергнуть Жадкина освидѣтельствованію въ состояніи умственныхъ способностей и затѣмъ направить дѣло смотря по результатамъ освидѣтельствованія. Теперь посмотримъ, правильно ли опредѣленіе судебной палаты?

Для рѣшенія этого вопроса, представляющаго интересъ въ процессуальномъ отношеніи, обратимся къ точному смыслу *примѣчанія* къ 692 ст. устава уголовнаго судопроизводства.

Не только по смыслу, но и по самой буквѣ закона это примѣчаніе касается только лицъ обвиняемыхъ (преданныхъ суду, то есть подсудимыхъ и даже осужденныхъ) въ стадіи процесса, когда безуміе, сумасшествіе или болѣзненные припадки, приводящіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, обнаружатся въ промежутокъ времени *между преданіемъ суду и обращеніемъ приговора къ исполненію*,—напримѣръ, по врученіи подсудимому копіи обвинительнаго акта, — и такое освидѣтельствованіе, во всякомъ случаѣ, происходитъ *не во время судебнаго слѣдствія*, при разбирательствѣ дѣла по существу, а въ другой моментъ, хотя 692 статья, къ которой относится разбираемое примѣчаніе, и помѣщена въ седьмой главѣ устава «о порядкѣ производства судебнаго слѣдствія». Еслибы анормальныя психическія явленія обнаружились ранѣе, до преданія суду, то обвиняемый подлежалъ бы освидѣтельствованію въ порядкѣ 353—355 ст. устава уголовнаго судопроиз-

водства, во время предварительнаго слѣдствія,—и тогда уголовное преслѣдованіе могло бы быть прекращено судомъ на основаніи 356 ст. того же устава. По преданіи же суду, на основаніи 692 ст. устава уголовнаго судопроизводства, въ судебномъ засѣданіи производится только повѣрка ранѣе произведеннаго освидѣтельствованія чрезъ вызываемыхъ для сего экспертовъ, но такая повѣрка, хотя бы она и называлась освидѣтельствованіемъ умственныхъ способностей, производится не въ порядкѣ 353—355 ст. устава уголовнаго судопроизводства, а примѣняясь къ порядку, означенному въ 325—333 ст. того же устава. Итакъ, примѣчаніе къ 692 ст. устава уголовнаго судопроизводства относится только до лицъ, обнаружившихъ разстройство умственныхъ способностей *послѣ* преданія суду, причемъ *до преданія суду они были психически вполнѣ здоровы.*

Если обвиняемый до преданія суду не обнаруживалъ явленій психическаго разстройства, то онъ можетъ быть преданъ суду: 1) вполнѣ правильно, — при надлежащей полнотѣ предварительнаго слѣдствія, и 2) ошибочно, неправильно, если поверхностно произведеннымъ предварительнымъ слѣдствіемъ не обнаружено и не установлено хотя сколько нибудь важныхъ признаковъ психическаго разстройства, а между тѣмъ обвиняемый—лицо психически больное. Отсюда такой логическій выводъ: если бы предварительнымъ слѣдствіемъ были установлены хотя нѣкоторыя изъ тѣхъ данныхъ, которыя обнаружились на судебномъ слѣдствіи 31 мая 1890 г., при разбирательствѣ дѣла о Жадкинѣ, то весьма вѣроятно, что онъ и не былъ бы преданъ суду обвинительною камерою. Слѣдовательно, въ судебномъ засѣданіи 31 мая 1890 года открылись такія данныя, которыя не были, да и не могли быть, въ виду судебной палаты по причинѣ важной неполноты и пробѣловъ предварительнаго слѣдствія. И потому окружный судъ поступилъ вполнѣ правильно, руководствуясь 549 ст. устава уголовнаго судопроизводства, и отъ усмотрѣнія судебной палаты зависѣло, оставить ли въ силѣ или отмѣнить свое опредѣленіе о преданіи Жадкина суду, какъ преждевременное, и возвратить дѣло къ дослѣдованію. Теперь какъ слѣдуетъ суду исполнить опредѣленіе палаты объ освидѣтельстваніи Жадкина на основаніи примѣчанія къ 692 ст. устава уголовнаго судопроизводства?—Такъ какъ этимъ примѣчаніемъ указывается порядокъ, установленный въ 355 ст., то по освидѣтельствованіи Жадкина въ особомъ присутствіи съ участіемъ означенныхъ въ ней трехъ врачей, судъ, повидимому, вправѣ постановить и опредѣленіе о прекращеніи судебнаго преслѣдованія на основаніи 356 ст. устава уголовнаго судопроизводства, то есть въ нарушеніе требованія 549 ст., отмѣнить опредѣленіе палаты,—по крайней мѣрѣ, фактически отмѣнить, — о преданіи Жадкина суду за лжесвидѣтельство. Но положимъ, что судъ имѣетъ законное основаніе и не постановлять такого опредѣленія, тѣмъ болѣе, что въ примѣчаніи къ 692 ст. устава уголовнаго судопроизводства сдѣлана ссылка только на 355 статью съ

примѣчаніемъ къ ней, а не на 356 ст., и слѣдовательно, по возвращеніи дѣла изъ суда съ протоколомъ освидѣтельствованія, отъ судебной палаты зависѣло бы постановить опредѣленіе о прекращеніи судебнаго преслѣдованія на основаніи 356 ст. устава уголовнаго судопроизводства въ виду результатовъ произведеннаго въ окружномъ судѣ освидѣтельствованія; — тогда этимъ путемъ и состоялась бы отмѣна судебною палатою своего же опредѣленія о преданіи Жадкина суду, причемъ судебная палата могла бы и возвратить дѣло въ судъ для прекращенія по 356 ст. Послѣдній путь, т. е. представленіе дѣла окружнымъ судомъ въ судебную палату на ея распоряженіе, по освидѣтельствованіи подсудимаго порядкомъ, указаннымъ въ примѣчаніи къ 692 ст. устава уголовнаго судопроизводства, представляется и мнѣ не только болѣе правильнымъ, но, можетъ быть,—и единственно правильнымъ, ибо компетенція окружнаго суда на прекращеніе дѣла въ этомъ случаѣ ограничена неотмѣненнымъ опредѣленіемъ судебной палаты о преданіи Жадкина суду. Но всетаки какъ исполнитъ окружный судъ предшествующую этому прекращенію судебнаго преслѣдованія процедуру освидѣтельствованія Жадкина? Вѣдь для этого пришлось бы собирать подробныя біографическія свѣдѣнія о Жадкинѣ и его родныхъ по программѣ, установленной циркуляромъ мин. юст., отъ 28 октября 1888 г., за № 26199, и провѣрить свидѣтельскія показанія, данныя въ судебномъ засѣданіи 31 мая 1890 года. Очевидно, собраніе такихъ свѣдѣній чисто слѣдственнаго характера не можетъ быть подводимо на возложенныя на окружные суды въ распорядительныхъ засѣданіяхъ обязанности по подготовленію дѣла къ судебному разсмотрѣнію (статья 547 устава уголовнаго судопроизводства). И по сему нынѣ окружный судъ поставленъ въ необходимость: либо, въ нарушеніе 549 ст. устава уголовнаго судопроизводства, возвратить дѣло къ судебному слѣдователю для дослѣдованія, либо поручить судебному слѣдователю, не возвращая дѣла, собрать требуемыя циркуляромъ біографическія свѣдѣнія, какъ матеріалъ для предстоящаго освидѣтельствованія умственныхъ способностей на основаніи примѣчанія къ 692 статьѣ устава уголовнаго судопроизводства и порядкомъ, указаннымъ въ 355 ст. того же устава. Но что же это будетъ за неуказанное въ уставѣ какое-то особое производство судебнаго слѣдователя? Вѣдь для этого разслѣдованія, кромѣ допроса свидѣтелей и приложенія къ дѣлу разныхъ справокъ и документовъ, потребовался бы и вызовъ обвиняемаго, въ настоящемъ случаѣ *подсудимаго* Жадкина, съ предъявленіемъ ему и заключеніемъ слѣдственнаго производства вновь порядковъ, означеннымъ въ 448, 476, 478 ст. устава уголовнаго судопроизводства. Или для дополнительнаго разслѣдованія уже не требуется соблюденіе этого порядка?.. Итакъ, какъ скоро по сдѣланному окружнымъ судомъ въ порядкѣ 549 ст. устава уголовнаго судопроизводства представленію не послѣдовало опредѣленія судебной палаты объ отмѣнѣ ея же опредѣленія о преданіи Жадкина суду и о возвращеніи дѣла къ дослѣдованію, мы тотчасъ же впа-

даемъ въ область юридическихъ, процессуальныхъ несообразностей, изъ чего и слѣдуетъ заключить, что, въ данномъ случаѣ, окружный судъ правильно руководствовался 549 статьею устава уголовнаго судопроизводства и что, напротивъ того, неправильно опредѣленіе судебной палаты, которая, повидимому, игнорируетъ то обстоятельство, что психическое разстройство Жадкина возникло еще до преданія его суду за лжесвидѣтельство, когда, въ 1877 году, по причинѣ этого разстройства, онъ не былъ принятъ въ военную службу.

Въ распорядительномъ засѣданіи, 3 іюля 1890 г., состоялось такое опредѣленіе окружнаго суда: для освидѣтельствованія вызвать Жадкина въ засѣданіе суда—въ городъ Пензу; предварительно же поручить судебному слѣдователю Краснослободскаго уѣзда собрать требуемыя циркуляромъ о Жадкинѣ свѣдѣнія и провѣрить заявленія свидѣтелей въ судебномъ засѣданіи 31 мая 1890 г., для чего передать ему копію протокола этого засѣданія. Итакъ, выходъ изъ процессуальныхъ затрудненій, какъ будто, и найденъ; но правиленъ ли онъ въ виду вышеприведенныхъ соображеній и пока еще не отмѣнено опредѣленіе судебной палаты о преданіи Жадкина суду?

Валер. Волжинъ.

В. Л. Гурвичъ (некрологъ). Въ четвергъ, 13 сентября, въ Москвѣ, въ больницѣ имени братьевъ Бахрушиныхъ, скончался на 27 году жизни *Викторъ Леонтьевичъ Гурвичъ*, бывшій однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ нашего журнала. Покойный, еще будучи студентомъ Московскаго университета, предался, подъ руководствомъ А. И. Чупрова, внимательному и добросовѣстному изученію экономической науки и земскихъ статистическихъ изданій съ цѣлью получить основательную подготовку къ тому, чтобы стать по окончаніи курса въ университетѣ въ ряды тѣхъ работниковъ, которые съ горячей любовью къ родинѣ и трудящимся элементамъ ея изучаютъ нужды русскаго крестьянства и условія его существованія. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ тотчасъ же былъ приглашенъ въ статистическое бюро смоленскаго губернскаго земства для мѣстныхъ изслѣдованій, которымъ и предался со всѣмъ пыломъ молодости и горячей любви къ дѣлу, что не могло не отразиться гибельнымъ образомъ на его здоровьѣ, уже значительно подорванномъ зачатками смертельной болѣзни. Послѣ пріостановки статистическихъ изслѣдованій въ Смоленской губерніи, В. Л. продолжалъ тѣ же занятія въ Тверской губерніи. Плодомъ ознакомленія его съ этой мѣстностью была, между прочимъ, работа его «Общинное землевладѣніе и интензивная культура» (опыты травосѣянія на надѣльныхъ земляхъ крестьянъ Кашинскаго уѣзда, Тверской губерніи), читанная какъ рефератъ въ засѣданіи Статистическаго отдѣленія Юридическаго Общества и помѣщенная въ №№ 2 и 4 «Юридическаго Вѣстника» за текущій годъ. Работа эта, интересная какъ по впервые сообщаемымъ въ литературѣ, заключающимся въ ней фактамъ,

такъ и по разработкѣ матеріала, обратила на себя вниманіе всѣхъ интересующихся вопросами общиннаго землевладѣнія и крестьянскаго земледѣлія.

Продолжая усердно работать въ тверскомъ земствѣ, В. Л. долженъ былъ по настоянію врачей еще лѣтомъ 1889 г. уѣхать въ Самарскую губернію на кумысъ, а весною этого года оставить свои занятія и уѣхать въ Крымъ. Но пребываніе тамъ мало помогло ему; дурная погода, отсутствіе дѣла и сознаніе смертельности гнѣздящейся въ немъ болѣзни сильно тяготило и раздражало его. Вернувшись оттуда, онъ уже долженъ былъ безсильный, больной доживать дни свои въ сознаніи печальнаго и близкаго исхода ихъ. Такъ рано закончилась эта юная жизнь, для которой все еще было впереди и которая успѣла уже пролить свѣтъ на многія стороны быта тѣхъ мѣстностей, которыя изучалъ покойный. Похороненъ онъ на еврейскомъ кладбищѣ.

Замѣченныя опечатки въ № 7 — 8 «Юридическаго Вѣстника» 1890 года въ статьѣ «*Грамотность сельскаго населенія*», И. Бычкова.

Напечатано:	*Слѣдуетъ*:
Стр. 311, строка 15 снизу —западной	Земской
» 313, » 13 сверху—1860 г.	1880—87 гг.

Въ № 9 «Юридическаго Вѣстника», 1890 г. въ статьѣ «*Международный союзъ уголовнаго права*», И. Фойницкаго замѣчена слѣдующая опечатка:

напечатано:	*слѣдуетъ*:
стран. 20, строка 29 сверху, открытія	закрытія

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1890 ГОДУ

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . . 8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. . . . 8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города. . . 9 р.
за границей. . . . . 12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія:
съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50

Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ касс. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. **Гг. дѣйствительные члены Спб. юридическаго общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к., а съ касс. рѣш. 9 р. 50 к. То же право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ Москвѣ: у *Анисимова*, на Никольской улицѣ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1887 и 1888 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. Володиміровъ.**
(По отдѣлу гражд. права) **А. Х. Гольмстенъ.**

Содержаніе седьмой книги:

*

000184210
ЮФ СПБГУ

